

Чеченцы

Исследования
по этнографии северо-восточного Кавказа
на основе путешествий в 1918–1920 и 1927/28 годах

Др. Бруно Плечке
ассистент Географического института
Кёнигсбергского университета

С 68 рисунками и одной картой в тексте
и 24 иллюстрациями на 12 таблицах

Отпечатано И. И. Августинном в Глюкштадте и Гамбурге

Предисловие

С октября 1927 по февраль 1928 года я крест-накрест исходил расположенную на северо-восточном склоне Кавказа область чеченцев и части северо-западного Дагестана для общестрановедческих и этнографических исследований.

Я выбрал эту область не случайно. Без колебаний можно сказать, что из всего Кавказа чеченская область оставалась до сих пор наименее изученной. Причины тому различны. Прежде всего, на востоке Кавказа мы не находим той мощной, покрытой льдами высокогорной страны, как в западной половине хребта, хотя горы Дагестана, например, предлагают достаточно своеобразие, и даже самый взыскательный путешественник найдёт там то, что ищет. Как бы то ни было, европейские и даже русские путешественники и учёные обращались в основном, за некоторыми исключениями, лишь к центральному горному хребту между Казбеком и Эльбрусом. А те, кто отправлялся на восток, и там обращали своё главное внимание, как правило, только на высокогорье; среднегорье же исследовалось гораздо меньше. Однако именно в чеченской области оно занимает величайшее пространство, если понимать под ним все горы, уже не достигающие снеговой границы. Единственное высокогорье - Пирикительский хребет - образует уже южную границу области, следовательно, принадлежит чеченской территории только своим северным склоном.

Другой причиной, которая, возможно, многих удерживала от посещения чеченских гор, была весьма дурная слава, которой чеченцы пользовались в целом. Они считаются и по сей день среди всех кавказских народов если не самыми дикими - в этом их, пожалуй, превосходят хевсуры и сваны, - то самыми ненадёжными и беспокойными. Разбойные нападения, при которых человеческая жизнь ничего не значит, случаются и теперь; более того, можно сказать, что после некоторого затишья бандитизм именно сейчас снова начинает оживать; даже строгие советские власти бессильны против него. Я сам, впрочем, не могу жаловаться на неприветливость со стороны населения; напротив, за одним исключением, меня везде принимали дружелюбно, даже сердечно. Однако у этого была и особая причина: благодаря моему прежнему пребыванию в горах в революционные годы 1918–1920 у меня осталось много знакомых, чьей поддержкой я теперь снова мог пользоваться.

Если при этом первом пребывании я и не преследовал научных целей - я действовал на стороне горцев по военной линии, - то всё же приобрёл хорошее знание страны и людей, так что на этот раз мне не нужно было терять время на общую ориентацию.

Настоящая работа содержит лишь этнографические наблюдения, и даже из них только часть. Хотя путешествие предпринималось главным образом для общестрановедческих исследований, у меня было достаточно возможностей делать этнографические наблюдения, и это опять-таки благодаря тесному общению с туземцами, в особенности потому, что я вечер за вечером останавливался у них на ночлег. И это, в конечном счёте, является условием успешной этнографической работы.

Мои этнографические наблюдения не производились систематически и потому имеют ощутимые пробелы, тем более что на некоторые вещи я начал обращать внимание, когда было уже поздно и моё пребывание подходило к концу. В основном я ограничивался сбором

материалов, касающихся материальной культуры. Для более точного изучения духовной культуры, в частности также очень интересных общественных отношений, времени не хватало. К тому же подобные исследования без знания племенного языка сопряжены с большими трудностями. Мои знания русского языка в отдалённых горных сёлах мало помогали, поскольку там русский понимают лишь очень немногие, а в некоторых сёлах - вообще никто. То же самое относится к татарскому или кумыкскому языку, который в Дагестане часто служит языком общения; он известен только чеченцам, непосредственно соседящим с кумыками.

Ввиду неизвестности области я счёл целесообразным предпослать более подробный географический обзор пройденной местности[1]. В особенности мне важно при этом кратко охарактеризовать отдельные чеченские ландшафты или округа, тем более что при этнографических изложениях я подробнее останавливаюсь на географическом распространении отдельных явлений в пределах чеченской области. Далее, поскольку чеченская культура не является особой культурой, но повсюду видны сходства и совпадения с культурой прочих кавказских народов, мне показалось небесполезным кратко охарактеризовать географическое положение чеченской области на Кавказе.

К этому ещё несколько общих замечаний о состоянии этнографических исследований в кавказских странах. Как и повсюду в мире, здесь тоже старые народные культуры в их духовном и материальном составе исчезают всё больше и больше и вытесняются современным укладом жизни западноевропейского происхождения, который именно благодаря войне и особенно большевизму распространяется с величайшей интенсивностью и проникает в самые отдалённые горные долины. Но столь же усердно при этом стараются записать то, что ещё сохранилось, и собрать в музеях, пока оно окончательно не исчезло.

[1] Страноведческое исследование о северо-восточном склоне Кавказа готовится к печати.

В этой работе, которая в настоящее время идёт полным ходом, доля западноевропейских исследователей, в прежние десятилетия стоявших в первых рядах, весьма невелика. Правда, интерес к Кавказу у нас никоим образом не ослабел, скорее даже наоборот. Но несравненно сильнее возрос с русской стороны интерес к страноведческим и этнографическим исследованиям и к кавказоведению в особенности. Этому движению способствует строгая организация, направляющая по единому плану многочисленные экспедиции, ежегодно работающие в различных частях огромной империи. Это имеет, впрочем, и свою особую причину: единственным источником необходимых для этого средств является государственная казна, как иначе и не может быть в коммунистическом государстве. Но прежде всего следует учесть - обстоятельство, слишком мало известное, - что страноведческие и этнографические исследования ведутся не только русскими, но что и многочисленные инородцы империи, на которых эти исследования по большей части и направлены, уже сами деятельно участвуют в этом - одни больше, другие меньше. Крупные народы, такие как древний культурный народ грузины, делали это и раньше, но у других малых кавказских народов, особенно у северокавказцев, интерес к краеведению пробудился (или был пробуждён) в основном лишь в последнее время, в общей связи с национальной политикой Советского Союза. Существенную роль в этом сыграло развитие народного образования. Во время моего пребывания в чеченской области примерно 40% всех детей пользовались регулярным школьным обучением - в сёлах равнины больше, в высокогорье меньше. Было лишь несколько труднодоступных высокогорных долин, где ещё не существовало школы. Инородцы получили благодаря большевизму чрезвычайные преимущества; даже будучи противником большевизма, приходится это признать[2]; их

культурное развитие всячески поощрялось, по моим наблюдениям, подчас в ущерб русским частям населения. В полной мере, особенно также для краеведения, эта перемена скажется лишь через несколько лет, когда подрастёт молодое поколение инородцев. Но и сегодня каждое из малых автономных областей Северного Кавказа - а в других частях империи так же - имеет свой собственный маленький краеведческий музей. Центрами исследований являются музеи и институты Владикавказа и Петровска (Махач-Кала), где работают постоянные научные сотрудники, о чём свидетельствуют периодические издания. Там мне также охотно предоставили гостеприимство, за что я хочу поблагодарить и здесь.

[2] Подробнее об этом содержит моя статья в журнале "Восточная Европа", 1928, выпуск 10: "О культурной жизни в малых автономных областях Северного Кавказа".

Таким образом, тот, кто сегодня занимается кавказоведением - в области ли естественных или гуманитарных наук, - должен основательно ознакомиться с работами, которые в последние годы были и ведутся на месте русскими исследователями и кавказскими уроженцами, если его наблюдения и сделанные из них выводы должны соответствовать современному состоянию исследований. Правда, это требование нелегко выполнить из-за всё ещё неудовлетворительного обмена литературой, несмотря на некоторые усилия.

Для путешествия в моём распоряжении были лишь очень скромные собственные средства. Более крупная сумма, которая была мне великодушно предоставлена Гамбургским музеем этнографии для приобретения этнографических предметов, когда я уже находился на Кавказе, к сожалению, лишь в малой части попала в мои руки из-за всяческих трудностей. Некоторые из привезённых предметов опубликованы здесь; изготовление соответствующих рисунков было любезно выполнено музеем. Прежде всего я благодарю заведующего кавказским отделом музея господина д-ра А. Быхана за его неизменно дружелюбное содействие. Много ценных побуждений я получил от моего друга д-ра Фридриха Баумхауэра из Остероде в Восточной Пруссии на основе его основательного знания грузинской этнографии, опирающегося на собственные исследования.

Господину профессору д-ру Арведу Шульцу, директору Географического института Кёнигсбергского университета - немецкого института, который предоставляет наилучшие возможности для изучения общего страноведения русского Востока, - я выражаю мою особую благодарность за живой интерес и поддержку, которые он оказывал моим кавказским работам, а также за то, что благодаря ему стала возможной публикация настоящего труда в данном оформлении.

Оглавление

А) Географические основы

I. Границы, протяжённость и численность населения чеченской области

II. Положение чеченской области в горном строении Кавказа

III. Страноведческий обзор чеченской области

a) Рельеф

b) Воды

c) Климат

d) Растительный покров

e) Ландшафтное и окружное деление

B) Языковое положение и диалектические различия

C) Исторический очерк

D) Антропологические наблюдения

E) Этнографические наблюдения

I. Башенная культура чеченских гор

a) Постройки

1. Жилые башни

2. Боевые башни

3. Склепы и другие формы погребений

4. Святотилища

b) Орнаментака

c) Географическое распространение башенной культуры

1. В чеченской области

2. На остальном Кавказе

d) К вопросу о происхождении башенной культуры

e) Сходные явления в Албании и других странах

II. Другие формы жилищ

a) Низкие дома с плоскими земляными крышами ("сакли")

b) Чеченский дом с двускатной крышей

с) Единичные случаи других форм жилищ или видов укрытий

1. Глинобитные дома со слегка изогнутой земляной крышей
2. Бревенчатые хижины
3. Землянки
4. Пещерные жилища
5. Русские входные навесы и оконные украшения

III. Основные черты чеченской обстановки жилища

IV. Одежда

V. Изготовление и использование войлочных материалов; войлочные ковры и их орнамента

VI. Различные орудия

Дополнение

Список литературы

А) Географические основы

I. Границы, протяжённость и численность населения чеченской области

Ниже кратко указывается ход границ Автономной области чеченцев.

Южная и юго-восточная граница проходит вдоль водораздела между бассейном реки Терек и Сулака, соответственно между Сунжей и Андийским Койсу. Она идёт, следовательно, от Тебулос-мта вдоль Пирикительского хребта, или Баш-лама[3], до Диклос-мта, а затем следует в северном направлении по Андийской цепи до окрестностей озера Эсен-ам, проходя к востоку от него. Здесь граница заходит юго-восточнее немного за водораздел. От перевала Керкет она идёт снова на восток по андийскому водоразделу, покидая его

окончательно только у истоков Ярыксу. Повернув к северу, она проходит около 20 км по водоразделу между Акташем на востоке и Ярыксу на западе, затем пересекает в северо-западном направлении последний, а также водотоки Ямансу и, севернее железной дороги Грозный–Петровск, также Аксай и достигает Терека у станицы Шелкозаводской примерно в том месте, где он начинает поворачивать к северу. Северная граница образуется всюду Терекком. Примерно в 20 км восточнее Моздока она покидает Терек и пересекает в южном направлении возвышенности Терско-Сунженского хребта. В Сунженской равнине она образует открытую к западу петлю и затем, снова вдаваясь в горы, идёт на юг по водоразделу между двумя притоками Сунжи - Ассой и Фортангой - к горному узлу Муйтыкер. Отсюда она спускается в юго-восточном направлении в долину верхнего Аргуна и, повернув к югу, снова достигает Тебулос-мта.

[3] Общепринятое в литературе имя «Пирикительский хребет» - слово грузинского происхождения - на северном склоне гор совершенно неизвестно. Чеченское название, которое должно использоваться в этой работе, посвящённой чеченцам, звучит «Баш-лам» (лам = гора, горы).

Поскольку чеченцы живут компактной массой, внутри указанных границ нет других народов, если не считать отдельных инородцев, живущих в чеченских сёлах. Исключение составляет преимущественно русский Грозный с его нефтяной промышленностью, который ранее составлял особый административный округ, но в новейшее время присоединён к Автономной области чеченцев. Наоборот, вне этой автономной области нет чеченцев, за исключением жителей нескольких сёл, переданных Советской республике Дагестан.

Общая площадь области по приблизительной оценке составляет около 10 000 кв. км, то есть лишь около 1/4 площади Восточной Пруссии. По переписи 1926 года насчитывалось 311 000 жителей без учёта 95 000 жителей Грозненского округа.

Как видно из карты, чеченская область состоит из горной и равнинной частей, приблизительно равных по величине.

II. Положение чеченской области в горном строении Кавказа

Горный хребет Кавказа можно без труда разделить на три главные части; это деление предпочитается и большинством географов, поскольку оно навязывается само собой. Длинная цепь мощных снежных вершин и фирновых полей в центральной части воспринимается прежде всего как единое целое. Границу с обоими внешними третями можно выбрать по-разному. Геолог примет за границу к востоку Терекское ущелье, поскольку там кристаллические породы уходят под древние тёмные сланцы Восточного Кавказа; в орографическом отношении лучше считать восточной границей центральной части горный узел Большого Борбало. Примерно в 50 км западнее Эльбруса начинается

западная треть хребта, который, быстро понижаясь, в конце концов заканчивается на Таманском полуострове.

Намного яснее, чем западная треть, восточная выделяется как своеобразная, самостоятельная горная часть, которая называется Дагестан. Этот мощный щитообразный треугольник, по-видимому, имеет с остальным хребтом только одно общее: одинаковое, прямолинейно продолженное простираие водораздельного хребта с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Весь южный склон Кавказа здесь отсутствует; он опустился. На его месте расстилается солнечная равнина Кахетии. Резко, как отрезанный, высокогорье и плоская низменность лежат здесь неподготовленными рядом. Сравните с этим широкое развитие южного склона в Центральном и Западном Кавказе. Но и оставшийся северный склон Дагестана по своей расчленённости и строению совершенно отличен от центральной части Кавказа.

Издавна на северном склоне Кавказа различают несколько параллельных хребтов, которые то более, то менее явственно различимы. Всем частям хребта общ Главный хребет. Это название он носит не потому, что в нём горы достигают своей наибольшей высоты, а потому, что он всюду образует водораздел; нигде его не прорывает река. Наибольшие высоты находятся скорее в расположенном севернее так называемом Боковом хребте, как Эльбрус, Коштантау, Дыхтау и Казбек. Благодаря множеству поперечных долин он распадается на отдельные массивы. Многократно он соединён поперечными перемычками с Главным хребтом, благодаря чему возникают своеобразные котлообразные образования, например, Терека и Ардона. Продолжение этого хребта на юго-восток усматривают в высоком Баш-ламе и Богосской группе в Дагестане.

Далее различают Скалистый хребет, затем Пастбищный и, наконец, Лесистый хребет (или хребты). Что касается Скалистого хребта, то следует заметить, что это название было дано в Центральном Кавказе, где этот хребет достигает больших высот, чем восточнее Военно-Грузинской дороги; в чеченской области он лишь местами носит ещё скалистый характер; Скалистый хребет здесь большей частью точно так же покрыт альпийскими лугами, как и расположенный к северу от него так называемый Пастбищный хребет.

Эти длинные, расчленённые множеством поперечных долин на отдельные части параллельные цепи характерны для Центрального Кавказа. Внешние хребты, правда, частично прерываются владикавказским котлом; но и к востоку от Военно-Грузинской дороги вся последовательность хребтов - от Главного до Лесистых хребтов - снова ясно различима. Это относится ещё ко всей западной Чечне[4], однако только до Аргуна. К востоку от этой реки с силой выступает другое направление поднятий - с юго-запада на северо-восток, которое по большей части вытесняет до сих пор господствовавшее направление с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Это направление юго-запад-северо-восток является определяющим для облика Дагестана. Тем самым в систему Кавказа вносится чуждый элемент, который совершенно стирает его до сих пор столь единообразный характер. Подобно неуклюжей тяжёлой массе, подобно инородному телу, Дагестан словно висит в остальном столь хорошо упорядоченном хребтовом строении

Кавказа. Помимо иной ориентировки его горных цепей, прежде всего странная замкнутость выделяет Дагестан из рамок остального Кавказа. Мощная известняковая стена окружает его с северо-запада, севера и востока и заставляет воды четырёх рек Койсу объединиться в один поток и пробить себе сквозь эту стену выход к Каспийскому морю в глубоком каньоне редкой грандиозности.

[4] Русское обозначение области чеченцев.

Своеобразное складчатое строение и глубоко проникшая эрозия создали особенно в более низко расположенной северо-западной части этого гигантского природного укрепления хаотическое нагромождение острых хребтов, широких, со всех сторон изолированных глыбообразных плато и глубоких ущелий, в котором трудно ориентироваться даже с возвышенного пункта. Лишь при более точном изучении можно распознать, что и этот кажущийся хаос подчинён закономерности.

Здесь речь идёт только о внутреннем Дагестане с четырьмя реками Койсу; вне рассмотрения остаётся всё горное пространство между этим Койсу-Дагестаном и Каспийским морем, т.е. системы Шах-даг и Дибрав, поскольку для рассматриваемой здесь области оно не имеет значения.

Горный хребет, в котором это значительное направление юго-запад–северо-восток выступает наиболее заметно, является одновременно частью уже упоминавшейся пограничной стены, которая со всех сторон замыкает Дагестан от внешнего мира. По нему проходит водораздел между бассейном Сулака и бассейном Терека; по нему же проходит и политическая граница, как уже было упомянуто вначале. Его внешний склон целиком лежит в пределах Чечни; он - самый выдающийся штрих в орографии её восточной части.

Отсюда следуют сами собой выводы. В Чечне встречаются две большие единицы кавказского горного строения: хребтовое строение Центрального Кавказа и поперечно лежащий дагестанский массив. Западная часть подвержена влиянию в центральнокавказском, восточная - в дагестанском смысле. Таким образом, Чечню можно назвать переходной областью между северным склоном Центрального и Восточного Кавказа.

Подобно горам, и Предкавказье можно разделить на три главные части. Это: Кубанская область на западе, в центре - Ставропольская возвышенность и на востоке - низменность Терека и Кумы.

Восточная треть Предкавказья, с которой мы здесь имеем дело, распадается на две ясно отграниченные друг от друга части. Северная часть - широкая, простирающаяся между Терексом и Кумой Ногайская степь - может здесь, где речь идёт по существу лишь об

установлении орографических связей, остаться в стороне, поскольку таковые к чеченской области отсутствуют. Она не связана и с остальными горами; ни одна горная река не протекает по ней; Кума и Терек образуют лишь границы пустынных, отчасти пустынных степей.

Иначе обстоит дело с примыкающей к югу областью, непосредственно предгорной низменностью. Я называю её Верхней Терекской низменностью, включая сюда также низменность его самого самостоятельного крупнейшего притока - Сунжи, который достигает Терека только в начале его нижнего течения. Эта низменность орошается бесчисленными горными водами; она прямо-таки их произведение, поскольку состоит из отчасти нескольких сотен метров мощных галечных масс, под которыми погребены уходящие вглубь кавказские складки. Однако эти складки на некотором расстоянии от подножия гор внезапно снова выступают на поверхность в виде двух длинных параллельных земляных валов высотой около 200–300 м. Их называют Терско-Сунженским хребтом. Он и на поверхности ещё связан с главным хребтом. Северный вал на востоке связан с ним примерно там, где Дагестан наиболее далеко выступает к северу; на западе он отделён от него равнинами Кабарды. Южный же на востоке как бы висит в воздухе; он внезапно обрывается в Сунженской равнине; на его последних холмах высятся вышки новых грозненских нефтепромыслов. На западе, напротив, он находит связь с главной цепью вскоре после того, как его прорывает Терек, подобно тому как на востоке Сунжа прокладывает себе путь через северный вал. Складки Терского хребта по новейшим исследованиям опрокинуты к северу; на нарушения указывает, между прочим, сильная термальная деятельность на его северной окраине, например, севернее Грозного.

Между этими двумя холмистыми хребтами и главным хребтом расстилается Верхняя Терекская низменность. Широкой дугой она вдаётся в горы, глубже всего у Владикавказа, придавая тем самым Центральному Кавказу своеобразную сильно сжатую форму, так что ширина гор здесь сокращается до 120 км, тогда как в районе Эльбруса она составляет 180 км, а в Дагестане ненамного меньше. Цифра 180 км, однако, имеет значение и для Центрального Кавказа; она соответствовала бы расстоянию от южного подножия гор до северного края обоих холмистых хребтов, что, безусловно, больше чем просто случайность.

Хорда, соответствующая дуге Верхней Терекской низменности, образуется приблизительно северным из двух холмистых хребтов или, если угодно, средним течением Терека, который здесь, в строго кавказском направлении, течёт вдоль северного склона северного холмистого хребта, пока, возможно, под влиянием дагестанского направления поднятий (юго-запад–северо-восток) не поворачивает на северо-восток.

Следовательно, при рассмотрении кавказского горного строения нельзя оставлять без внимания Верхнюю Терекскую низменность. Её можно рассматривать как лежащую как внутри, так и вне гор. В пользу первого говорит интересный антропогеографический факт, а именно: она ещё заселена собственно кавказскими народами - кабардинцами, ингушами и чеченцами, тогда как за обоими холмистыми хребтами расселяются тюрко-татарские степные народы - ногайцы и относящиеся к той же группе кумыки. Сама Верхняя Терекская

низменность состоит из трёх отделённых друг от друга областей, а именно: Кабарды и Владикавказского котла, отделённого от неё южным из двух холмистых хребтов. Выступом Чёрных гор Владикавказский котёл отделяется от третьей части - Сунженской равнины, которая, в свою очередь, также дугообразно вдаётся в горы. Сунженская равнина и образует область, положение которой надлежало охарактеризовать в этой главе, а именно равнинную часть чеченской области.

Этого краткого очерка положения чеченской области на Кавказе, думаю, достаточно для рамок настоящей работы.

III. Страноведческий обзор чеченской области

а) Рельеф

Перечисление различных хребтов, принятое для северного склона Центрального Кавказа и приведённое в предыдущей главе, могло бы вызвать представление, что здесь, параллельно Главному хребту, мы встречаем ряд цепей, из которых каждая становится ниже другой, пока не исчезает на равнине. На востоке это совершенно не так, прежде всего не в Дагестане, но и не в чеченской области. Так, здесь, например, оба хребта, которые лежат между высокогорьем и низкими Чёрными горами, равны друг другу по высоте; местами даже северный превышает южный. Наиболее пригодна для быстрого обзора орографии области классификация по различным высотным ступеням, которые очень чётко выражены и как бы вынуждают горного путешественника к такому делению. Следует различать три ступени. 1. Ступень третичных предгорий, или «Чёрных гор», высотой около 800–1000 м. К югу за ними следует 2. ступень известняковых гор мелового периода и верхней юры, от 2000 м с вершинами до 3000 м. К этой высотной ступени относится ещё часть сланцевых и песчаниковых гор средней и нижней юры. 3. Высокогорье из древних тёмных сланцев от примерно 3000 м до 4500 м.

Рассмотрим сначала третичные предгорья. Из Сунженской равнины, лежащей у подножия гор на высоте около 300 м, поднимаются их мягковолнистые высоты, названные «Чёрными горами» по густым буковым лесам, которыми они были некогда покрыты. Складки, простирающиеся с запада на восток, расчленены стремящимися к Сунже реками и ручьями на отдельные купола и хребты, тянущиеся с севера на юг; некоторые из них достигают 1200 м. Примечательны в этой области мощные ледниковые галечниковые отложения, которые, помимо речных террас, образовали обширные ровные, как стол, наносные равнины между возвышенностями, занимающие площадь до 30 кв. км. Они состоят исключительно из известковой гальки и соединяются через речные террасы, словно узкими лентами, с галечниками Сунженской равнины. Ширина Чёрных гор уменьшается тем больше, чем глубже Сунженская равнина вдаётся в горы. Так, у Аргуна и западнее она составляет всего около 15 км, тогда как на востоке области возрастает вдвое.

Совершенно неожиданно из Чёрных гор поднимается вторая высотная ступень известняковых гор, у которой даже высоты перевалов редко опускаются ниже 2000 м (разумеется, не считая прорывных долин). Южная граница этой высотной ступени весьма неотчётлива; подъём к высокогорью происходит постепенно. В общем высокогорье начинается лишь южнее обоих верховий Аргуна. Чанты-Аргун образует границу между обеими высотными ступенями, однако, только до впадения ручья Хочарой (справа), а Шаро-Аргун - до впадения ручья Кири (справа). Ниже этих пунктов ступень известняковых гор переходит на правый берег у обоих русел.

Ширина этой ступени в чеченской области составляет 25–30 км. Гораздо шире она становится в Дагестане. А именно, если измерять перпендикулярно оси хребта, то в линии от Хунзаха горы держатся на глубине около 60 км примерно на высоте 2000 м и выше (сам Хунзах всего 1800 м). Это установление здесь особенно облегчается благодаря распространённым в Дагестане обширным платообразным ландшафтам, например, Хунзахскому. Рука об руку с этим расширением идёт и такое же расширение области различных геологических формаций. Северный склон Дагестана, по-видимому, распространился тем шире, чтобы компенсировать отсутствующий южный склон. Он ведь, по отношению к оси хребта, выдвигается гораздо дальше на север, чем в остальном Кавказе, причём северный край его известняковых гор, а именно Андийский хребет, значительно выше, чем её середина, так же как он превышает и соседние чеченские известняковые горы. Это можно отчётливо наблюдать уже с железной дороги, приближаясь к Грозному с запада. В то время как более низкие чеченские известняковые горы местами лишь несущественно превышают лесную границу, с востока, особенно в вечерних лучах, приветливо кивают обрывистые скалистые обрывы 3040-метрового Буцраха, которые своими светлыми красками образуют эффектный контраст с зеленью лесов у подножия. Обрыв Андийской цепи здесь производит прямо впечатление уступа, особенно у Зоболго (2900 м) и ещё примерно на 15 км далее к востоку от него. Подножие этого уступа, слои которого по моим наблюдениям падают на юго-восток, подмывают далеко разветвлённые истоки Аксая.

Иначе северная сторона Андийской цепи далее на восток, в районе Салатау, уже относящемся к республике Дагестан. Слои здесь падают слегка на север, как я мог хорошо наблюдать при прохождении истинно грандиозного Сулакского каньона; поэтому там подъём с севера происходит постепенно. Совершенно полог внешний склон Андийской цепи особенно за Сулаком по направлению к Темир-Хан-Шуре.

Характерные для Дагестана платообразные образования отсутствуют в чеченской области, хотя на высотах известняковых гор местами встречаются довольно обширные ровные поверхности. Обзор господствуют здесь, скорее, два выраженных хребта, особенно на западе. Северный, северный край которого большей частью слегка закарстован, в своей западной половине расчленяется поперечными долинами на несколько массивов. Правда, эти долины из-за своего каньонообразного строения скорее препятствуют, чем способствуют сообщению, например, Гехи, если не проложена искусственная дорога, как в долине Чанты-Аргуна. К востоку от Шаро-Аргуна он образует связный гребень, который в своём дальнейшем продолжении в Андийской цепи вплоть до Каспийского моря прорывается лишь однажды в Сулакском каньоне.

Примерно в 15 км далее к югу, параллельно, следует примерно такой же высокой второй хребет этой высотной ступени. Между ними лежит довольно плоская впадина, в которую также глубоко врезаются ущелья. Этот второй хребет образует непосредственное продолжение высокого Зори-лама Ингушетии[5], понижается несколько в западной чеченской области, достигает у Риндши-корт, близ прорыва Шаро-Аргуна, снова 3000 м и далее как Индой-лам смыкается с Андийской цепью. Он образует северное обрамление верхнего течения Чанты-Аргуна и прорывается только обоими рукавами Аргуна. В противоположность северному хребту, он не однороден по составу пород. В то время как на западе он состоит главным образом из мягких мелкослоистых сланцев и песчаников, на востоке, особенно на Риндши-корт, снова преобладает известняк. Соответственно горы имеют различные формы. Там в северном хребте - крутые, светлые, доломитовые сооружения, например, Гилла-корт и Нашахо-лам с их резким соседством горизонтальных и вертикальных линий, здесь - более мягкие, открытые формы тёмных сланцевых гор.

[5] русск. «Ингушия». Это недавно введённое Ингушским институтом во Владикавказе обозначение. До этого обычно пользовались грузинским словом «ингузети», т.е. Ингушская земля, русск. «ингузетия», Ингушетия.

Подъём к высокогорью Баш-лама происходит от только что описанной высотной ступени постепенно, а не с тем внезапным рывком, с каким северный фронт известняковых гор поднимается из третичных предгорий. Подъём обеспечивают многочисленные, отходящие от высокогорья под прямым углом, остро отточенные поперечные рёбра, между которыми ледниковые ручьи шумно низвергаются к обоим продольным долинам верховий Чанты- и Шаро-Аргуна. Хребет Баш-лама отделяется у Большого Борбало от значительно более низкого водораздельного Главного хребта, поворачивает у Тебулоса снова в общекавказском направлении запад-северо-запад – восток-юго-восток и образует как высокая стена длиной около 45 км южную границу чеченской области. На дагестанской территории он находит своё продолжение в почти столь же высокой Богосской группе, но отделён от неё глубоким расселинным ущельем, которое врезал Андийский Койсу. С другой стороны, от своего восточного столба, 4190-метрового Диклос-мта, он непосредственно переходит в резко выступающий на северо-восток Андийский хребет, который до смыкания с упомянутым уже простирающимся с запада на восток Индой-ламом остаётся выше 3000 м.

Через довольно глубокую седловину, ведущую из долины Хильдехарой (к Чанты-Аргуну) через перевал Юкериги (3000 м), которым можно пользоваться и зимой, в Тушетии, от Баш-лама отделяется массив Тебулос-мта, обычно ещё к нему причисляемый, который с 4507 м является наивысшей точкой Кавказа к востоку от Военно-Грузинской дороги и считается у туземцев до сих пор непокорённым, вообще неприступным, как и прочие вершины Баш-лама. Также и имя Тебулос-мта не известно чеченцам, особенно их непосредственно севернее в долине Майста живущему племени кистов; мне указали от них имя Дакко-корт. Далее к северу он называется также у живущих там русских Майти-горой. Также и высочайшая гора Баш-лама, Комито (4272 м), имеет у чеченцев собственное название, а именно Датач-корт.

Упомянутый перевал Юкериги, впрочем, пригоден только для жителей Хильдехарой и для живущих южнее Баш-лама грузинского племени тушей, которые прогоняют через него свои отары на зимние пастбища у Терека. Высокий и крутой хребет Хильдехарой, поднимающийся почти до снеговой границы, препятствует населению долины Шаро-Аргуна пользоваться ним. Они, если хотят попасть в Тушетию, должны переходить гораздо более высокий, через ледники ведущий перевал Качу (3550 м), который проходим лишь несколько месяцев. Грузинский отряд, которому я принадлежал в 1919 году, должен был, правда, перейти его ещё в начале ноября; однако эта дерзость едва не обернулась для него гибелью. Других проходимых седловин Баш-лам не имеет.

Снеговая граница лежит примерно на 3500 м, концы ледников на 2800 м; ледниковые же опускались на 1000 м ниже, что ещё распознаётся по выработанным троговым долинам. Троги переходят в крутые теснины, за которыми при выходе из высокогорья в низкой сланцевой области следуют очень широкодонные долинны расширения, которые при вступлении в известняковые горы, в свою очередь, сменяются типичными каньонами.

Вид, который открывается с перевала Итум-Кале – Шарой на Баш-лам, можно без преувеличения назвать грандиозным. Три соединённых непроходимыми ледяными стенами вершины, далеко приветствующие и северокавказскую равнину, - его достопримечательности. Они совершенно различны, и всё же каждая характерно оформлена: элегантный, стройный, ослепительно белый конус Датач-корта на западе, хребты и пики Донус-мта, поднимающиеся с юга на север и необычайно круто падающие в середине, и массивный широкий блок Диклос-мта на востоке, чьи широкие бока несут обширные фирновые поля, на которых вечерние солнечные лучи находят настоящую точку опоры.

б) Воды

Единственная река, которая дренирует чеченское высокогорье, - это Аргун, вернее, оба его рукава Чанты- и Шаро-Аргун. Чанты-Аргун дренирует с высокогорья область Хочарой и Хильдехарой, массив Тебулоса и участок частично уже заселённого хевсурами Главного хребта до Вега-лама, границы с Ингушетией; Шаро-Аргун - Баш-лам. В известняковых горах оба принимают лишь незначительные ручьи. Это, впрочем, два совершенно самостоятельных речных индивидуума; взгляд на карту показывает, насколько одинаковы они в основе. Угол, под которым они из продольной верховины в сланцевой области переходят в прорезающую известняковые горы среднюю часть, примерно одинаков; различна лишь ориентация. Весь угол течения Шаро-Аргуна повёрнут примерно на 50 градусов к западу, по направлению к Чанты-Аргуну, так что в конце концов при выходе на равнину происходит их слияние. Этот поворот происходит под явным влиянием Андийской цепи, значение которой в физико-географическом и, как ещё будет показано, в антропогеографическом отношении трудно переоценить. Речные русла также отражают тот факт, что чеченский запад находится под влиянием центральнокавказским, восток - дагестанским.

Также и остальные меньшие реки чеченской области следуют в общем либо одному, либо другому направлению: западные - направлению Чанты, восточные - Шаро, по крайней мере в пределах гор и поскольку они текут к Сунже. Последняя сама приходит из Ингушетии близ Владикавказа и течёт как собирательница у северного края равнины к Тереку. Более мощный Чанты-Аргун врезал своё русло значительно глубже, чем Шаро-Аргун, и, видимо, всё дальше расширяет свой водосбор за счёт последнего, так что водораздел лежит гораздо ближе к Шаро-, чем к Чанты-Аргуну. Особенно отчётливо это видно на плоском водоразделе восточнее Шатоя. Возможно, что когда-нибудь более сильный перехватит более слабый.

Самостоятельны реки, которые к востоку от хребта Качкалык, ограничивающего Сунженскую равнину и представляющего самое восточное звено Терско-Сунженских высот, выходят на равнину, уже большей частью заселённую кумыками. Они не достигают ни моря, ни Терека, ни Сулака, а заканчиваются в болотах.

Все чеченские реки, за исключением Аргуна, могут в межень, т.е. осенью и зимой, переходиться вброд; весной и летом они, напротив, при общем бездорожье являются большими транспортными препятствиями.

с) Климат

Как во всех горах, так и в чеченском Кавказе существуют большие климатические различия между внешним краем и внутренними горными ландшафтами, которые проявляются прежде всего в условиях влажности. Внешний край, т.е. третичные предгорья и северный фронт известняковых гор, получают сильные осадки, внутри же, напротив, выпадает меньше осадков, и в глубоких долинах господствует прямо-таки засушливость, даже сухость. Типичными для первой области являются условия осадков на станции Ведено в Ичкерии (730 м над ур. м.). На месте мне было указано для наблюдавшегося 1926/27 года количество 955 мм. Русский лесовод Маркович[6], напротив, даёт среднее количество осадков за пять лет наблюдений (годы не указаны, предположительно 1890-е) - 845 мм. Однако можно без дальнейших оговорок предположить, что на густо залесённом подъёме к известняковым горам, примерно на высоте 1300–1500 м, осадки выпадают ещё обильнее. Значительно меньше осадков измерено в Шатое (560 м), а именно 675 мм за 1926/27 год. Шатой лежит уже в известняковых горах, однако здесь, видимо, открытость Аргунской долины позволяет облакам проникать внутрь гор. Для прочих областей чеченских известняковых и нижних сланцевых гор следует принимать более низкие цифры. Поскольку чеченских станций для этой области, к сожалению, не существует, я должен привлечь для сравнения станции из северо-западного Дагестана. При этом следует учитывать, что там ещё суше, чем в чеченской области, по двум причинам: во-первых, оно лежит уже дальше к востоку, т.е. дальше от дающего влажность Чёрного моря, а во-вторых, здесь северное обрамление, как было показано выше, достигает больших высот и, кроме того, не прерывается речными долинами. Далее, Андийский хребет замыкает Дагестан не только с севера, но и с запада, а на востоке также удерживает возможные облака, идущие

с Каспийского моря. Вопрос идёт о станциях Тлох (582 м) и Ботлих (700 м), обе глубоко в долине Андийского Койсу, с 459 и 418 мм осадков. На высоких плато, которые в Дагестане в среднем на 1200 м выше ограничивающих их ущелий, выпадает несколько больше осадков, так на Хунзахском плато (1700 м) 588 мм (цифры по Добрынину[7]). С указанным ограничением можно использовать эти дагестанские данные также как приблизительный ориентир для оценки осадков в соответствующих местностях внутренних чеченских гор, особенно в Чаберлое, Итум-Кале, Шарое и Галанчоже.

[6] Литературная ссылка на Марковича (см. список литературы № 27).

[7] См. список литературы № 11.

Осадки выпадают преимущественно поздней весной и летом; осень чудесно суха и - прекраснейшее время года в этих краях, особенно и для путешественника.

Годовой ход температуры показывает умеренную континентальность, лишь ненамного бóльшую, чем, например, на северо-востоке Германии. Также и температурные показатели на высоте 800 м существенно не отличаются от показателей северо-восточной Германии. Следует заметить, что летняя температура во внутренних долинах выше, чем на северном краю гор: Ведено: январь -3,8; август 19,8 (по Марковичу). Ботлих же: январь -3,8; июль 21,4.

Вследствие большей сухости пребывание внутри гор гораздо приятнее, чем в предгорьях. Густые буковые леса северного склона, собственно, всегда влажны, и даже в октябре я находил почву настолько болотистой, что ходьба не доставляла удовольствия, хотя уже неделями не было дождя. Во внутренних горах я встречал русских чиновников, которые только поэтому дали себя туда перевести, чтобы наслаждаться сухим и здоровым климатом, и охотно мирились ради этого со всеми культурными неудобствами. Наряду с многими, многими другими проектами чеченское правительство планирует здесь и устройство санаториев для чахоточных. И если зимой в предгорьях высокий снежный покров покрывает горы и долины и неприятно холодный туман портит настроение, то во внутренних горах солнце сияет с голубого неба и держит обращённые к югу склоны большей частью свободными от снега - если вообще выпадают большие снежные массы. Даже значительные морозы легко переносятся, и жители сидят зимой точно так же на улице на плоских крышах, как и в тёплое время года.

Понятно, что и в Сунженской равнине значительно суше, чем в предгорьях. Всё же в Грозном выпадает ещё около 500 мм; однако осадки быстро уменьшаются с удалением от гор, так что на западно-восточном течении Терека, образующего северную границу чеченской области, измерено только 382 мм (станция Шелкозаводская), так что здесь уже господствует климат простирающейся бесконечно на север пустынной Ногайской степи. Здесь и годовая амплитуда температуры значительно больше, чем в горах, вызванная прежде всего большей летней жарой: январь -3; июль 24,5 (по Добрынину). Грозный: февраль -3,6 (?); август 24,4 (128 м над ур. м.) (по Радде[8]).

[8] См. список литературы № 35, с. 28.

d) Растительный покров

Как уже упоминалось, предгорья и северный склон известняковых гор несут густой лесной покров, состоящий главным образом из бука, а также из вяза, ясеня, липы, клёна и др. Широко распространён и лещина. Хвойный лес полностью отсутствует. Однако за последние 100 лет картина сильно изменилась к худшему. На больших пространствах прекрасные старые леса исчезли. В полной первозданности они сохранились лишь на северном склоне известняковых гор, и здесь только в труднодоступных местах, зато иногда в поистине восхитительной красоте. Вершины предгорий несут лишь жалкий кустарниковый лес или уже совершенно голы и распаханы. Толчок к постепенному обезлесению дали кавказские войны. Для того чтобы осуществить покорение чеченцев, особенно чтобы быть в безопасности от нападений, русские прорубали километровой ширины просеки крест-накрест через печально известные ичкерийские леса, в которых они часто терпели тяжёлые потери. Остатки сокращались под собственными нуждами населения в соответственно возросшей степени. В последние десятилетия, вероятно, особенно губительно сказывалась постоянно растущая потребность в древесине расцветающего Грозного. Там существует особый лесной рынок, на который еженедельно многие сотни чеченских арб[9] подвозят зелёную, незрелую древесину. А о деловой практике так называемых лесных сторожей рассказывают всякие не совсем похвальные вещи. Так и гибнут чеченские леса, если вскоре не будут приняты строгие меры охраны.

[9] Местная двухколёсная телега (арба).

Верхняя лесная граница лежит примерно на 1800 м; поэтому высоты известняковых и сланцевых гор безлесны. Но голы и глубокие долины. И здесь раньше были леса, как я мог узнать от старых людей, и их исчезновение всецело приписывается руке человека. Несколько дальше к югу проникает лес в районе Фортанги, также в верховьях Шаро- и Чанты-Аргуна встречаются леса, однако по большей части только на обращённых к северу склонах. Здесь встречается и хвойный лес, и исключительно из сосны, а не из пихты и ели, как в Центральном и Западном Кавказе. Сосны я находил также в немногих местах Андийского Дагестана. В более высоких горах появляется и берёза.

Высоты покрыты альпийскими лугами, которые могут быть очень свежими и сочными. В переходной области часто видишь заросли рододендрона. Верхнюю границу сплошных травянистых склонов я на Баш-ламе нашёл примерно на 3000 м.

(Об условиях в Сунженской равнине см. ниже, с. 17 сл.)

е) Ландшафтное и окружное деление

Физико-географическое описание чеченской области уже позволило распознать основные черты её ландшафтного деления. Эти отдельные ландшафты значительно различаются и в антропогеографическом отношении, частью образуют области с культурной особенностью, так что я предпочитаю называть их округами. Я даю здесь обзор чеченского окружного деления с краткой характеристикой отдельных округов, поскольку она ещё не была дана.

Имя Ичкерия уже упоминалось. Под ним разумеют область третичных предгорий и залесённого северного склона к востоку от Чанты-Аргуна, которая характеризуется особенно вклинившимися между низкими хребтами галечными равнинами и широкими речными террасами. Им она обязана и своим названием. Ичкерия - слово кумыкского, т.е. тюркского происхождения. «Ичи ери» означает буквально «земля там внутри», т.е. между горами, земля, которую и внутри гор ещё удобно можно использовать как пахотную землю (Лаудаев[10]). Так, именно здесь возникли самые зажиточные сёла, как вообще Ичкерия является далеко самой развитой областью чеченских гор. На одной из таких равнин лежит и главное место области, одновременно образующее и особый административный округ, Ведено. Это далеко не самый значительный пункт чеченской области, но самый известный, и благодаря кавказским войнам. Шамиль, дагестанский борец за свободу, к которому чеченцы частью добровольно, частью недобровольно примыкали, имел здесь свой укреплённый лагерь, который должен был быть взят штурмом русскими, которые затем, в свою очередь, для лучшего подчинения округа создали обширные крепостные сооружения и казармы. Подобные старые русские крепости встречаются и в других местах страны; они всегда бросаются в глаза мощностью своей постройки. Кроме того, Ведено было некогда и столицей чеченцев во время их короткой мечты о независимости, когда один гениальный чеченец в 1919 году создал здесь так называемое Северокавказское Эмиратское государство, которое, правда, в следующем же году пало под ударами большевистской бури. Ведено используется также как летняя дачная местность теми, кто хочет избежать пыли и жары Грозного; ряд дач служит этой цели.

[10] См. список литературы № 24.

Помимо деревенских и уличных сёл, которые встречаются на этих равнинах, в остальной Ичкерии господствует во многих местах отдельное поселение. Это повсюду нарядные, чистые дома с белыми или ярко окрашенными стенами и блестящими красными черепичными крышами, которые дают чрезвычайно приятный, мирный вид, как вообще весь ландшафт Ичкерии несёт в себе черты прелести и освежающей свежести.

Восточная граница Ичкерии проходит примерно по водоразделу между бассейном Сунжи и самостоятельно впадающей в Кумыкскую равнину рекой Аксай. Область отсюда на восток до дагестанской границы, т.е. область рек Аксай, Ямансу и Ярыксу, носит имя Аух. Внешне она похожа на Ичкерию; своим особым положением округ обязан своим жителям, которые у остальных чеченцев и их дагестанских соседей имеют дурную репутацию из-за

своей ненадёжности и склонности к грабежам, мнение, которое я могу только подтвердить, поскольку здесь я однажды подвергся нападению. Это было единственный раз за всё время, пока я вообще находился среди чеченцев.

Соответствующая Ичкерии часть Чёрных гор западнее Аргуна не носит особого названия, имеет и далеко не такое значение, как та, поскольку она покрыта густыми лесами и редко заселена. Здесь не хватает широких галечных равнин, кроме того, полоса предгорий гораздо уже, так как высокие известняковые горы здесь очень близко подходят к равнине.

Если следовать по дороге, ведущей от равнины вверх по долине Чанты-Аргуна, и преодолеть отчасти очень тесное ущелье, в котором Аргун пропиливает переднюю известняковую цепь, то открывается вид на широкий котловидный бассейн Шатоя - самое низкое место впадины, простирающейся между первым и вторым хребтами известняковых гор. Скопление сёл происходит здесь и дальше вверх по склонам котла, центр которых - большое село Шатой. Это важнейший пункт чеченских гор, если не считать Ичкерии, и он образует также географический их центр. Помимо своего значения как административного центра, Шатой служит, ещё более чем Ведено, дачной местностью для Грозного, с которым он летом поддерживает автобусное сообщение. Отсюда русское или вообще современное влияние проникает в горы наиболее сильно. Все жители понимают по-русски, что иначе - большая редкость. В то время как во внутренних округах встречаются лишь дома с плоскими крышами или даже старые башенные постройки, в Шатое и соседних сёлах господствует безусловно дом с двускатной крышей под черепицей. Он считается у чеченцев своего рода культурным центром. Кроме того, человеческий тип здесь очень красив и статен; особенно красота шатойских девушек много восхваляется и не без основания (рис. 1).

Пространство между передней известняковой цепью и здесь преимущественно из сланцев и песчаников образованным вторым хребтом, простирающееся от Шатоя к западу, расчленяется поперечными хребтами на несколько котловин; они протекаются ручьями, берущими начало на втором хребте и расчленяющими первый на несколько массивов. Наиболее широко раздающаяся котловина - это верховья Гехи, поэтому она и лучше всего заселена. Впечатление, впрочем, совсем иное, чем от богатого, цветущего котла Шатоя: Гехская котловина лежит примерно на 1000 м выше и большей частью безлесна. Поселения производят гораздо более бедное впечатление и состоят повсюду из низких плоскокрыших каменных домов, между которыми выделяются многие старые башенные постройки. Центр - село Галанчож, лежащее в переходной области между меланхолическим, открытым сланцевым ландшафтом и великолепно поднимающимися на севере, пёстрыми стенами известняковых гор (рис. 2).

Из-за полной непроходимости Гехского ущелья жители Галанчожа вынуждены подниматься по его крутым стенам в высоту, когда им нужно на равнину - особенно в палящем летнем и осеннем солнце очень утомительное начинание, - и идти через пронизанные многочисленными воронкообразными карстовыми воронками альпийские луга известняковых гор. Они должны делать это часто, чтобы обменять продукты своего

скотоводства на кукурузу, так как собственного зерна далеко не хватает для покрытия потребностей на весь год. Это, впрочем, относится к большинству сёл более высоких гор. Округ называется по следующему по значению селу также Акки.

Через высокий, зубчатый хребет Борсonti отделяется Гехская котловина от котловины Фортанги, которая заметно сильно облесена. Центр - Мереджой. Здесь жил прежде выселившийся после покорения страны в Турцию, за исключением незначительных остатков, чеченский племена карабулаков.

К востоку от Шаро-Аргуна простирается - всё между двумя хребтами известняковых гор - округ Чаберлой, в котором различают Нижний и Верхний Чаберлой. Разделяются они Андийским водоразделом, который здесь, однако, не совпадает с Андийской цепью, а проходит примерно на 10–15 км западнее её гребня. Андийский Койсу продвинул свой водосбор через реку Ансалта за цепь на запад; в тесном ущелье он прорывается этой рекой. Сам водораздел - совершенно плоская перемычка.

Нижний Чаберлой лежит, подобно Галанчожу, уже значительно выше течений Аргуна, но сильнее расчленён, чем тот. Из-за своей безлесности и удушающей жары его тесные ущелья напоминают уже Дагестан. Административным центром всего Чаберлоя является Чобах-Кинерой, совершенно незначительное село, от которого, однако, открывается чудесная горная панорама величественного построения. В прорыв, который здесь проделал Шара-Аргун во второй цепи, с юга приветствует широкое, покрытое фирном главное Дихлоса.

Сильнее индивидуализирован как ландшафтная единица Верхний Чаберлой. Это широкая, плоская котловина, которая, однако, из-за своей обширности воспринимается как нагорье и поэтому сильно напоминает однородные дагестанские образования, которым она также сходна своей безлесностью, незащищённостью от летней жары и зимней стужи и планировкой сёл. Примерно на 200 м выше котловины в её восточном обрамлении лежит красивое, обрамлённое высокими горными стенами форелевое озеро Эсен-ам, 1868 м над ур. м., вдоль которого проходит так называемая Царская дорога из Ведено в Ботлих в Дагестане. Остальные чеченцы считают чаберлойцев отсталыми, людьми, которые ещё не знают правильного образа жизни; смеются над их произношением, рассказывают анекдоты о них и т.д. Хозяйственно верхние чаберлойцы уже более связаны с соседними крупными дагестанскими пунктами Анди и Ботлих, чем с чеченскими базарными местами.

Если следовать из Шатоя по Чанты-Аргуну по сносной дороге для повозок и оставить позади мрачное и чрезвычайно впечатляющее ущелье, которым он пропиливает второй хребет, то долина значительно расширяется. Здесь совершенно безлесные склоны становятся положе с выходом в сланцевую область, и эту форму сохраняет верховье Аргуна до начала высокогорья. Наибольшей ширины его тальвег достигает у Итум-Кале - почти 1/2 км - и так как здесь также с юго-востока впадает широкодонная долина, то образовался населённый центр; Итум-Кале является транспортным и торговым центром для всей южной половины чеченских гор. На его оживлённую, пёструю еженедельную ярмарку приходят

люди, помимо собственно округа Итум-Кале, который носит название округа Чанты, также из верхней области Шаро-Аргуна, из Галанчожа и дикого Майста и Мелхисты. Даже хевсуров в их интересной одежде видно иногда. Отсюда расходятся и пути, которые ведут через высокогорье в Тушетию и Хевсуретию, а именно: в первую - либо через Шарой и перевал Качу, либо через Хильдехарой, а во вторую - через Мелхисту и Шатиль. Ещё до русского времени Итум-Кале был сильно укреплённым центром со множеством боевых башен. После их разрушения русские построили обширное крепостное сооружение, которое теперь, конечно, лежит в руинах; оно скоро совершенно исчезнет, так как его камни растаскиваются как строительный материал.

К ближайшей сфере влияния Итум-Кале относятся различные боковые долины Чанты-Аргуна, из которых здесь назовём лишь известную своими изделиями из дерева и тканями долину Хочарой и окружённую едва преодолимыми горными стенами область Хильдехарой.

Тот же ландшафтный характер, что и верховье Чанты-Аргуна, имеет и верховье Шаро-Аргуна; на его пологих сланцевых склонах селения разбросаны на различных высотах. Главное село - высоко расположенное Шарой с двумя далеко видимыми, грозными старыми башнями (рис. 3). Его воинственные жители в 1919 году доставили много хлопот упомянутой грузинской экспедиции и ещё в 1925 году были настроены против Советской власти восстаньчески. И именно по религиозным причинам: коммунистическое отрицание Бога возмутило благочестивых мусульман, точно так же как в 1921 году в соседнем Дагестане. Из-за пространственной ограниченности восстания они, однако, были необычайно снисходительно обработаны большевиками, в то время как с храбрыми дагестанцами жестоко расправились. В последние годы и эта область была освоена путём строительства дорог; дорога ведёт из Шатоя к Шаро-Аргуну и вдоль него до Шароя. Она должна, между прочим, обеспечить вывоз сурьмы, добываемой пока примитивными средствами у села Хуландой. Вследствие большей удалённости от центра Итум-Кале нравы и образ жизни населения в области верховьев Шара-Аргуна значительно более первобытны, чем в области Чанты-Аргуна, если не считать её истоковой области.

Эти истоковые области Чанты-Аргуна могут теперь претендовать на главный интерес исследователя именно из-за своей этнологической первобытности. Они отстоят от Итум-Кале всего на 1–2 дня пути. Тесное ущелье, через которое Аргун после впадения Кири, если считать вверх по течению, с рёвом прорывается, однако, трудно проходимо. Эрозионное действие на безлесных участках чрезвычайно; особенно во время оттепелей с большой высоты постоянно падают осколки породы в пенящуюся горную воду, обстоятельство, которое для путешественника означает немалую опасность. Из этой области следует назвать два округа - Майста и Мелхиста. Майста, следующее за Хильдехарой на западе правое боковое ущелье Чанты-Аргуна, так же как и это, окружено большей частью доступными лишь для альпинистов боковыми стенами, а на юге полностью отгорожено массивом Тебулос-мта, с которого спускается самый большой ледник Восточного Кавказа примерно до 2800 м. Помимо спускающейся до 1800 м троговой долины и короткого участка перед впадением в Аргун, Майстинское ущелье - совершенно непроходимая теснина. Высоко наверху, где стены долины отступают дальше, есть место для поселений.

Ведущие вверх по чёрно-синим, очень твёрдым и гладким сланцевым плитам тропы опасны даже для надёжной горной лошади, так что видишь почти только мулов. По той же причине держат больше коз, чем овец.

Лишь три села вмещает эта последняя, глубочайшая долина чеченских гор, всего около 300 душ. Несмотря на это, она заслуживает особого упоминания, так как здесь старая высокогорная башенная культура, некогда простиравшаяся гораздо дальше, сохранилась ещё довольно нетронутой. Ещё живут исключительно в тёмных жилых башнях, над которыми возвышаются высокие, стройные боевые башни (рис. 4), а обширные колонии склепов указывают на старые религиозные представления, которые и сегодня, под поверхностным сначала христианским, а теперь мусульманским слоем, ещё продолжают существовать.

То же самое относится к следующему вверх по Аргуну округу Мелхиста. Аргунская долина, прежде всего долина его левого притока Меши-ахк, здесь снова несколько более открыта, и так повсюду со склонов приветливо глядят старые башенные постройки. Более дюжины сёл насчитывает в этой области 5-вёрстная карта, в действительности их лишь три: Джарега, Теретого и Бонисти, остальное - замкообразные отдельные хутора, описание которых следует ниже. Жители вместе с жителями Майсты образуют чеченское племя кистов. С соседями, хевсурами, которые также на северном склоне имеют несколько сёл, они живут скорее во вражде, чем в мире. Причиной тому обычно кража скота на высокогорных пастбищах и связанное с этим смертоубийство. Враждебное состояние, однако, обычно распространяется лишь на отдельные сёла или роды, а не на целые племена. Так, во время моего первого пребывания в 1919 году джарегойские кисты враждовали с шатильскими хевсурами, в последнее время - больше нет, зато с некоторыми сёлами за Главным хребтом. В обоих случаях для них был закрыт прямой путь в Тифлис. Ответ на вопрос: «Как у вас с жителями того или иного села?» звучит во всяком случае не просто «хорошо» или «плохо», а «в настоящее время хорошо» или «в настоящее время плохо».

О положении и облике Сунженской равнины уже были сделаны некоторые замечания в начале. Совершенно ровной она не является: она слегка наклоняется к северо-востоку и имеет едва заметные волны почвы. Кроме того, бесчисленные курганы высотой от 1 до около 6 м оживляют плоские поля. Речные долины настолько широки, что они кажутся предназначенными для гораздо большего количества воды, чем то, которое течёт сегодня. Даже у меньших ручьёв долина имеет ещё 100 м ширины, долина Аргуна - до 1 км, Сунжи местами до 2 км. Разница высот между дном долины и степью может достигать 20 м. На большие расстояния дно долины покрыто густым кустарником, например, Сунжи, в котором, между прочим, водятся и дикие кабаны. К многочисленным рекам и ручьям, течение которых всё ещё довольно быстрое, добавляются оросительные каналы, которые также со временем приняли форму речных русел. Искусственное орошение на большом расстоянии от более влажного подножия гор всё же уже необходимо, особенно для огородных культур вблизи Грозного.

Равнина сегодня большей частью покрыта степью, которая по мере приближения к горам становится значительно свежее. Раньше же, по преданию, и здесь был широко распространён лес. Его следы ещё заметны на обширных, достигающих до 5 м высоты кустарниковых зарослях. Но пока более ценные породы вырубаются, густые заросли дёржи-деревя[11] оставляют стоять; они уже занимают значительные пространства и, таким образом, совершенно бесполезно лежат.

[11] Колючий кустарник, возможно, дёрен или облепиха. В оригинале «Christdorn-Gestrüpp» - возможно, «колючка Христа» (*Ziziphus spina-christi*). Оставляю как «дёржи-деревя» по смыслу.

Степь же в свою очередь уже сильно ограничена пахотной землёй. Кукуруза и снова кукуруза - это главное средство питания человека и скота, насколько хватает глаз. Другие хлеба, особенно зерновые, по сравнению с этим полностью исчезают. Плодородная почва имеет следствием высокую плотность населения. Правда, сёла лежат часто на многие вёрсты друг от друга, но зато они иногда имеют удивительно высокую численность жителей. Село Шали, например, по переписи 1926 года имеет 15 000 жителей, Урус-Мартан даже свыше 20 000! Так как они, кроме того, построены очень просторно и большинство усадеб ещё окружено кукурузными полями, то могут пройти часы, пока пересечёшь такое село. Обычно план села состоит из многих параллельных уличных рядов, которые соединены между собой случайными поперечными улицами. Столь распространённые в Ичкерии, состоящие из многих отдельных хуторов, далеко разбросанные планы сёл здесь полностью отсутствуют. Спрятанные в зелени, возвышаемые высокими тополями, сёла с их нарядно выбеленными, крытыми черепицей домами с двускатными крышами производят очень приятное, культурное впечатление. Тем не менее жители всё ещё довольно непокорны; бандитизм господствует в высокой степени, больше, чем в горах. Я знал русских полицейских чиновников, которые после долгой деятельности на равнине для отдыха получали место в горах.

Число живущих на Сунженской равнине чеченцев по переписи 1926 года составляет около 190 000. Поскольку площадь можно оценить немногим более 2000 кв. км, то на 1 кв. км приходится примерно 90 человек - для этой части света, безусловно, очень замечательная цифра плотности! При этом население Грозного с 95 000 жителей не включено. Две трети всего народа живут, следовательно, на Сунженской равнине, хотя она занимает лишь около четверти Автономной области чеченцев.

Примерно столько же площади, сколько Сунженская равнина, занимает пространство обоих ограничивающих равнину с севера холмистых хребтов Терско-Сунженского хребта. Но оно из-за своей пустынности и бесплодия - последнее из-за недостатка воды - почти необитаемо и используется лишь как пастбищная территория, по крайней мере поскольку чеченцы в ней заинтересованы. Особое значение оно получает, однако, благодаря так называемым старым нефтепромыслам Грозного, которые находятся на северном склоне южного хребта.

В) Языковое положение и диалектические различия

Население Кавказа состоит из трёх больших групп: 1) собственно кавказских народов, 2) арийских народов, 3) тюркских народов. Чеченцы принадлежат к собственно кавказским народам, которые, в свою очередь, делятся на три главные группы. Это: 1) картвельцы на юго-западе с главным народом - грузинами, 2) абхазы, убыхи и черкесы на северо-западе и 3) чеченцы и дагестанские народы на северо-востоке. По мнению лингвистов, особенно барона Услара, чеченцы в языковом отношении среди кавказских народов стоят ближе всего к дагестанцам. В культурном отношении их также причисляли к дагестанской группе, однако на этот счёт можно иметь различные мнения; по моему мнению, в этнологическом отношении их гораздо скорее следует причислять к центральнокавказским народам, как ещё будет подробнее показано. В этих вопросах особенно ценных разъяснений следует ожидать от выдающегося русского лингвиста Яковлева, который в последние годы занимался чеченским языком и также работает этнологически.

После грузин чеченцы с более чем 300 000 душ являются самым многочисленным из собственно кавказских народов. В языковом и культурном отношении к ним, однако, без дальнейшего относятся ещё ингуши и небольшой племенной остаток бацбийцев на южном склоне Главного хребта [12]. Численность чеченцев в более широком смысле составляла бы тогда около 400 000. Диалектные различия существуют, но они совсем незначительны, так что чеченцы и ингуши могут легко понимать друг друга. Тем не менее ингушей следует рассматривать как особый народ, поскольку они прошли особое политическое развитие, что находит своё выражение и в том, что советским правительством им была создана собственная Автономная область.

[12] Бацбийцы живут в общинах Сагирта и Индурта в Тушетии. Далее, имеются чеченские поселения на кахетинском Алазани близ Алаванской равнины; это общины Верхние и Нижние Панкисы (Мерцбахер, лит. № 28, I, с. 209).

Также и язык чеченцев в более узком смысле, о которых здесь только и идёт речь, обнаруживает, по-видимому, ещё небольшие диалектные различия. Я заметил это во всяком случае у кистов из Майсты и Мелхисты, в устах которых известные мне чеченские слова имели несколько иное звучание. В качестве примера упомяну чеченское слово для боевой башни «бау», которое у кистов звучало «вау». Мне также уверяли, что и чаберлойцы имеют несколько отличное от остальных чеченцев произношение. Также назывались мне и лексические различия между чеченским языком равнины и гор.

Но если к этим очень незначительным диалектным различиям присоединяются существенно более сильные культурные, то всё же можно говорить о делении чеченцев на более мелкие племена. При этом следует думать и о племени карабулаков (имя, очевидно,

тюркского происхождения: кара - чёрный, в переносном смысле «плохой, мутный»; булак - источник), которые, как уже упоминалось, сидели в области Фортанги и после захвата страны русскими выселились в Турцию, за исключением незначительных остатков, сохранившихся в селе Ачхой-Мартан на равнине. Возвратившиеся переселенцы поселились в ауле Сагопш в Малой Кабарде. Карабулаки должны были отличаться особой дикостью и отчаянностью и в диалектном отношении как от чеченцев, так и от соседних ингушей иметь небольшие отличия (по Иванову[13]). Чеченское название племени Яковлев называет «эарстхуой»[14].

[13] См. список литературы № 17.

[14] Яковлев, видимо, приводит чеченское название, я оставляю его транслитерацию без изменений.

С) Исторический очерк

Исследования о происхождении чеченцев должны быть очень трудны, так как мы не знаем, под каким именем чеченцы выступали ранее. Ибо нынешнее имя - новейшего происхождения. Оно означает первоначально не что иное, как жителей села Чечен, расположенного примерно в 15 км к юго-востоку от Грозного на Аргуне, - села, которое некогда было выдвинуто дальше всех чеченских сёл к северу, с которым, следовательно, русские, кабардинцы и другие впервые вступили в соприкосновение. Русский говорит, следовательно, «чеченец», множественное число «чеченцы», кабардинец - «сасан», осетин - «цацан». В немецкой кавказоведческой литературе, к сожалению, укоренилось имя «Tschetschenen»[15], хотя правильно было бы «Tschetschener»; ради единообразия, однако, и в настоящей работе говорится «чеченцы». Впервые письменно засвидетельствовано имя «чеченцы» в договоре русских с калмыцким предводителем Аюкой-ханом от 1708 года (по Берже[16]). Сами себя чеченцы называют «нахчой», что просто означает народ, как и многие другие имена народов (единственное число «нахчо»). По Лаудаеву[17], с. 3, они называются дагестанцами «буртель», кумыками «мичикиш». Слово, по Лаудаеву, состоит из «мичик» и «гиши». «Гиши» на кумыкском должно означать люди. «Мичик», далее, - правый приток сунженского притока Гудермеса в восточнейшем углу Сунженской равнины, т.е. в пограничной области с кумыками. На очень интересной старой карте, составленной одним из помощников Шамиля[18], которая охватывает владения Шамиля, т.е. Северный Дагестан и чеченскую область, слово «мичик» внесено также как имя округа для упомянутой области. «Мичикиш», по мнению Семёнова[19], с. 217, тождественно с именем древнего народа массагетов, что доказывается ещё другими, им не обозначенными более подробно источниками. В этой связи он упоминает также чеченские названия сёл Махкеты и Мескеты, первое в Ичкерии, второе в Аухе[20].

[15] Имеется в виду немецкое окончание множественного числа -en, тогда как по-русски правильно «чеченцы». Плетшке поясняет, что в немецком следовало бы писать Tschetschener. В русском переводе мы используем правильную форму «чеченцы».

[16] См. список литературы № 3, с. 140.

[17] См. список литературы № 24.

[18] См. список литературы № 37.

[19] См. список литературы № 46, с. 217.

[20] На основании некоторых лингвистических и этнологических явлений, например, следов бывшего матриархата, Яковлев полагает возможным связывать чеченцев с гаргарейцами, язаматами и савроматами древних писателей (лит. № 19).

Далее следует упомянуть имя «кисты», которым горские грузины называют чеченцев, в особенности своих непосредственных соседей, т.е. жителей Майсты и Мелхисты, и которое также встречается в немецкоязычной литературе, также в форме «кистины». Жители кистских округов называют себя и называются своими соплеменниками только по своим ландшафтным или родовым именам Майста и Мелхиста. По-видимому, имя кисты относилось и к ингушам, судя по названию реки Кистинка, которую на 5-вёрстной карте несут два правых притока Терека в Дарьяльском ущелье.

Если теперь письменных свидетельств и недостаёт, то, конечно, у чеченцев есть устное предание относительно происхождения их народа и его дальнейшей судьбы. Следует лишь иметь в виду, что эти предания не представляют собой собственно народной истории, а являются лишь семейными преданиями. Ибо их история как народа начинается, строго говоря, лишь с образованием Автономной области Советами. Только с этого момента все ветви народа выступают на сцену сообща. До этого их история состояла лишь в совместной жизни различных племён или, вернее, родов, больших семей, которые, возможно, время от времени частью действовали сообща, но столь же часто враждовали друг с другом. Насколько мы знаем, никогда не существовало чеченского правителя или чего-либо подобного правительству, которому весь народ подчинялся бы на более долгое время. Даже во время кавказских войн это ещё было так. Главным образом сражались только те чеченцы против русских, на которые непосредственно простиралось влияние Шамиля, т.е. граничащие с Дагестаном округа, особенно ичкерийцы. Также и народное имя «нахчой» стало, по Лаудаеву, действительно для всех чеченцев лишь в новейшее время; до этого существовали только различные окружные названия.

Существует теперь у чеченцев сказание о происхождении их народа, имеющее различные варианты. Оно действительно очень распространено; мне его рассказывали различно. Я привожу его в той форме, как оно записано у Семёнова[21], с. 209, так как там оно изложено подробнее, чем я слышал. Речь идёт при этом о переводе арабского текста, который был записан одним муллой в 1828 году. Сказание имеет, следовательно, следующее содержание:

[21] См. список литературы № 46, с. 209.

История переселения племени Нахчо из селения Нахчуван в 63 году хиджры (т.е. 685 г. н.э.).

Из селения Нахчуван вышли три брата: Абдул-Хан, Рашид-Хан и Хамзат-Хан, сыновья Саид-Али-Шама, который в своё время имел титул Саидуль-Умараи-Султану-Салатини, жил 100 лет и умер в Шама (Шама = Дамаск или Сирия).

После смерти отца их княжеское и султанское достоинство перешло в руки к тому не имевшим права. Вследствие этого братья бежали в Нахчуван. Из Нахчувана они отправились в Кагызман, где жили родственники отца. Там они прожили 10 лет. Младший брат умер там. Из Кагызмана Абдул-Хан и Рашид-Хан переселились в Арсуман, где прожили 6 лет. Там умер второй брат Рашид-Хан. Абдул-Хан переселился в Халыб со своей семьёй, состоявшей из трёх сыновей, четырёх дочерей, его жены и одного племянника. Здесь женился Абдул-Хан на дочери князя неверных Албулата. Он оставил племянника в Халыбе и переселился с семьёй в место, где, кроме волков и других диких животных, никто не жил и где протекала маленькая речка Басехау (Баш-хан). Там он воздвиг различные каменные башни. Одного из родившихся там сыновей он назвал Башаном. Там он и умер 90 лет от роду.

После Абдул-Хана осталось три сына: Шам-Хан, Саид-Али и Фахруддин и четыре дочери: Сагидат, Хабизат, Фатимат и Заинаб. Шам-Хан в 153 году хиджры выдал своих сестёр замуж за князей из Абасакана и сам взял у них жену, дочь Сурхая. Из-за своих сестёр между ним и абасаками возник спор, почему он и его братья переселились с Басехау к маленькой речке и там основали своё местопребывание. Его брату Саид-Али там родился сын, которого они называли Аргуном. Саид-Али остался там жить, для Фахруддина они выбрали местожительство Байна-Савраини (в другом сообщении оно называется Сырин-корт, восточный из двух холмов южнее Грозного), Шам-Хан же отправился в Нашах и жил там в построенной им каменной башне. Это было в 213 году хиджры. Шам-Хан умер в Нашахе. После него образовалось в Нашахе 13 родов. Аргун, сын Саид-Али, предоставил своё местожительство своим братьям и ушёл в Махкеты (в Ичкерии)".

Далее в тексте говорится о вещах, которые не имеют прямого отношения к распространению чеченцев, о князьях калмыков на равнине, о предположительно хазарских князьях и о распространении ислама - вещах, о которых, кроме того, имеются другие сообщения.

Сказание, очевидно, под влиянием ислама утратило свой первоначальный облик. Оно ведь и записано как раз во время возникновения мюридизма в Дагестане. Так, прежде всего, имена героев будут превращены в подлинно арабско-мусульманские, которые и сегодня как имена у чеченцев употребляются так же, как у других мусульманских народов. К этому предположению тем более есть основание, что в другой форме сказания имя переселяющегося из Дамаска родоначальника звучит иначе, а именно Турпал. Другие

имена из племенных сказаний: Молкха или Малхху, его сын Тинавин-виссу, его витязи Тиниельдер, Термагалла, Гуно-Каркалой, Гардасеирик, Ширди-Канат и др. (Берже, с. 124).

Мало заслуживают доверия и указания времени. Так как родоначальник непременно должен был быть правоверным, то записавший сказание мог позволить переселение состояться только после деятельности Мухаммеда. Что небольшие мусульманские народы охотно выставляют своих предков как истинных мусульман и заставляют происходить из Аравии, желательно из семьи пророка, - явление известное. В «Песне о Нибелунгах» герои тоже идут в церковь как благочестивые христиане.

У чеченцев же доказано, что их предки были обращены в ислам лишь около 200 лет назад.

Сказание из этих соображений считалось несущественным для выяснения чеченской истории, так Берже, Радде и Яковлев[22]; я полагаю, однако, что географическое ядро всего этого нельзя полностью оставлять без внимания. Уже созвучие чеченского этникона «нахчой» («нахчо») с «Нахчуван» или «Нахичевань» должно было бы заставить задуматься, если только не предположить обратное, что именно на основе народного имени «нахчой» сказание перенесло народное происхождение по народной этимологии в Нахичевань[23]. К этому добавляется затем определённое название других армянских или северо-восточномалозийских мест, как Арсуман (по Семёнову = Эрзерум) и Халыб. Народ халыбов жил по свидетельству античных писателей на юго-восточном побережье Чёрного моря.

[22] См. список литературы № 19. По Яковлеву, сказание заимствовано из Дагестана и точно соответствует семейному преданию шамхалов Тарки.

[23] Кроме известного города Нахичевани на Араксе, есть по указателю населённых мест 5-вёрстной карты ещё село Нахичеван вблизи упоминаемого в сказании городка Кагызман в Центральной Армении между Эриванью и Карсом.

Эти географические указания заслуживают тем большего внимания, что установлено, что один древнекавказский народ, моски (мос-хер), как раз из этих областей некогда двинулся на северо-восток (Леонхард[24], с. 295), как, впрочем, тесные связи кавказского мира с Арменией и Передней Азией всё более выступают особенно в языкознании.

[24] См. список литературы № 25, с. 295.

Название ландшафта и народа Абасакан, безусловно, тождественно с Абхазией или абхазами. По мнению Семёнова, однако, может быть подразумеваема и Кабарда. С названием реки Бас-хан, вероятно, имеется в виду Баксан, что говорило бы за Кабарду.

Хочу при этом случае указать, какие ценные разъяснения для языковых и исторических исследований может ещё принести более точное изучение географических названий чеченской области. Мне пришлось удовольствоваться установлением звукового сходства чеченских названий с нечеченскими или некавказскими, и я должен предоставить специалистам решить, многозначительны эти совпадения или ничего не значащи. Это чисто случайные находки, из которых я хочу здесь некоторые упомянуть. Так, севернее озера Эсен-ам есть горный хребет Керкет с одноимённым перевалом, по которому идёт дорога из Ведено в Ичкерии в Ботлих в Андийском Дагестане. Название полностью соответствует античному названию черкесов «керкеты». У того же озера есть село с именем Хой; одноимённый город есть у озера Урмия в северо-западной Персии. На Персию указывает также лежащее всего в нескольких километрах от чеченского села Хой место Парсеной. Название реки Аргун встречается, как я узнаю из указателя населённых мест 5-вёрстной карты[25], в кавказских странах ещё многократно, частью как речное, частью как местное название. Любопытны совпадения именно речных названий с Сибирью. Известен приток Амура под названием Аргун или Эргуне. Подобных совпадений можно было бы привести ещё много.

[25] См. список литературы № 48.

При пользовании русскими картами, впрочем, следует соблюдать осторожность, так как они часто сильно искажают чеченские названия. В качестве примера приведу названия некоторых селений или отдельных укреплений в Мелхисте, как они обозначены на 5-вёрстной карте[26] и как они в действительности произносятся.

[26] Другой карты у меня, к сожалению, не было.

| По 5-вёрстной карте | Произношение жителей |

-----	-----	
Дзарего	Дза'ре	
Сахано	Са'хен	
Икисло	Икильце	
Теретего	Те'ртъе	
Музо	Ме'си	
Бонисти	Бянист	
Кагняхо	Ке'гньех	
Банахо	Банах	
Камалаго	Кома'льхе	
Дорзе	До'дзе	

Баздети	Ба'сте	
Ами	А'ме	

Или в соседнем округе Майста:

Пого	Пу'ху	
Того	Т'у'га	

Если эти расхождения не основаны на небрежности русских картографов, то остаётся ещё возможность, что решающим было произношение соседних хевсуров; для Дзарего это во всяком случае верно, для остальных мест я не мог это проверить. Кроме того, упомяну ещё следующее расхождение, которое, вероятно, основано не столько на неточности картографов, сколько на недоразумении. Карта указывает Шарой, Шикарой, Санчой, Шатой и т.д., чеченцы же говорят Ша'ре, Шика'ре, Са'нтхе, Шу'те. Чеченцы, которых я спрашивал об этом примечательном различии, дали мне следующее объяснение, если я правильно понял простых людей. Село называется собственно Шаре, Шикаре и т.д.; Шарой, Шикарой было бы, однако, не прямо неправильно, а означало бы не само место, а жителей его, по-русски, следовательно, шаре'евцы, шикаре'евцы и т.д. Жители или переводчик русских картографов отвечали бы, стало быть, на вопрос, как называется место, всегда по жителям. Быть может, причина и в том, что чеченцы скорее говорят, например, «я иду к шаре'евцам», чем «я иду в Шаре»; это объяснялось бы тем, что жители горного аула представляют собой гораздо более замкнутое единство, чем мы можем себе представить исходя из наших условий; ведь часто всё население принадлежит к одной и той же семье, которая, следовательно, замкнуто, будь то враждебно или дружественно, противостоит другим аулам или семьям. Я хочу, однако, высказать эти соображения лишь с величайшей осторожностью, так как я не проводил по этому поводу более близких исследований.

В остальном люди уже во многом приспособились к русскому способу наименования своего места и называют его перед чужеземцем на русский манер. Это относится и к народному имени Нахчой. Перед чужеземцем называют себя чеченцами. В отдалённых горных долинах, правда, не получаешь ни того, ни другого ответа. Национальное сознание здесь ещё совершенно не развито, о национальном чувстве в западноевропейском смысле, разумеется, и говорить не приходится. Горец обозначает себя лишь как члена того или иного села или рода, или большой семьи, и видит вокруг себя только такие различные роды; понимание высшего понятия народа для него в его замкнутой долине ещё не открылось.

С прибытием племени на кавказскую землю, о чём упомянутое сказание, возможно, даёт нам некоторую точку опоры, начинается второй отдел истории народа. Относительно этого имеются теперь значительно более достоверные сведения, хотя они и состоят исключительно из устных семейных преданий со всеми их неточностями, особенно в отношении указаний времени. Эта неточность, по-видимому, не в той мере относится к географическому содержанию преданий, которое нас здесь главным образом интересует; в

этом отношении, а именно, в различных преданиях наблюдается поразительное единодушие.

Следующие данные содержат существенное из некоторых имеющихся по этому поводу публикаций, частью урождённых чеченцев, как Лаудаев, частью работавших в чеченской области русских чиновников, как Ипполитов и Попов[27].

[27] См. список литературы № 24, 33, 47.

Во втором отделе чеченской истории речь идёт прежде всего о распространении по занимаемой ими ныне области. При этом можно различить три фазы.

В качестве исходного пункта предания с большим единодушием называют место (быть может, его следует понимать и как окружное название) Нашах или Нашахе, то есть то же место, которое и в сказании обозначается как первый пункт поселения на чеченской земле. Село Нашахе существует и сегодня, именно в восточной части округа Галанчож или Акки. Кроме того, слово сохранилось в названии известнякового массива Нашахо-лам, который замыкает округ с севера против низкой лесной горной страны. К древнейшим поселениям относится и Майста. Оба места пользовались ещё долго большим уважением среди чеченцев; особенно в спорных вопросах адата, обычного права, мудрые старцы этих мест должны были считаться последней инстанцией. Как древнейшие округа называются далее Хильдехарой, Чанти (местность Итум-Кале). Довольно рано, по-видимому, были заняты и области Шароя, Шатоя и Чаберлоя.

В большом отдалении затем, по-видимому, началась вторая фаза распространения, направленная в низкую лесную горную страну, прежде всего на восток, в Ичкеррию и Аух. Основание сёл в Ичкерии, из которых в качестве древнейших называются Эрсеной, Агашпатой, Зонторой, должно было, по изысканиям Попова, произойти 600, 800 или даже 1000 лет тому назад - указания времени, которые, естественно, крайне ненадёжны. Это приблизительно совпадало бы с эпохой расцвета Грузинского царства при царице Тамаре (в XII веке). Быть может, распространение власти грузин во все стороны послужило поводом к переселению чеченцев на восток. Что грузинское влияние простиралось тогда и на северный склон Кавказа, доказываются церковными развалинами Тхаба-Ерди недалеко от чеченской границы в Ингушетии, выдержанными в грузинском стиле IX века (Подробное описание у Всеволода Миллера[28]), между прочим, также надписью грузинскими буквами на старом склепе в боковой долине Ассы в Ингушетии, найденной профессором Яковлевым[29], с. 20. Округ Аух заселён при этом исключительно людьми из Акки (Галанчож); жители Аука называют себя и сегодня ещё Акки.

[28] См. список литературы № 29.

[29] См. список литературы № 19, с. 20.

По преданию, также ингуши и карабулаки пришли из центра Нашахе на свои нынешние места.

Тем самым заселение чеченской горной области было завершено. Лишь в большом отдалении последовала третья и последняя фаза распространения, а именно заселение равнины. Она началась около начала XVIII столетия. К добровольному заселению после окончания кавказских войн присоединилось ещё принудительное, произведённое русскими. Причиной этого было то, что беспокойных чеченцев можно было здесь лучше наблюдать, чем в горах. И сегодня переселение на равнину продолжается, также и теперь поощряемое и поддерживаемое правительством. Речь идёт о богатых землях, которые принадлежали советски настроенным казачьим станицам вдоль Сунжи и после их уничтожения были предоставлены в распоряжение горцев. Этим хотят помочь ощущимой нехватке пригодной пахотной земли в более высоких горах. Так же поступают теперь и в других автономных республиках, особенно в дагестанской.

Распространение чеченцев уже оставило позади Сунженскую равнину. Ряд аулов находится уже за низкими холмистыми хребтами вдоль Терека. Также есть некоторые на дагестанской территории на Кумыкской равнине, жители которых в 1917/18 году приобрели печальную славу уничтожением процветавших там немецких колониетских сёл.

Теперь нельзя, конечно, предполагать, что распространение чеченцев до нынешнего народного тела совершилось бы полностью из собственных сил, но установлено, что они при этом в течение времени приняли в себя много чужих составных частей. Это снова подтверждается семейными преданиями. Очень сильны при этом грузинские народные элементы, т.е. горских грузин, и среди них особенно упоминаются тушины. Их влияние сильно ощущается в области Шаро-Аргуна, но и дальше вниз по течению, например, в районе Шатоя. Там бросился мне в глаза один человек своей ярко выраженной грузинской физиономией. Оказалось, что его семья действительно грузинского происхождения, но уже давно очеченилась. Другие семьи опять-таки дагестанского происхождения, также кумыкского, персидского и др. Одна семья желает быть даже фряжского, т.е. западноевропейского, другая снова греческого происхождения.

В качестве причины для частого притока чужих элементов в чеченский народ обычно указывается, что они искали убежища у чеченцев, которые всегда были демократическим народом без сословного деления - они отличаются этим и поныне, т.е. до революции, от других кавказских горцев - от угнетения своими или чужими властителями. Вероятно, среди них были и такие, которые хотели уклониться от наказания за какие-либо преступления.

Более всего следует также предположить, что чеченцы при своём продвижении на восток пришли в часть по крайней мере уже заселённую местность. Быть может, там жили уже дагестанские племена. Лаудаев упоминает, во всяком случае, определённо (с. 11 и 12), что

земля принадлежала аварским ханам, от дани которых чеченцы освободились лишь с течением времени, особенно ауховцы. И сегодня ещё аварское племя салатау живёт на северном склоне Андийской цепи, однако лишь в полосе около 30 км шириной западнее Сулака; западнее Акташа живут только чеченцы.

Численность чеченцев, таким образом, в прошлом была, вероятно, гораздо меньше, чем сегодня, а следовательно, и их политическое значение.

На Сунженской равнине до чеченцев жили уже и русские. Семёнов пишет определённо на с. 206: «Из многих признаков несомненно следует, что с середины XVI столетия на чеченской территории селились и православные русские». Когда они, вероятно из соображений безопасности, отошли за Терек, чеченцы последовали за ними. Смешения с ними не происходило.

При продвижении на равнину у чеченцев были трения с калмыками, отчасти также - на западе - с кабардинцами. О слиянии с теми ничего не известно. Чисто монгольских черт я, например, среди чеченцев не наблюдал.

Курганы они приписывают народу Ани, который некогда жил на равнине. Название поля Ани-ирсау к юго-западу от Урус-Мартана напоминает об этом (Г. А. Вертепов[30]).

[30] См. список литературы № 41, с. 11–21.

До сих пор речь шла только о принятии чужих народных элементов чеченцами, но здесь я упомяну также один случай, в котором они, со своей стороны, вошли в соседние народы. Так, мне была рассказана интересная вещь, что значительная часть жителей станицы Червлённой на Тереке происходит от чеченцев ичкерийского села Гуни, которые теперь совершенно русифицированы и стали настоящими казаками. Этот факт доказывает по-новому, каким сильным было влияние кавказских народов на казаков, не только в образе жизни, одежде и общем духовном направлении, но и путём прямого смешения крови. Упомянутые чеченцы некогда бежали к казакам, чтобы избежать обращения в ислам.

К этому следует заметить, что деление истории распространения чеченцев на три периода принадлежит мне. В упомянутых публикациях оно не выражено. Географически оно, однако, дано без дальнейшего, и ввиду имеющихся указаний времени оно представляется мне оправданным и прежде всего пригодным, чтобы дать лучший обзор развития.

Решающим для судеб чеченского народа становится затем обращение в ислам, которое началось в XVIII веке из Дагестана, куда он был занесён арабами уже в VIII веке, хотя полная исламизация, особенно северо-запада, конечно, была завершена лишь гораздо

позже. Чеченцы попали благодаря этому также под влияние мюридизма, в особенности Шамиля, который и осуществил затем их полное обращение. Частью добровольно, частью вынужденные деспотией Шамиля, они приняли участие в ожесточённой борьбе против русских, которая завершилась в середине прошлого века их подчинением. Сильное мусульманское движение прошло ещё раз по стране после крушения царской империи, когда, как уже упоминалось, чеченец Дышнинский основал Северокавказский эмират, в котором я сам был деятелем. Эмиром был аварец Узун-Хаджи, почитаемый как святой старец; Дышнинский пышно именовал себя великим визирем. Хотели возобновить время незабвенного в горах Шамиля и боролись против казаков. Советы вскоре снова уничтожили этот эмират, убили ставшего им неприятным вследствие своей одарённости Дышнинского и в 1923 году учредили Автономную область чеченцев.

D) Антропологические наблюдения

Чеченский народ в расовом отношении так же мало однороден, как и любой другой. Но точно так же, как у большинства народов вырабатывается определённый тип, который воспринимается как характерная физическая форма проявления, так и у чеченцев. И этот тип, бесспорно, принадлежит к переднеазиатской расе. Чеченцы не составляют в этом исключения из остальных кавказских народов, антропологическую основу которых также образует эта раса. Её признаки известны. Речь идёт, следовательно, о людях среднего или высокого роста, крепких, с короткой, крутой головой, сильным орлиным носом и обыкновенно тёмными волосами и глазами.

Однако и внутри переднеазиатской расы, которая распространена на огромной территории, следует точно так же считаться с различными типами, как это уже сделано, например, внутри светлой северо-западноевропейской расы. Внутри ближе знакомых мне народов с переднеазиатской расовой основой - северных армян, восточных грузин с пшавами и хевсурами, азербайджанских татар, ряда дагестанских народов, ингушей и в меньшей степени кумыков и осетин - я, во всяком случае, полагал, что смог установить очень отчётливо различные типы этой расы.

Чтобы охарактеризовать чеченского переднеазиата, я хотел бы сначала выразиться отрицательно. Его профиль не имеет преувеличенной переднеазиатской формы, какую можно часто наблюдать, например, у армян. Такой профиль, например, как у сфотографированного фон Лушаном армянина, чтобы привести для сравнения известное, перешедшее во многие расоведческие книги изображение, у чеченцев вообще не встречается. Правда, по моим наблюдениям, и среди армян это большая редкость. Снятый мной чеченец (рис. 5 и 6 справа) представляет, вероятно, в пределах своего народа крайнюю степень переднеазиатского образования лица. Нормальный чеченский тип показывает примерно рис. 7.

Итак, это совершенно смягчённый переднеазиатский профиль с большим, но умеренно изогнутым и не мясистым носом и умеренно развитым подбородком, последний - особенно в противоположность рис. 5, на котором, как обычно у ярко выраженных переднеазиатских профилей, подбородок больше отступает назад и образован более плоско, чем это соответствует нашему чувству красоты. Профиль на рис. 7 не бросается в глаза, а уравновешен и нравится своим размахом и смелым, крупным очертанием. Также сидящий справа мужчина на рис. 8 является хорошим представителем этого типа. Его лицо можно без ограничения назвать мужественно красивым. Лица сплошь и рядом встречаются, которые едва ли напоминают хищноптичье переднеазиатского типа, а имеют почти прямой и узкий нос, и у которых только короткая, крутая голова указывает на переднеазиатское наследство. Эти правильные лица и создали старую славу кавказской красоты и, вероятно, побудили в своё время Blumenbach и других сформулировать его понятие кавказской расы. Раньше, особенно во время кавказских войн, когда Боденштедт находился на Кавказе, слишком идеализировали кавказские народы, в особенности, быть может, преувеличивали их физическую красоту. Позднее впали в противоположную ошибку - в слишком трезвый способ рассмотрения. Вводят здесь часто в заблуждение публикации антропологических снимков, при которых, естественно, охотно выбирают экстремальные типы. Это относится, например, к опубликованному в «Расологии» Гюнтера снимку имеретина из Кутаиси, который изображает, вероятно, одного из самых безобразных мужчин, каких только можно было найти в этом городе. Напротив, следует снова подчеркнуть, что кавказские народы, а среди них особенно северокавказцы, по физической красоте во всяком случае превосходят своих соседей. Стоит только приблизиться от Ростова к Кавказу, и можно будет наблюдать, как на станциях чистые кавказские лица с их крупными и прямыми чертами выделяются из массы неясных русских физиономий.

Что касается телосложения, то я находил у армян, восточных грузин, хевсуров и дагестанцев в основном людей среднего роста, крепких, часто не столько стройных, сколько коренастых; ни в коем случае не высокорослых; местами человеческий тип отчётливо мал, как в некоторых областях Дагестана, например, Казикумух, Гумбет. В противоположность им чеченцы определённо выделяются более высоким ростом. Стоит только пройти от последнего хевсурского села Шатиль до кистского села Джарега, и прямо-таки поражаешься внезапной антропологической перемене: у хевсуров - коренастые, широкие фигуры, у кистов - высокие, стройные, даже элегантные особи. Это наблюдение подтверждается мне сообщениями Радде[31].

[31] См. список литературы № 36.

То же различие я констатировал между ичкерийцами, с одной стороны, и андийцами и аварцами, особенно гумбетовцами, с другой.

Стройность иногда действует прямо-таки преувеличенно, так что можно говорить о тростниковой стройности. В других краях подобные фигуры, пожалуй, были бы названы хрупкими; несправедливо, ибо плечи обыкновенно широки, узки только бёдра. Тело получает благодаря этому чрезвычайно гибкий, эластичный, иногда несколько небрежный

оттенок. Эта линия ещё очень подчёркивается почти повсеместно носимой на равнине черкеской (рис. 9). В горах это становится менее заметно, потому что там обычно тяжёлая овечья шуба скрывает члены, за исключением Мелхисты, где снова преобладает черкеска.

Полнота, которую я часто наблюдал у армян и восточных грузин как у мужчин, так и у женщин, особенно в более старшем возрасте, отсутствует почти полностью; преобладают подтянутость и худоба.

Высокорослыми чеченцы кажутся, быть может, только в сравнении с соседними народами; средняя мера едва достигает роста северогерманца. Рост выше 1,85 м я с уверенностью мог наблюдать только дважды. Один был кист из Мелхисты, другой, самый большой чеченец вообще, был упомянутый уже великий визирь бывшего эмирата Дышнинский. Это обстоятельство, между прочим, немало способствовало укреплению его авторитета у простых горцев. Он был также совершенно аристократической внешностью, которая объединяла в себе все преимущества расы, но, конечно, и её недостатки.

В предыдущем расовая основа чеченского народа была обозначена как переднеазиатская, можно было бы её с тем же правом назвать и динарской. Динарских людей я мог наблюдать в большом количестве во время путешествий по Каринтии и Штирии и среди сербских военнопленных, и если я сравниваю их с преобладающим человеческим типом у чеченцев, то не нахожу существенного различия, которое давало бы право, в отличие от первых, говорить здесь об особой переднеазиатской расе. Для армян и некоторых дагестанцев это, быть может, и оправданно, но лишь в том смысле, что характерные признаки динарской расы здесь ещё более преувеличены: голова становится легко ярко выраженной башенной[32], нос непомерно большим, рост местами несколько ниже. У чеченцев этого, в общем, не наблюдается, также не у ингушей и осетин, и также, согласно распространённому представлению, у черкесов. В этом ограничивающем смысле я говорю, следовательно, о чеченцах как о переднеазиатской расе.

[32] Имеется в виду башеннообразный череп (турецкая форма). Плетшке, вероятно, использует термин «башенный» для обозначения высокой, крутой формы черепа. В оригинале «Spitzkopf» - «остроконечная голова», буквально «шпигцголовый».

Особое положение переднеазиатского чеченца доказывается ещё цветом волос, глаз и кожи. Люди с совершенно чёрными волосами, совсем тёмными глазами, которые преобладают у армян и также местами у грузин, среди чеченцев не слишком часты, поскольку они объединяют в себе оба признака. Можно говорить только о типе, который в общем впечатлении кажется тёмным. Легче всего ещё волосы тёмные, даже чёрные, глаза же карие или цвета, который трудно точно определить. Можно их, пожалуй, назвать светло-карими с зеленоватым оттенком. Светлое, прозрачное светло-карие я замечал у женщин чаще, чем у мужчин. Но что прежде всего бросается в глаза путешественнику, это сильное распространение блондинов и светлоглазых, главным образом последних. Какой именно уровень светлоты преобладает, с уверенностью сказать нельзя; видишь как серые и

серовато-зелёные глаза, так и чисто голубые, небесно-голубые глаза, каких в Северной Германии не может быть чище.

Несколько реже, чем светлые глаза, встречаются светлые волосы. Здесь имеют место очень сильные явления последующего потемнения. У детей, а именно, его видишь значительно чаще, чем у взрослых, и у темноволосых взрослых меня уверяли различные, что в юности они были блондинами.

Бросалось мне в глаза у мужчин раннее поседение; у тридцатилетних оно обыкновенно было уже явственно заметно. Конечно, за это ответственно и постоянное ношение тяжёлой папахи[33]. И облысевших мужчин видишь не так уж редко. Изучение черепов, естественно, сильно затрудняется этим обычаем, и нужно уже ночевать у людей, чтобы видеть непокрытые головы; на улице непокрытых людей, совершенно независимо от того, мужчина, женщина или ребёнок, никогда не видишь.

[33] В оригинале «Lammfellmütze» - «барашковая шапка», в русской традиции - папаха.

Ценность светлоты соответствует, быть может, менее бледной светловолосости восточной расы, чем скорее северной расы, и имеет склонность к золотистой блондинистости, хотя я в чистом проявлении её не наблюдал. Также и ярко рыжих индивидов я видел многократно; цвет их глаз был совсем светлый карий.

Чаще, чем светлые волосы на голове, видны светлые бороды, причём мне бросался в глаза красновато-коричневый оттенок, также у мужчин с тёмными волосами и карими глазами. Растительность бороды хорошая, полная и прямая, и на неё обращается определённое внимание. Можно встретить и ниспадающие бороды Барбароссы, причём следует заметить, что использование хны не принято. Большинство мужчин, впрочем, носит только усы.

Кожа светлого чеченца нежна и тонка, иногда чудесен цвет лица у молодых девушек. У мужчин лицо от ветра и погоды красно, не загорело - обстоятельство, особенно характерное для северной расы. Тело же имеет белый цвет кожи в лучшем смысле. Я мог это однажды наблюдать в Мелхисте. Несколько кистов были заняты тем, что сплавляли лес по Аргуну, т.е. отдельные брёвна, которые они, сами стоя в воде, длинными шестами в жилистых кулаках проводили между kloчущими пенистыми скалами. Хотя они были совершенно обнажены, они нисколько не стеснялись перед нашей проходящей грузинской колонной. Лесистые склоны, шумящий горный поток и ничем не прикрытые фигуры сплавщиков представляли тогда сцену редкой романтики, которая постоянно сохранилась у меня в памяти именно потому, что ей не был чужд выраженно северный оттенок. Подобные благоприятные возможности не представлялись мне больше в остальном мусульманском Кавказе; сильная щепетильность мешает здесь мужчинам показываться непокрытыми. Наоборот, им также неприятен вид хотя бы частично обнажённого тела другого; я должен был констатировать это многократно, когда зимой 1919/20 года я пролежал месяц тяжело

больным в одном доме в Ботлихе (Андийский Дагестан); я не мог тогда никого из мужчин побудить оказать мне какую-либо помощь, и как только я делал попытки приподняться, все, несмотря на мои возражения, бегством покидали комнату. Я не думаю, что это можно было приписать какому-либо суеверию, вроде боязни заражения.

Более свободные воззрения чеченцев отражаются также в более свободном положении женщины, которая ходит без покрывала и может свободно говорить с мужчинами, что во внутреннем Дагестане едва ли когда-либо можно наблюдать.

Чтобы сделать общее впечатление от светлого чеченца более понятным, я хотел бы сравнить его со светлыми североευропейцами. Паудлер в своём труде о светлопигментированных расах строго различал между далийской кроманьонской расой и обычной длинноголовой светлой северной расой. Из обеих для сравнения приходит в вопрос только последняя. Светлые кавказцы сходны с ней в большей мягкости и гладкости линий, более полных губах и более округлом разрезе глазной щели. Суровые, жёсткие, грубые лица, как их часто видишь, например, у вестфальцев, по моим наблюдениям, отсутствуют, не говоря уже об опубликованных у Паудлера экстремально-далийских типах из Скандинавии. Они также, насколько я знаю, у других кавказских народов едва ли встречаются.

Но сравнение со светлыми северо-западноевропейскими длинноголовыми расами может быть проведено только в отношении цвета и формы лица. В строении черепа светлые чеченцы, а именно, не отличаются от своих более тёмных соплеменников. Здесь и там та же короткая крутая голова, также тот же орлиный нос. Мужчина в середине на рис. 8 объединял все цветовые признаки светлого типа в очень чистой форме, был ростом выше 1,80 м, но имел при этом даже по чеченским меркам короткую и высокую голову. Более длинные черепа с меньшей выпуклостью затылка встречаются, но точно так же встречаются и у темноволосых и темноглазых. Однако они никогда не достигают размеров нормального северного длинного черепа. Тем не менее, высокие светлые чеченцы со своими длинными, узкими лицами и во всей своей манере производят в полной мере впечатление светлых северян.

В Майсте и Мелхисте наблюдения над черепами можно проводить очень легко, так как в находящихся там склепах можно найти черепа в большом количестве. Я и там не находил длинных черепов; правда, я не производил измерений, а только оценивал на глаз.

Этот стройный, короткоголовый и крупноносый тип, который выступает, следовательно, как в тёмной, так и в светлой комплекции, так сильно преобладает среди чеченцев, что остальные расовые составные части не могут существенно изменить общую картину. Самая важная из них - тип, который соответствует альпийскому. Речь идёт, следовательно, о большей части тёмных, невысоких людей с неуклюжим телосложением и строением черепа. Рис. 5 и 6 показывают представителя этой расы, который, однако, имеет сравнительно правильные черты лица, особенно довольно тонкий нос, в то время как лица в общем скорее

некрасивы. Насколько простираются мои наблюдения, кажется, что альпийскому чеченцу недостаёт округлости, полноты, которая обычно характеризует альпийцев Средней и Западной Европы. Тело скорее подтянуто и угловато, что, быть может, частично обусловлено образом жизни. Я не могу сказать, чтобы я встретил между этим и высокорослым типом в значительном количестве смешанные типы. Оба существуют, скорее, непосредственно рядом друг с другом. Я не припоминаю, чтобы встретил высокорослого чеченца, у которого была бы массивная голова с коротким носом и плоским профилем, или, наоборот, короткого и коренастого, с переднеазиатским строением черепа и лица. Оба мужчины на рис. 5 и 6 сняты сидячими и поэтому кажутся одинаково большими. В действительности переднеазиат справа был доброй головой выше альпийца слева.

Незначительным кажется мне доля восточной расы, которая главным образом составляет русский народ. О выражено монгольских расовых признаках, которые при прежнем соседстве калмыков и нынешнем ногайцев всё же были бы возможны, я также не мог ничего наблюдать. Они встречаются скорее в северном Аварии, однако лишь в форме особенно сильно выступающих скул; монголоидных глаз мне не встретилось.

Что же касается вопроса о географическом распространении отдельных типов, то я с некоторой уверенностью могу дать только указания о распространении светлых, и здесь, вероятно, можно сказать, что в отдельных округах в этом отношении всё же имеются большие различия.

Совершенно определённо в западной части чеченской области процент светлых больше, чем в восточной. На западе есть местности, в которых население должно быть названо преимущественно светлым. Что касается цвета глаз, это утверждение вне всякого сомнения; но и доля индивидов со светлыми волосами, кожей и глазами будет там достигать почти 50%.

В первую очередь это области вдоль Чанты-Аргуна от Мелхисты до Шатоя. Особенно в этих двух крайних областях я был удивлён большим количеством в общем впечатлении северных внешностей, тем более что светловолосость здесь была ещё соединена с исключительно хорошим телосложением. В Майсте, соседнем округе Мелхисты, я это чувствовал в меньшей степени[34]. Чистотой черт лица меня поразило ещё население долинной области Хочарой. О шатойских девушках уже упоминалось. Далее следует назвать область верховьев Шаро-Аргуна, хотя, возможно, уже не в той мере, как область Шатоя. Из Чаберлоя я знаю только самые восточные и самые западные сёла, Чобах-Кинерой и Хой, где светлый элемент, как мне казалось, не был особенно сильно представлен; но именно Чаберлой был назван мне некоторыми чеченцами как область с преимущественно светлым населением. Вообще, некоторые много путешествовавшие чеченцы были довольно хорошо осведомлены об антропологических различиях отдельных округов, так, например, о хорошем телосложении людей в отдалённой Мелхисте. Мои наблюдения о распределении светлых были мне ими вполне подтверждены. На мои вопросы об этом мне

без долгих размышлений объяснили, что в одной области живёт больше светлых, в другой - больше тёмных.

[34] Среди детей я заметил там некоторые поразительно еврейские лица (рис. 10).

Исчезновение светлого элемента к востоку я почувствовал особенно отчётливо в южном Аухе, а с переходом через Андийский водораздел на дагестанскую территорию тёмный элемент уже безусловно преобладал, как в Гумбете, так и в Анди. Рука об руку с этим шло увеличение грубых и некрасивых лиц. Их выражение в селе Беной было мало внушающим доверие. У остальных чеченцев и особенно у гумбетовцев, которые закупают у них кукурузу, жители Беноя также пользуются довольно плохой репутацией.

Тот факт, что светлый элемент преобладает на западе, приобретает интерес, если бросить взгляд на историю заселения. Тогда оказывается, что области, в которых чеченцы по преданию были первоначально поселены, имеют больше светлых, чем позже заселённые на востоке.

Я не хотел бы пускаться в догадки о том, как это объясняется; близко лежит, во всяком случае, искать причину в том, что восточные округа были колонизированы лишь позднее, причём, как уже изложено, вероятно, следует считаться с ассимиляцией других частей населения.

На равнине мне не бросилось в глаза явное преобладание светлого или тёмного типа. Однако и здесь безусловно преобладают высокие и стройные люди с орлиными носами.

Из кавказских народов, которые я узнал, чеченцы имеют определённо самую большую долю светлых элементов. В этнографических трудах и в кавказоведческой литературе находят в этом отношении упоминание обычно только осетины. Понятно это, конечно, потому, что осетины - индоевропейский народ и в эпоху индогерманистики привлекали на себя особенное внимание. В действительности же процент светлых у осетин едва ли больше, чем у чеченцев. Однако у меня было впечатление, что физиономия осетина, его выражение лица имеет значительно большее европейское сходство, чем у чеченца и ингуша. У моих осетинских хозяев во Владикавказе, светлых людей, меня прямо раздражало слышать из их уст совершенно незнакомый язык; я думал, что передо мной немецкие люди. Тот факт, что осетины преимущественно христиане, может при этом играть роль, так же как и то, что они располагают гораздо более многочисленной интеллигенцией, чем их восточные соседи. У чеченцев должно быть только 2–3 человека с университетским образованием, у осетин же, несмотря на меньшую численность населения, несколько десятков. И эту более сильную тягу к образованию можно будет, вероятно, отнести на счёт христианской веры.

В. Эркерт, исследовавший антропологически 70 чеченцев[35], говорит в конце своей публикации, что все исследованные люди имели чёрные волосы. Этот вывод очень примечателен, если предположить, что данные основаны на точных наблюдениях. Правда, речь идёт исключительно о людях из Ауха, т.е. из чеченского востока.

[35] См. список литературы № 12.

Здесь следует ещё присовокупить одну главу из народной медицины, которой, быть perhaps, также присуще некоторое антропологическое значение. Речь идёт о том, как чеченцы лечат головную боль. Процедура имеет следующий ход.

Пациент садится на стул, лечащий становится сбоку вплотную к нему, кладёт одну ладонь на лоб, другую - на затылок и сильно сдавливает лоб и затылок друг с другом. Часто сдавливают и в диагональном направлении, т.е. левый угол лба - против правого затылка и наоборот. Из этого сдавливания скользит рука ото лба к боковым сторонам черепа, прямо над ушами, массируя назад; никогда в обратном направлении. После того как оба движения многократно повторены, берущий, нагнувшись над пациентом, одной рукой захватывает под подбородок, или же вместо этого залезает пальцами в рот под верхнюю челюсть; одновременно он нажимает одним или двумя пальцами другой руки на углубление под затылочной костью и затем несколько раз энергично приподнимает голову из плеч.

В качестве заключения служат различные потягивания и выпрямления. Сжатым кулаком проводят сначала вдоль позвоночника вниз, но так, чтобы пациент это непременно почувствовал. Затем он поднимается, сцепляет руки на затылке и прижимает локти как можно теснее друг к другу. Другой охватывает его сзади и захватывает локти пациента. В этом положении он приподнимает его слегка вверх и дёргает при этом локти назад и вниз. Благодаря этому голова сильно наклоняется вниз и достигается интенсивная гимнастика черепа и шеи. Точно так же растягиваются мышцы рук и груди. Берущий захватывает одной рукой руку пациента, упирается другой рукой в голову пациента и оттягивает захваченную руку в сторону и назад. Эти потягивания и массажные движения выполняются для оживления кровообращения, о чём люди имеют очень ясное представление.

Обосновали мне этот способ лечения головной боли следующим образом. Головная боль вызывается приливом крови к голове; вследствие этого череп, т.е. черепные швы, немного расходятся. Следовательно, нужно стремиться сжать швы и снова оживить кровообращение массажем. Сжатие же было бы особенно важно.

Чтобы убедиться в успехе сдавливания, лечащий измеряет перед процедурой окружность черепа с помощью бечёвки, травинки или соломинки и после - также. Утверждают обычно, что полученные меры обнаруживают небольшую разницу, в чём я, однако, при неполноте измерительного материала никогда не мог действительно убедиться. Если хотят сделать это совсем обстоятельно, то берут ещё четыре следующих черепных промера. Исходным

пунктом на обеих сторонах головы служит при этом всегда точка примерно на 1 см над внутренним слуховым отверстием. Обе точки соединяются теперь измерительным прибором друг с другом, а именно: 1) через лоб, 2) через темя, 3) через затылок и 4) под подбородком (не всегда берётся). Таким образом мне это было продемонстрировано чеченскими милиционерами в Шатое. По их мнению, эти четыре промера должны быть по возможности равны друг другу, тогда голова в порядке!

Этот способ лечения головной боли видишь очень часто. Люди делают это не только при настоящих головных болях, но и когда они чувствуют себя не совсем хорошо, по моим впечатлениям, часто и от скуки, когда по местному обычаю сидишь где-нибудь вместе и как раз нет ничего лучшего. Я должен оставить открытым вопрос, может ли часто практикуемое сильное сдавливание лба и затылка заметно влиять на форму черепа. Бокового сдавливания я едва ли когда-либо мог наблюдать. На мой прямой вопрос, производится ли процедура также с маленькими детьми, ответили отрицательно, потому что череп тогда ещё слишком мягок. Но как только они становятся немного постарше, делают это и с ними.

Тот же обычай существует и у осетин, как я узнал во Владикавказе.

Искусственное изменение формы черепа должно было раньше быть свойственно кавказской области. Во Владикавказском музее выставлены черепа, деформация которых состоит в том, что лоб и передняя часть черепа плоско вдавлены назад, так что череп наподобие колбасы косо вверх далеко выступает назад. Черепа происходили из Терской области; место находки было точно не указано, равно как и предполагаемый возраст[36].

[36] Сходно деформированные черепа из могильника Самтавро (близ Мцхета, северо-западнее Тифлиса) публикует Шантр, т. II (лит. № 7).

Нередко встречаются среди чеченцев рябые от оспы. В связи с этим я приведу одно наблюдение из области народной медицины. Кисты из Майсты знают с давних пор своего рода оспопрививание; по крайней мере, чеченский комиссар народного образования, которому я обязан этим сообщением, рассматривает его как таковое. Оно состоит в том, что оспенный струп высушивают, растирают и хранят и прививают детям. Жители Майсты вообще известны своим врачебным искусством у людей и скота. Объясняется это, вероятно, тем, что кровная месть там ещё полностью в ходу и поэтому часто требуется врачебная помощь при ранах, а что касается скота, то он на каменистой местности часто получает повреждения.

Не менее часто видишь и обезображивания, вызванные сифилисом. Это болезнь, от которой чеченцы в настоящее время страдают больше всего. Она, однако, проявляется по-разному в разных регионах. Русские врачи и фельдшеры, приданные окружным управлениям, уверяли меня, что заболевшие сифилисом составляют в среднем 50% населения; в

некоторых областях эта цифра поднимается до 70–80, а некоторые сёла, например, Нашахе и Гуни, сплошь заражены. Поэтому все больницы, которые с заслуживающей признательности заботливостью созданы правительством во всех крупных пунктах и окружных центрах, имеют особое так называемое венерологическое отделение - «самое важное», как смеясь говорили мне чеченцы. Население так привыкло к болезни, что она якобы даже не считается особенно плохой. Заболевшие люди выглядели, несмотря на это, довольно здоровыми и крепкими.

Е) Этнографические наблюдения

I. Башенная культура чеченских гор

Чем дальше проникаешь в чеченские горы, тем более первобытным становится образ жизни населения, как в материальном, так и в духовном отношении. Горы и здесь являются хранителями более ранних культурных состояний. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эта культура некогда была гораздо более распространена, так что её можно назвать первоначальной культурой чеченцев. Однако необходимо сразу же добавить, что она отнюдь не ограничивается чеченской областью, но в равной степени, хотя и с изменениями, встречается и у других горских народов Центрального Кавказа.

Прежде всего бросаются в глаза путешественнику их постройки - жилые, оборонительные и культовые. Поскольку и жилые постройки имеют башнеобразный характер и прежде всего высокие оборонительные башни являются особенно заметной чертой в ландшафте более высоких гор, я называю эту культуру кратко башенной культурой.

а) Постройки

1. Жилые башни

Речь идёт о постройках большей частью квадратного, реже прямоугольного основания с длиной стороны около 8–10 м и высотой до 12 м. Строительный материал меняется в зависимости от породы, залегающей в окрестностях. В высокогорье это сланцевые плиты, более или менее правильно пригнанные друг к другу. Гораздо правильнее и глаже сложенные из песчаника или известняка башни, например, в области Галанчожа или Итум-Кале. Квадры тогда обыкновенно аккуратно обтёсаны. Иногда также использовались блоки весом в несколько центнеров. Из того факта, что они встречаются и на значительной высоте, следует заключить, что строителям были доступны какие-то механические подъёмные

средства, которых у нынешних чеченцев напрасно искать. Толщина стен внизу достигает 1 м.

Число этажей - два или три. Весьма интересна их конструкция. В середине башни поднимается колонна, которая внизу имеет около $3/4$ кв. м в поперечнике и кверху сужается (рис. 1). Она состоит из прямоугольных квадров, расположенных в перевязке, т.е. один слой всегда лежит поперёк другого. На определённых расстояниях вставлена широкая сланцевая или песчаниковая плита, которая выступает во все стороны примерно на 20 см. Однако эта колонна имеется не во всех башнях. Я видел её в описанном виде в руинах старых жилых башен в Ушкалое севернее Итум-Кале, в Цацхое восточнее Итум-Кале и в Мелхисте; там она возвышалась одиноко внутри разрушающихся стен. В других руинах она отсутствовала, как и в обитаемых жилых башнях, в которых я ночевал и которые ещё осматривал. Насколько это случайно, я не могу сказать. Возможно также, что я её там и здесь проглядел, так как внутреннее пространство башни обычно разделено поперечными стенами на три помещения - одно большое и два меньших - и вследствие отсутствия окон там всегда глубокий мрак.

Назначение колонны могло состоять только в том, чтобы своими упомянутыми далеко выступающими плитами нести балки перекрытий этажей. Соответственно в четырёх углах башни встроены широкие каменные плиты, которые также дают опорную поверхность, но треугольной формы. Как именно располагались балки, из-за отсутствия каких-либо остатков дерева в руинах сказать больше нельзя. Расположение четырёх радиальных главных балок, идущих от стен к средней колонне и служащих, в свою очередь, опорой для собственного настила, не кажется невозможным. К. Шухардт в «Древней Европе»[37], с. 149, описывает такую конструкцию крыши у талайотов на Балеарских островах. Правда, речь идёт о круглых или овальных постройках, крыша которых образована плитами, положенными радиально от стен на среднюю опору, которая наверху несёт широкую каменную плиту. Другого значения средняя колонна в чеченских жилых башнях едва ли могла иметь; во всяком случае, её следует рассматривать как очень архаичный строительный элемент. Она могла бы также быть аналогом средней колонны чеченского плетёного дома, как её описывает Баумхауэр[38], с. 53, которая под названием «шлемовой шест» несёт пирамидальную крышу. Лестницы на верхние этажи ведут снаружи. Ведущая на второй этаж образует большей частью простую, более или менее искусно сложенную каменную кладку. На третий этаж вверх каменная лестница заменяется своего рода широкой лестницей, которая покоится на толстых, выступающих из стены балках. Соединение тетив лестницы перекладами, промежутки между которыми большей частью заполнены плетением, довольно несовершенно, и подъём для непривычного человека далеко не удобен. Если жилая башня стоит на крутом склоне, то, вероятно, прокладывается также переходной мостик от земли непосредственно к верхним этажам (рис. 2 - теневая сторона башни слева). На тот же случай, если при распрах из-за кровной мести осаждённые не могут пользоваться наружными лестницами, существуют и внутренние возможности подъёма. Это самые примитивные лестницы, какие только можно себе представить, а именно: либо выдолбленный ствол дерева наподобие долблёной лодки, сквозь боковые стенки которого просунуты палки, служащие ногой опорой, либо древесный ствол, в который врублены глубоко до середины дерева проникающие зарубки. В руинах я не находил внутри никаких следов каменной лестницы.

[37] Литературная ссылка: Schuchhardt, C.: "Alteuropa", Strasburg und Berlin 1919. - В переводе я оставляю фамилию автора.

[38] См. список литературы № 2.

Совершенно определённую форму имеют всегда дверные и оконные проёмы. Двери (рис. 2) большей частью не выше 1 1/2 м и не шире 3/4 м. Верхняя притолока образована массивной песчаниковой плитой, которая охватывает также и верхнюю половину дверного проёма. Нижняя половина фланкирована двумя плитами шириной 1/2–1 м. Их форма видна из рисунка; она всюду одинакова, так же как и верхней притолоки. Подобна форма и маленьких оконных проёмов около 20×30 см.

В противоположность закруглённо-арочной наружной стороне, внутренняя сторона окон и дверей всегда имеет стрельчатую форму, что при толщине стен легко было устроить. И именно внутреннее отверстие несколько выше; стрельчатая арка начинается только там, где закруглённая арка достигает своей наибольшей высоты, и заканчивается у дверей примерно на 3/4 м выше этого, у окон соответственно ниже (рис. 3). Очень часто окна образуют, однако, лишь простой пролёт в кладке, без всякого обрамления.

Двери всегда двустворчатые и состоят из толстых досок. Они вращаются в цапфах, которые вверху и внизу вставлены в соответствующие углубления кладки. Запираются они посредством крепких поперечных балок, которые при отпирании могут глубоко вдвигаться в боковую кладку.

В большие гладкие поверхности дверного обрамления и в другие более крупные квадраты кладки часто врезаны грубые орнаменты, которые будут рассматриваться в особой главе. Орнаментальный характер имеет, быть может, также слой сланцевых плит, которые наподобие так называемого ёлочного узора поставлены под углом друг к другу, на несколько метров ниже крыши вмурованы во внешнюю часть кладки и тянутся подобно широкой ленте вокруг башни. Какой-либо конструктивной значимости я в этом во всяком случае не мог обнаружить, тем более что они встречаются только в одном-единственном слое.

В качестве жилых помещений служат большей частью только верхние этажи, в которых, однако, также стоят большие сундуки, хранящие немногочисленное зерно. В нижнем, не имеющем окон помещении размещён скот, который, таким образом, когда дверь закрыта, находится в полнейшей темноте. Часто здесь, прямо над головами крупного рогатого скота, включён промежуточный этаж, в котором размещаются овцы и козы, отделённые плетёными загородками[39]. Простая куча камней служит ловким животным для подъёма; через люк в перекрытии они достигают своего стойла.

[39] То же расположение упоминает Мерцбахер у жилых башен сванов (лит. № 28, т. I, с. 444).

Крыша жилых башен - то плоская земляная, при которой стены слегка выступают наподобие зубцов, то слегка покатая сланцевая (рис. 4). У многих башен крыша уже разрушена и обитаемы только два нижних этажа.

2. Оборонительные башни

Это высокие, стройные башнеобразные сооружения, которые кверху сужаются и, в противоположность грузным, массивным жилым башням, представляют собой очень приятное зрелище. План также квадратный, но со стороной всего 4 м. Зато они имеют 4–5 этажей, то есть при высоте около 20 м вдвое выше жилых башен. Настил этажей также опирается на каменные плиты, вделанные в углы (рис. 4). Нижний этаж часто образован очень прочным и чисто выполненным крестовым сводом; к его вершине поднимаются четыре своеобразных пояса или выступа, состоящие из рядов камней, которые слегка выступают из свода. Оборонительные башни обычно построены прочнее, чем жилые, нередко с использованием известкового раствора.

Через свод ведёт вдоль стены башни отверстие в следующий этаж, которое при толщине свода выглядит как 1 м длиной и около 60 см шириной лаз, через который приходится довольно мучительно пролезать. В качестве лестницы снова служит свободно стоящий древесный ствол с зарубками. Таким же образом осуществляется связь между остальными этажами. Иногда башня заканчивается плоской, часто украшенной зубцами крышей. Более типична для этих ландшафтов пирамидальная остроконечная крыша или куполообразная крыша, высота которой примерно равна диаметру башни вверху (рис. 11). Она, в свою очередь, увенчана коническим каменным навершием высотой около 3/4 м. В конструкции крыши чередуются слой обычных плоских строительных камней и слой широких сланцевых плит; последние выступают наружу примерно на 20–30 см, так что возникает своеобразная ступенчатость, образующую очень заметную архитектурную картину.

Дверным и оконным проёмам обычно недостаёт обрамления большими каменными плитами. Особенность оборонительных башен, однако, образуют бойницы верхнего этажа. Это так называемые машикули, т.е. литейные отверстия. Они выглядят как продолговатые ящики с открытой нижней стороной, пристроенные снаружи к стене на половине высоты бойницы. Их верхняя сторона служит одновременно опорной поверхностью для стрелка. Орнаменты на оборонительных башнях отсутствуют, зато промежутки в кладке, которые благодаря своей тени становятся видны издали, расположены так, что образуют простые геометрические фигуры, большей частью крестообразные формы, высотой в несколько метров.

Одни оборонительные башни встречаются редко. В таком случае они обычно построены в стратегически важных пунктах, например, в узких местах ущелий, где взималась дорожная пошлина, так в долине Аргуна у Шатоя и Ушкалая или в Халхаройской теснине у Галанчожа. Большой частью они всегда стоят вместе с жилыми башнями, причём численное соотношение их может быть очень разным. Иногда находится лишь одна такая элегантная башня среди многочисленных жилых башен, например, в Теретого (Мелхиста) или в Цекали (Майста) (рис. 4 и 12). В других сёлах на три-четыре жилых башни приходится одна оборонительная, так что возникает чрезвычайно грозное и романтическое поселенческое изображение, например, в селе Пого в Майсте или в Никори южнее Галанчожа. В Мелхисте видишь также много отдельных поселений; они состоят из 2–4 жилых башен, теснящихся вокруг высокой оборонительной башни, так что возникает впечатление настоящей крепости (рис. 13). Сюда обычно относится также небольшой двор, обнесённый стеной высотой в 2 м, сложенной из не скреплённых раствором камней. Отдельные укрепления имеют точно так же, как и сёла, свои собственные имена. Одна или несколько жилых башен сегодня почти всегда уже лежат в руинах; люди живут нередко в одноэтажном низком доме с плоской крышей, который даёт больше удобств и как-то встроен в руины. Также и вообще в пределах двора встречаются ещё маленькие хлева или кладовые. Обычно сегодня в таких укреплениях живут лишь одна-две семьи, хотя первоначально там должно было быть место для 5–6, например, в Банахе, Икильче и др. Немало уже совершенно покинуто; жители переселились в других местах в обычные дома с плоскими крышами.

В оборонительные башни укрывались только в случае нападения, которому, впрочем, можно было довольно хорошо противостоять и в жилых башнях. Что они были постоянно обитаемы, как можно прочесть в некоторых путевых описаниях, разумеется, неверно.

Жилая башня принадлежит живущей в ней семье и может быть продана, тогда как оборонительная башня неотчуждаема, так как является общим достоянием всего рода или семьи.

3. Склепы и другие формы погребений

Третий архитектурный элемент башенной культуры - склепы. Это маленькие домики, которые, редко поодиночке, большей частью группами стоят вблизи селений и могут издали производить впечатление маленьких поселений (рис. 14). Эти домики встречаются в области чеченцев в двух формах.

Более частая имеет прямоугольное основание примерно 2×4 м; встречаются, однако, и более крупные, более вытянутые (рис. 14). Высота составляет три-четыре метра. Форма в целом - ящика, на который поставлена большей частью довольно пологая, обычным образом крытая сланцевыми плитами двускатная крыша. Внутренность домика сведена к стрельчатой арке, какую имеет восточная архитектура, то есть не высокой и узкой, как готическая, а сверху довольно широкой. Непосредственно под вершиной арки вмурован ряд примерно через 1/2 м друг от друга поперечных балок, конструктивную необходимость

которых я не мог понять. Сводчатое строение достигается так называемым напуском каменных слоёв, однако выступающие углы стёсаны, так что образуется гладкая поверхность (рис. 15). На плоском коньке крыши тянется часто ещё гребнеобразная каменная кладка.

В середине передней стены, т.е. одной из узких сторон здания, находится квадратное отверстие, достаточно большое, чтобы человек мог только что через него протиснуться. Над или под этим отверстием иногда выступает головообразно камень, который, возможно, служил для облегчения влезания, особенно если передняя стена вздымалась вверх по склону горы.

Не всегда передняя стена образует гладкую поверхность. У многих склепов я находил, что она отодвинута на 1/2–1 м внутрь здания, так что боковыми стенами и крышей образуется своего рода стрельчатый предбанник. Его пол был несколько приподнят над землёй; вдоль стен тянулись грубые каменные скамьи, которые, вероятно, использовались при поминальных тризнах.

Внутри склепов из всей длины боковых и задней стен выступают на несколько этажей широкие сланцевые плиты примерно на 1/2 м. На них клались покойники. При тесноте помещения в середине остаётся только проход шириной как раз для одного человека. Если домик стоит на склоне, то земля внутри него поднимается вверх, так что в задней стене остаётся место только для одного погребального ложа, тогда как спереди может существовать четыре или пять этажей.

Встречаются также двухэтажные склепы (рис. 14).

Домики построены с использованием раствора, обычно довольно тщательно, которого у нынешних построек большей частью недостаёт. Также они снаружи иногда побелены известью.

Второй тип склепов имеет квадратное основание немногим более 2 м в стороне и один или два этажа. Крыша его имеет ту же форму, что и у оборонительной башни, имеет внутри свод и сверху каменные навершие (рис. 16). Внутреннее устройство такое же, как у первой формы, и так же, как у этой, входное отверстие не ориентировано по какой-либо определённой стороне света.

Нетронутое расположение скелетов на каменных плитах сегодня встречается уже нечасто. Боязнь и благоговение туземцев перед могилами их предков во многих местах уже ослабевают, и большинство склепов уже обыскано и разрыто в поисках возможных ценностей. Внутренность склепов представляет поэтому довольно жуткое зрелище беспорядочно наваленных костей и локутов одежды. В нетронутых домиках покойники

лежат в полной одежде свободно на плитах; только в одном случае я нашёл их в узких, напоминающих кровати деревянных ящиках у села Камалаго.

В области кистов ислам, безусловно, ещё не старше сотни лет. Это видно из состояния сохранности покойников и их одежды. На многих скелетах ещё можно было ясно различить следы кожи. Правда, при этом следует принимать во внимание относительно сухой горный воздух, который скорее вызывает мумиеобразное высыхание, чем разложение. Столь же хорошо сохранилось дерево упомянутых деревянных гробов и, прежде всего, также предметы одежды; цвет и покррой были местами так хорошо сохранены, что я смог захватить с собой некоторые вещи[40]. Невозможно было, чтобы в некоторых случаях захоронение произошло более чем 30–40 лет назад. Приходится, следовательно, предположить, что даже после обращения в ислам люди ещё некоторое время придерживались своего старого способа погребения.

[40] Более подробное описание см. с. 108 (в нашем переводе - Часть 11, раздел об одежде).

Каждая семья имела свой особый склеп, в котором одинаково хоронили мужчин, женщин и детей. Как мне рассказывали в Джареги, иногда туда приносили ещё живых, чтобы они там в общении с умершими ожидали своей кончины, особенно если они были поражены заразной болезнью. Кое-где валяющиеся в склепах миски для еды, вероятно, свидетельствуют об этом. Если мать была безнадежно больна, то вместе с ней приносили и младенца в погребальную камеру. Так, я нашёл в Заинпхед рядом с женским скелетом деревянный ящик со скелетом маленького ребёнка. Когда все каменные плиты были заняты, кости сбрасывали на землю, чтобы освободить место для нового покойника. Поэтому в домиках часто находишь гораздо больше черепов, чем могло быть положено покойников. Если верить рассказам одного чеченца, то некоторые склепы хевсуров близ Шатилиа содержат до 50 черепов.

В двух местах чеченской области склепы встречаются в таком количестве, что можно говорить о целых некрополях. Это места Заинпхед в Мелхисте и Васеркель[41] в Майсте. Оба некрополя насчитывают около 50 склепов, довольно беспорядочно разбросанных по площади. Рядом с обоими находятся обширные руины старых поселений, которые, судя по их состоянию сохранности, возможно, уже веками покинуты. Сегодняшние сёла, лежащие поблизости, слишком малы, чтобы некрополи могли происходить от них, например, село Цекали (рис. 4), которое лежит примерно на 300 м выше. Особенно впечатляющая, даже прямо захватывающая картина руин и некрополя Васеркель. Из долины Майсты здесь круто поднимается скала высотой около 200 м, соединённая с остальной стороной долины только узким гребнем, на котором стоят склепы (рис. 14). Сверху приветствует высокая оборонительная башня, вокруг которой группируются несколько жилых башен. Вверх ведёт тропа, настолько опасная, что жители Цекали ведут по ней своих лошадей, которые всё же как горные животные ходят достаточно надёжно, лишь с величайшей неохотой, а иногда делают большой крюк через высокий горный хребет, обрамляющий долину на востоке, чтобы спуститься в соседнюю долину.

[41] Имя Васеркель для колонии склепов в Майсте я узнал от одного чеченского полицейского чиновника в Шарое, т.е. не на месте.

Только при ближайшем рассмотрении замечаешь множество руин, которые несёт скала, не только на её вершине, но и глубоко вниз по её склонам. Повсюду видишь низкие башенные руины, буквально вырастающие из скалы, и притом в таких местах такой крутизны, что трудно понять, как здесь вообще люди могли строить и постоянно жить. Большей частью, правда, остались только последние остатки стен, остальное лежит в пропасти. Я думаю, не слишком завишу, если определю число башен, остатки которых ещё были различимы, примерно в 30. Кто сколько-нибудь знает восток Кавказа, привык к самым невероятным местам поселений, особенно из Дагестана. Эта некогда усеянная башнями скала, вероятно, всё затмила бы собою, она была поистине неприступной.

Сходны положение и внешний вид другого некрополя Заинпхед в Мелхисте и его старого поселения. Здесь и там высокая скала, с трёх сторон омываемая бурной водой, а с четвёртой стороны соединённая с одной из стен долины только узким гребнем, на котором снова стоят склепы, следовательно, также может быть названа неприступной, хотя она несколько ниже и не так крута, как в Майсте. От самого поселения уцелела только оборонительная башня на высоте, всё остальное покрывает толстым слоем обломков склон. Только от стены, которая вместе с башней давала защиту от нападения с горной стороны, сохранилось кое-что. Глубоко внизу, непосредственно над Аргуном, стоит ещё довольно хорошо сохранившаяся крепость, которая полностью преграждала и без того едва проходимое ущелье. Заинпхед имел выдающееся стратегическое положение, так как здесь проходит единственный путь из чеченской области в Хевсуретию. Васеркель же играл лишь роль, правда, несравненного убежища; через Майстинскую долину не ведёт никакой тропы, так как на юге она полностью отгорожена массивом Тебулоса.

Однако какого-либо особого археологического значения эти два руинированных места едва ли имеют. Архитектура их построек та же, что и в других сёлах этой области, и для раскопок при каменистой почве нет повода. Это покинутые поселения того же населения, которое и сейчас обитает в долинах и чьё культурное состояние в общем и целом ещё то же, что и у их предков, живших некогда в руинах. Различие состоит лишь в том, что бесконечные распри поутихли, которые заставляли население жить только в таких тесных крепостях, вместо того чтобы строить более удобные дома на более удобной местности, как это сейчас всё больше и больше делается.

Помимо надземных существуют также подземные склепы или погребальные камеры, которые по своим основным чертам имеют ту же форму, что и описанный первым тип надземных. Я откопал несколько у села Какаду ниже Итум-Кале. Также есть некоторые невдалеке от него у Ушкалая. Они немного меньше надземных; можно было передвигаться только согнувшись. Боковые стены хотя и сводчатые, но свод не доведён до конца, а сверху замкнут тяжёлыми каменными плитами, которые служат одновременно и перекрытием и, благодаря своему весу, удерживают свод. Земля над ними была толщиной около 1/2 м. Некоторые не имели вовсе никакого отверстия; к другим же, напротив, подходил со склона

ход, и тогда они имели то же квадратное входное отверстие, что и надземные домики. Ход шёл полого под землёй и был выложен и покрыт каменными плитами. Внутри в вертикальных стенах были сделаны маленькие квадратные ниши; над входным отверстием находилась такая же треугольной формы, образованная вделанными каменными плитами. Они встречаются также на святилищах (рис. 15).

В трёх обследованных мною погребальных камерах я не нашёл, кроме костных останков, ничего. Однако говорили, что в других погребальных камерах этого рода местными жителями были найдены различные ценности, в том числе золотые; я их, к сожалению, не видел.

Чеченцы полагают, что погребальные камеры происходят от калмыков, которые некогда были вытеснены ими из этих мест. На основании находок черепов, которые мне, к сожалению, не удалось, это легко можно было бы проверить. Но поскольку по своей архитектуре они почти одинаковы с надземными склепами в Мелхисте и Майсте, то они, вероятно, также создания того же культа, той же религии, т.е., следовательно, также могут происходить от самих чеченцев. Население под воздействием ислама, который господствует в этих местностях дольше, чем в области кистов, уже забыло об этом. То, что в области кистов они надземные, может иметь причиной каменистый грунт, в то время как здесь глубинная почва выветривания и склоновый осыпь позволили подземное устройство. Далее, в Какаду и Ушкалое стоят те же оборонительные и жилые башни, что и в Мелхисте и Майсте, хотя они уже и необитаемы; господствовала, следовательно, та же культура, и нельзя хорошо себе представить, чтобы проявление этой культуры - погребение в склепах - здесь совершенно отсутствовало. Так как в этой области нет надземных склепов, то, следовательно, подземные должны были занять их место.

Упомяну здесь ещё одну другую форму погребения, которая употребляется и поныне у мусульман и, по-видимому, восходит к домусульманским склепам. Она, правда, уже не домик, а своего рода каменный столб высотой около 1 1/2 м с прямоугольным или квадратным основанием. В его лицевой стороне сделана полая ниша, служащая для помещения обычной мусульманской могильной плиты с кораническими изречениями. Верхняя постройка идёт на конус и также обнаруживает ступенчатую конструкцию с выступающими каменными плитами. Я встречал эти надгробия в различных местах в области верховьев Шаро-Аргуна и в гумбетовском Дагестане у Мехельты. В кавказском труде Деши[42], т. II, с. 204, находится снимок такого надгробного камня также из области верховьев Андийского Койсу у села Агвали. Это тем более примечательно, так как из Дагестана до сих пор не известны склепы по типу чеченских. Однако они снова встречаются в населённой аварцами части Кахетии (по фотографии А. Дирра у Быхана[43], с. 793); следовательно, можно предположить, что когда-то они существовали и в дагестанских горах.

[42] См. список литературы № 9.

[43] См. список литературы № 6.

Сходную форму имеют хевсурские надгробия у Шатиля. Их вершину украшает густо усаженный горным хрусталём кварцевый блок, которым изобилует тамошняя местность.

На рис. 16 перед старыми склепами в Теретего (Мелхиста) видны нынешние могилы - прямоугольные кучи камней, которые насыпались над покойником. Обычной у каждой мусульманской могилы высокой каменной плиты в изголовье здесь ещё большей частью нет.

Одну старую мусульманскую могилу я вскрыл в Итум-Кале. Она была необычайно глубока, около 1 1/2 м, вырублена в тамошнем очень мягком, мелкослоистом сланце. Скелет лежал под каменными плитами, прислонёнными наклонно к одной из стен могилы, так что получилось ложе с поперечным сечением в форме прямоугольного треугольника. Ту же самую лежанку из трёх плит имели и другие могилы, но они были устроены очень мелко; плиты частью слегка выступали из земли. Один интеллигентный чеченец, тамошний почтмейстер, полагал, что эти могилы происходят из раннего периода ислама в чеченской области, когда люди ещё не умели хоронить, как полагается. Теперь хоронят следующим образом.

Роят яму прямоугольного плана и три аршина (т.е. немногим более двух метров) глубины, затем подкапывают одну из боковых стен. В это подкапывание кладётся покойник, чтобы при засыпке могилы земля не падала на него. Это подкапывание, которое, кроме того, отделено от ямы ещё каменными плитами, должно быть, однако, достаточно высоким, чтобы покойник мог сесть прямо, когда его призовет Аллах. Бывает также, что позже в другой стене могилы таким же образом хоронят сына (рис. 5). Состоятельные люди воздвигали также каменные подземные могилы, а именно сводчатое строение круглого плана. Подобную форму описывает В. Миллер[44], с. 27, из Ингушетии, правда, там она устроена надземно.

[44] См. список литературы № 29, с. 27.

Новые могильные камни несут коранические изречения, письма которых обычно выдержаны в ярких красках. На более старых встречаются на их месте фигуры, подобные изображённым на рис. 6. Они отдалённо напоминают человеческие фигуры. По большей части, однако, старые могильные камни вовсе без надписей или рисунков.

4. Святителища

Я видел такое в селе Теретего в Мелхисте. То, что это святилище, я заключаю из сходства, которое оно имеет с таковыми в соседней Хевсуретии. От единственного говорившего по-

русски туземца я не мог больше узнать о его прежнем назначении, как вообще воспоминания о ещё не так давно практиковавшихся языческих обычаях местами очень быстро исчезают. Оно имеет форму склепа, однако значительно больше и более островершинное и построено с большей тщательностью, особенно в отношении свода (рис. 15). Кроме того, отсутствует передняя стена; это открытый стрельчатый зал. Сегодня оно служит козым хлевом. О конструкции крыши и орнаментике см. с. 63 сл.[45]

[45] В оригинале Плетшке ссылается на страницы 63–64, где рассматривается орнаментика; в нашем переводе это Часть 7 (Орнаментика). Сейчас мы просто оставляем ссылку на с. 63 сл., так как это ещё впереди.

Как бывшее святилище мне было указано одно руинированное место над селом Какаду. Вследствие сильного разрушения можно было распознать только, что оно имело прямоугольный план и что поперечная стена делила его на два помещения, соединённых низкой дверью, сделанной в правой половине поперечной стены (если смотреть спереди). В передней стене находились рядом три уже упоминавшихся треугольных ниши и над ними одна отдельная. Оно стоит среди руин старых жилых башен. Поселение, говорят, имело раньше большое значение; к нему принадлежали, во всяком случае, уже упоминавшиеся многочисленные подземные погребальные камеры.

Другое святилище я видел в Майсте на крутом склоне недалеко к северу от Того или Туга, последнего села этой долины, которое, насколько мне известно, ещё не было посещено европейскими научными путешественниками. Это было не здание, а напоминало описанные на с. 49–50 надгробия, только было значительно больше и имело большую и более глубокую нишу. Что оно некогда служило жертвенником, о том свидетельствовали лежащие на нём рога крупного рогатого скота и коз. Возможно, правда, что речь идёт лишь о votivных дарах. Оно походило на опубликованное у Бушана[46] (т. II, ч. 1, с. 416) святилище памирских таджиков (по фотографии А. Шульца), отличаясь от него только обычной ступенчатой крышей.

[46] См. список литературы № 5.

Христианские горские народы, особенно хевсуры и осетины, по-видимому, гораздо вернее сохранили старые языческие обычаи, чем мусульманские. Однако и у ингушей ещё в конце прошлого века должны были происходить жертвоприношения животных. В забытом мире Майсте они будут сохраняться, по крайней мере, так же долго, если не дольше.

Бывшие религиозные представления чеченцев, о которых нам ещё свидетельствуют святилища и склепы, были частью уже собраны - одним уроженцем чеченцем Баширом Далгатом. А. Дирр перевёл соответствующую статью и опубликовал в журнале «Anthropos»[47]. Очень много интересного и отчасти, вероятно, совершенно нового, особенно в отношении социологических условий, содержит популярно написанное

сочинение Яковлева об ингушах[48], которое, безусловно, стоило бы перевести на язык, доступный средне- и западноевропейским читателям.

[47] См. список литературы № 10.

[48] См. список литературы № 18.

б) Орнаментика

Как уже упоминалось, на жилых башнях и реже на других постройках башенной культуры встречаются простые резные изображения на камне, которые особенно нанесены на большие каменные плиты, образующие обрамление дверных проёмов, а также иногда и на более крупные квадраты кладки. Они заслуживают нашего внимания прежде всего потому, что вместе с резьбой на мебели они являются почти единственными следами изобразительного искусства, которые мы находим у чеченцев. За немногими исключениями, оно не пошло дальше чисто геометрических фигур; изображения животных и людей встречаются, но только в чрезвычайно примитивном, детском исполнении, тогда как геометрические фигуры часто выполнены с удивительной чистотой и математической точностью.

Беглому наблюдателю они покажутся беспорядочными каракулями; однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что они постоянно повторяются с поразительным единообразием, так что в их основе должна лежать более глубокая значимость, тем более если находишь их также и вне Кавказа у других народов.

За исключением изображений на дверных притоках, рисунки довольно беспорядочно распределены по кладке. Но есть основание предполагать, что раньше они были нанесены в больших комплексах и лишь впоследствии при перестройках разъединены вместе с отдельными камнями, что мне было подтверждено в одном случае и жителями. Первоначальное расположение, вероятно, было таково, как в Майсте, где целый слой стены был сплошь покрыт символами (рис. 7).

Самый частый символ - простая S-образная спираль, и не только в Майсте, но и повсеместно; она то более, то менее закручена. Особая форма более закрученной спирали возникает оттого, что одна половина, обыкновенно правая, выполнена меньшей. Очень красивый и крупно исполненный пример этого вида находится на одной из двух башен в Шарое (рис. 8). Однажды, в селе Химой, обе половины были соединены горизонтальной чертой (рис. 9). Я нахожу здесь поразительное соответствие у Коссинны[49], с. 91, который воспроизводит наскальный рисунок из Рюланда в Швеции, истолковываемый как изображение солнца и луны. Различие между ними состоит в том, что шведский рисунок закручен не в S-образном направлении, как кавказский, а равномерно, и что обе половины кавказского обнаруживают значительно более разную величину.

[49] См. список литературы № 22.

Так называемый «бегущий» (или «ступенчатый») орнамент[50] также встречается в виде резьбы на камне. Как всегда у спиралей, и здесь поражает очень точное исполнение.

[50] В оригинале "laufende Hund" - «бегущая собака» - орнаментальный мотив, известный в резьбе по дереву и камню. В русской традиции часто называют «бегущий» или «ступенчатый» орнамент.

В качестве следующей группы приведём фигуры, состоящие из нескольких соединённых спиралей; прежде всего свастики. Встречается как круглая форма, состоящая из двух перекрещенных S-спиралей, так и угловатая. Угловатую более известную форму я находил только в двух близко лежащих друг от друга сёлах - Шарое и Химой. В последнем они были заметно многочисленны, отчасти в грубом исполнении и расположении (рис. 2), в одном случае, однако, расположены довольно вкусно, как показывает рис. 10. Она была нанесена над дверной притолокой и занимала всю её ширину, так что свастики оказались сбоку у верхних углов дверного проёма. Как сильно стилизованную свастику можно рассматривать и странно переплетённое образование на рис. 11, которое я в таком исполнении больше нигде не встречал. Оно находилось на той же двери, что и рис. 10.

Свастика и на Кавказе не чужое явление. Она встречается, например, на бронзовых изделиях из известного могильника Кобан в Осетии, по рисункам Шантра[51], т. II, табл. 11. Кроме двух упомянутых сёл я не встречал её в угловатой форме больше нигде в чеченской области.

[51] См. список литературы № 7, т. II, табл. 11.

Чаще встречается изогнутая, переходящая в спирали форма, которую я особенно много находил в Итум-Кале (рис. 12). Не всегда перекрещенные спирали закручены в направлении свастики, как видно из рис. 13. Упомянутое село, которое, безусловно, и раньше было населённым и культурным центром, особенно богато такими изображениями; я находил их, правда, меньше на самих башенных руинах, а соответствующие камни лежали повсюду разбросаны, частью даже в виде брусчатки во дворах и переулках. Это лишь печальные остатки многих сильных оборонительных и жилых башен, которые, по рассказам жителей, некогда составляли село.

Простой трёхлучевой свастикообразный знак[52] я встретил на чеченской территории только один раз - на башне в Тасбитши у Итум-Кале (рис. 14); чаще замечал его на

войлочных коврах ногойцев и вышивках ингушей, выставленных во Владикавказском музее.

[52] В оригинале "Dreischenkel" - трёхногий свастикообразный знак (трискелион).

Как капризные сочетания можно было бы рассматривать два рисунка, которые я най дин на одном склепе в Заинпхеде (рис. 15) и на мусульманских надгробных камнях (рис. 6). Но и для этого находятся сильные сходства, и притом на некотором отдалении от Кавказа - на южнорусских рунических камнях (Коссинна[53], табл. 37). Что между этими руническими камнями и кавказскими знаками существуют прямые связи, недавно установлено владикавказским этнологом Пожидаевым. Речь идёт об именных знаках - «тамга» (также «тавро») - кабардинцев, которыми они клеймят особенно своих лошадей. Пожидаев провёл свою работу на строгой этнологической основе, выделив снова основные формы тамги, которые из-за размножения и разделения семей подверглись многим изменениям, поскольку они также разделялись или обогащались новыми элементами. Это было возможно, естественно, только при подробном личном знании кабардинских родов и их истории. Рис. 16 показывает часть этих кабардинских тамг[54], рис. 17 - некоторые из употребляемых у соседних карачаевцев[55]. Это, в сущности, те же знаки, которые появляются на южнорусских рунических камнях. В дальнейшем ходе своих исследований Пожидаев полагает возможным установить, что древнеславянский алфавит глаголица происходит от этих рун и именных знаков, которые, в конечном счёте, как и все знаки подобного рода, являются религиозными символами, а не от греческого алфавита, как обычно предполагается.

[53] См. список литературы № 22, табл. 37.

[54] Пожидаев, см. список литературы № 34, с. 78.

[55] Последние были любезно предоставлены мне немецким архитектором господином Плинатусом, Петровск, собравшим их на месте.

У чеченцев, по моим наблюдениям, не существует обычая снабжать предметы или скот именовыми знаками. Рис. 18 показывает большой каменный столб в Чаберлое, знаки которого также носят руноподобный характер.

Большую роль в наскальных рисунках играет круговой орнамент - древний солярный знак. Встречаются простые и концентрические круги (рис. 7), далее такие с радиусами - от простого креста с радиусами до пучка лучей. При этом часто каждые два радиуса объединены в широкий луч, тем, что промежуток между ними вырублен, как на камне, так и на дереве. Это можно рассматривать как натуралистическое подражание солнечным лучам; особенно соответствует изображению картина, которую дают вечерние или утренние солнечные лучи, когда они разделены тёмными облаками.

Появляется и известное огненное колесо со спирально изогнутыми радиусами, хотя и реже. В очень чистом исполнении оно встречается на одной башне в Ошни западнее Итум-Кале (рис. 19), в несколько изменённой форме - на одном мусульманском надгробном камне в Итум-Кале (рис. 20). К той же группе относятся, вероятно, и круговые изображения, у которых лучи сидят только на периферии (рис. 21). При тесной генетической связи концентрического круга и спирали[56] следует отнести сюда же и спираль, снабжённую венцом лучей (рис. 22). Оба изображения я встретил только однажды, спираль - снова в богатом символическими наскальными рисунками селе Химой. Круги с венцом лучей встречаются, по Коссинне[57], с. 76, уже в средневропейской каменновековой индогерманской керамике.

[56] См. Г. Вильке, лит. № 43.

[57] См. список литературы № 22, с. 76.

Очень часто встречающаяся форма украшения - четырёх- и шестилучевая розетка (рис. 23), которая обыкновенно заключена в круг, реже в четырёхугольник. Касательными лентами они соединены с солярным знаком на большом стенном шкафу (рис. 62). То же относится к другому знаку - кругу, в который четырьмя врезающимися извне кругами вписан четырёхугольник; это любимый орнамент для серёг и браслетов. Сюда же следует отнести и знак на шароевской башне (рис. 24). Все три знака образуют лишь один ряд развития, в зависимости от того, насколько далеко четыре внешних круга врезаются во внутренний круг. Если они пересекаются в центре, получается розетка, если касаются на периферии - четырёхугольник с изогнутыми сторонами; промежуточное положение занимает рис. 25. Если отодвинуть внешние круги ещё дальше назад, так что они не встречаются ни внутри круга, ни на периферии, то возникает ещё одно звено этого ряда, которое я заметил на деревянных ящиках. Так же оно появляется на бронзовых пластинах, найденных в Камунте в Осетии[58].

[58] Шантр, лит. № 7, т. III, с. 93.

Квадратные и прямоугольные узоры часто встречаются на дереве, реже на камне. Обычные кресты в большом количестве встречаются повсюду на стенах. Особую форму с раздвоенными концами (рис. 7) я находил многократно на одном из видов закавказских ширванских ковров. С прежней христианской верой чеченцев эти кресты, безусловно, ничего не имеют общего, поскольку они большей частью встречаются в тесной связи с остальными, также из доисторических времён известными знаками.

Очень распространён подковообразный знак, который большей частью находится у входов в двери, но также и на надгробных камнях, частью в округлой, частью в угловатой форме. С подковой этот знак имеет, вероятно, только внешнюю форму; но кстати сообщу, что я наблюдал обычай прибивать подковы к порогу в одном случае, правда, не в области башен, а в одном из современных домов с двускатной крышей русского происхождения в Шатое. Всего было прибито три подковы, две с наружной стороны порога открытой стороной

наружу и одна с внутренней стороны в противоположном положении. Чеченский владелец дома дал мне в объяснение, что противоположность в положении и распределении трёх подков должна означать, чтобы больше входило в дом, чем выходило из него.

В то время как названные до сих пор символы геометрической формы большей частью выполнены с большой тщательностью и математической точностью, изображения человека и животного носят всегда чрезвычайно примитивные черты и напоминают первые каракули детей. Они появляются как в простых линейных контурах, так и в углублённом плоскостном воспроизведении всей фигуры. В изображениях животных часто нельзя с уверенностью сказать, лошади ли это или козлы. Говорят, что в мифических представлениях чеченцев большую роль играет также олень, который раньше водился в тамошних лесах. Мне показали в Химой очень чисто работы небольшого медного оленя (или бронзового?), который, как говорили, был там найден в земле. Шея была просверлена; поэтому возможно, что его носили как амулет.

Форма изображений человека видна из приложенных рисунков 12, 23 и 26. Они колеблются от чисто схематического воспроизведения до попытки через плоскостное изображение быть вернее природе. Они всегда изображены фаллически, за исключением одной человеческой фигуры на рис. 12 в Итум-Кале, где можно подумать о противопоставлении мужчины и женщины. Также часто встречающийся рисунок на рис. 27 означает, возможно, лишь нижнюю половину мужской фигуры. В новейшее время фаллосы часто выскоблены; теперь, когда чеченцы стали мусульманами, они считают подобные фигуры непристойными. Прямые следы фаллического культа должны были сохраниться у ингушей, как я узнал во Владикавказе. У села Леми в боковой долине Ассинского ущелья стоит посвящённое ингушской богине плодородия Тушуол святилище, недалеко от него - каменный столб фаллической формы, выше человеческого роста. Он должен и теперь тайно посещаться и почитаться бесплодными ингушскими женщинами, которые при этом иногда откалывают себе маленькую щепку от столба, чтобы носить её как амулет.

Одно примитивное сценическое изображение я нашёл только один раз (рис. 9). Оно, вероятно, изображает лучника, целящегося в козла (плита была, к сожалению, частью разрушена).

Очень распространены изображения рук, которые также большей частью наносятся на дверных обрамлениях. И притом это всегда правые руки, если предположить, что ладонь обращена к зрителю. Некоторые рисунки, впрочем, настолько примитивны, что не видно, правые или левые руки должны быть изображены (рис. 23). Другие же воспроизведены с большой верностью природе. В качестве объяснения этих изображений рук чеченцы указывают, что после завершения башни мастер изображал свою собственную руку, своего рода как фирменный знак. Бросается в глаза только, что руки находятся также на надгробных камнях (по рисунку у Миллера[59], где даже несколько рук появляются рядом), где едва ли нужно было доказывать какое-либо строительное мастерство. Первоначальное значение не соответствует этому объяснению, если даже и верно, что мастер пользовался своей собственной рукой как мерой, так как руки никогда не изображены больше

нормальной руки. При этом он, вероятно, поступал так, что прикладывал левую руку как модель к камню и обводил её контуры правой рукой, чтобы потом углубить изображение руки в камне.

[59] См. список литературы № 29.

Подобные изображения рук известны нам из многих других областей. Они появляются уже на стенах позднепалеолитических пещер Западной Европы. Они известны также из Средиземноморья и Северной Африки. Мы находим их, далее, по Г. Вильке[60], с. 229, в древнем Египте, в Персии, в Индии, по А. Шульцу также в Западном Памире[61]. Барон Нопча[62], с. 65, описывает отпечатки рук внутри албанских домов. Там окунают руку в известковое молоко и прижимают к глиняной обмазке стены комнаты или к закопчённым балкам. Говорят, что это служит только украшением комнаты. Также старые албанские знамёна показывают иногда растопыренные человеческие руки.

[60] См. список литературы № 42, с. 229.

[61] См. список литературы № 38.

[62] См. список литературы № 31, с. 65.

Прообразом всех изображений человеческой руки является, однако, наверняка не рисунок на камне, а её отпечаток в глине или глиняной обмазке. Это, вероятно, следует рассматривать как начало всей человеческой изобразительной деятельности, особенно потому, что отпечаток как руки, так и ноги мог возникать совершенно непреднамеренно и тем побуждать к преднамеренному подражанию. Живое представление об этом я получил в одном доме, внутренность которого была разделена глиняной обмазкой на плетёной перегородке. Не потрудились сделать стену гладкой, и поэтому она была своеобразно разрисована бесчисленными отпечатками мужских кулаков, женских рук и детских ладошек. Очень возможно, что при глинобитных постройках раньше также с умыслом оставляли отдельные отпечатки, не связывая с этим непременно символической цели.

Помимо встречающихся повсюду отдельных рук я нашёл ещё два весьма интересных изображения своеобразных двойных рук. Одно находится на стене дома в Итум-Кале, хотя соответствующий камень там, по-видимому, уже во вторичном положении. Это две правые руки, исходящие из одного запястья, выполненные с большим совершенством (рис. 28). Находящаяся у их основания спираль, по-видимому, составляет часть общей картины. Определить, была ли она непосредственно соединена с изображением рук или отделена от него небольшим промежутком, не было возможности.

Ещё более интересными кажутся мне резные изображения на упомянутом уже единственном в своём роде могучем стенном шкафу, находка которого удалась мне в Мелхисте в селе Теретего в одной жилой башне (рис. 62). Здесь тоже, вероятно, следует

видеть двойные руки. Правда, левая двойная рука сильно стилизована, отдельные пальцы различны, отчасти в растительной форме, но зато изображение в среднем поле шкафа даёт возможность тем лучше распознать характер двойной руки. Я во всяком случае не знал бы другого объяснения для этого. Как у правого, так и у левого рисунка речь идёт о правой и левой руке, большие пальцы которых переходят друг в друга. Для этих двойных рук на Кавказе есть и другие параллели. Правда, у них руки изображены не сами по себе, а в соединении с человеческим телом, но в столь непропорционально большой величине, что они образуют безусловно господствующую черту фигур. Так, в Камунте в Осетии была найдена бронзовая фигурка (рис. 29), непомерно большие развитые руки которой подняты на высоту головы[63]. У другой фигурки из Тимой, также на Кавказе (место мне не известно), руки находятся в том же положении, только большие пальцы здесь сплелись с головой в области ушей (рис. 30)[64]. Как я случайно обнаружил в журнале «Zeitschrift für Bauwesen», подобная фигура находится на капители в Шлосскирхе в Кведлинбурге[65]. Г. Вильке[66], с. 208, полагает, что в обеих кавказских фигурках следует видеть пляшущую или молящуюся позу. Для этого толкования говорило бы, по моему мнению, положение, которое можно наблюдать у молящегося мусульманина. Перед началом поклонов он кладёт руки на живот, причём правая рука покрывает левую, чтобы затем поднять их распрямлёнными на высоту головы так, что большие пальцы приблизительно приходятся к ушам. Жест, следовательно, довольно точно соответствовал бы позе фигурок. Вполне можно себе представить, что большие пальцы и уши намеренно соединены и что это сделано не только по техническим причинам, ради лучшего удержания; ибо у кведлинбургской фигуры большие пальцы касаются головы, хотя там нет для этого технической необходимости, так как она выполнена как рельеф.

[63] Шантр, лит. № 7, т. III, табл. XV.

[64] Шантр, лит. № 7, т. II, с. 202.

[65] Журнал за 1918 г., с. 54.

[66] См. список литературы № 42, с. 208.

То же человеческое изображение с огромными руками известно, однако, и из Скандинавии, именно из богусленских наскальных рисунков (рис. 31). Юст Бинг[67], с. 156, связывает руки с культом солнца, самый значительный момент которого - восход солнца; он полагает, что они означают не что иное, как известную «розовоперстную утреннюю зарю» Гомера. Об его исследованиях Коссинна[68], с. 85 сл., резюмируя, говорит следующее:

[67] См. список литературы № 4, с. 156.

[68] См. список литературы № 22, с. 85 сл.

«Среди божественных фигур особенно выделяется большой бог солнца с его колесом-крестом или спиралью, иногда также с молотом-молнией, и рядом с ним его меньший, обычно однорукий изображаемый спутник - бог луны. К обоим присоединяется бог, который отчасти изображается просто лошадью или человеческой фигурой с лошадью и

часто с кольцом, отчасти человеческой фигурой с высоко поднятыми руками, чьи пальцы широко растопырены, отчасти как бог с копьём, отчасти как бог с секирой. Этот третий бог - как бог ветра (лошадь), так и бог огня (бог-рука), в обоих качествах - бог утренней зари. Это известное древности представление: вихревую быстроту - через быструю лошадь, равно как и пучками и лучами воспламеняющийся огонь - через пять или даже три растопыренных, часто пламенеющих извивающихся пальца руки небесного, молниеносного или огненного бога. Солнце, луна и утренняя заря теснейшим образом сопутствуют при восходе солнца: как только солнце хочет взойти, меркнет луна (маленький бог-спутник), розовоперстная утренняя заря посылает вверх свой красный жар (бог-рука), и когда затем лучи солнца над горизонтом взмывают вверх, поднимается утренний ветер (бог-лошадь)».

Могут ли эти, полученные из северного круга представлений, объяснения символов руки, колеса-креста, лошади и спирали быть применены также к кавказским явлениям, это вопрос, который может быть решён лишь тогда, когда мы будем знать больше о мифологии кавказцев. Что же касается того, что некогда и в этих областях был распространён культ солнца, для этого есть ещё некоторые лингвистические точки опоры. Чеченское слово для солнца - «мялх». Это слово лежит, во всяком случае, в основе названия округа Мелхиста, где башенная культура сегодня сохранилась лучше всего и где я нашёл этот странный шкаф, а во-вторых, в основе чеченского слова для склепа - «мялх кеш», что буквально означало бы «солнечная могила». Также и название некрополя Заинпхед в Мелхисте означает, по мнению господина Ашаева из Грозного, урождённого чеченца, «место или село огня».

Объяснение двойной руки как символа солнечного культа представляется, таким образом, более близким, чем то, которое хочет видеть в ней молитвенный жест. Если последнее, быть может, ещё допустимо для фигур с поднятыми руками, то едва ли для рук без принадлежащего им тела. В этой связи интересно, вероятно, и следующее объяснение, которое даёт Хьюитт[69]:

[69] Hewitt: "Primitive Traditional History". London 1907. Vol. I, pp. 194-195.

«Раскрытая ладонь с пятью пальцами служила первоначально символом индийского божества-обезьяны Дакши, который ею измерял 72 пятидневные недели года египетских и сирийских сыновей Осириса-Сааха, бога кипарисового дерева Библа. Этот божественный символ раскрытой ладони с пятью пальцами часто встречается на древних памятниках юго-западной Азии и Индии. Великий храм Бела, бога огня и солнца, в Борсиппе называется «храмом правой руки», и одним из названий Вавилона было «город Ану» - «божественная рука». На барельефе в Бхархуте в Индии изображены три раскрытые ладони у корня «древа матери». На одной из монет Арада, острова, населённого сидонскими переселенцами у берегов Финикии, изображена раскрытая рука на спине быка, стоящего справа от кипариса. Этот бог с раскрытой ладонью был в Греции Зевс Каппотас, чьими изображениями в Гифии и Лаконии были бык»[70].

[70] Цитировано по А. фон Шульцу: «Памирские таджики», Гиссен 1914, с. 53-54.

Из дальнейших орнаментов я хотел бы ещё упомянуть воспроизведённые на рис. 32 и 33, которые нанесены на большой хлебный ящик в Теретего. Подобные знаки Коссинна[71] называет «южноевропейским знаком молнии». Первый встречается снова на руническом копье, найденном у Янково, Могильненский уезд, Познанская провинция, последний - на южнорусских рунических камнях, в подобной форме также на руническом копье, найденном на Волини[72]. Так же можно, однако, например, рис. 33 узнать и в тамгах кабардинцев и карачаевцев. Тот же характер имеет рис. 34, который изображает украшение верхнего края узкой стороны кроватного ящика.

[71] См. список литературы № 22, с. 193, табл. 36.

[72] Коссинна, табл. 36.

Чисто растительные узоры я наблюдал на камне только на современных мусульманских надгробных камнях, где они в виде густой, бесконечно ветвящейся ползучей линии окружают коранические изречения. Однако ограничиваются ведением линий-ветвей; изображения листьев ещё отсутствуют. Безусловно господствует, напротив, растительный орнамент на металлических, большей частью серебряных украшениях, также на окладах оружия и конской сбруи. Это искусство, однако, у чеченцев не является местным; некоторые мастера сидят хотя там и сям в сёлах, но они обыкновенно учились у дагестанцев, которые при самых примитивных средствах достигли высокой степени мастерства. По Н. Бакланову, подробно исследовавшему ремёсла известного дагестанского села Кубачи, оно по технике и орнаменту преимущественно персидского происхождения[73].

[73] См. список литературы № 1.

Явно растительный характер из встречающихся на дереве узоров можно приписать лишь воспроизведённому на рис. 35 - меандровой линии, в углах которой стоят цветкоподобные образования. Этот принцип характеризует, однако, прежде всего орнаментацию своеобразных войлочных ковров, о которых ниже ещё будет подробно сказано.

От примитивной живописи я нашёл только один след, и именно в определённых узорах, которые наносятся синей или красной краской на выбеленные стены комнат (рис. 36–40). Они тянутся большей частью в полосе высотой около 1/2 м непосредственно над полом, иногда оплетают дверные проёмы (рис. 41) и появляются также на очагах. Встречаются они только в более высоких горах в башенных жилищах, интерьер которых оштукатурен глиной и известью, что отнюдь не всегда имеет место, и в низких домах с плоскими крышами. Речь, вероятно, идёт о древесных формах, быть может, также о ветвях пихты, которые вырастают либо из ровной, либо из волнистой основы.

Этот орнамент, по-видимому, широко распространён и вне Кавказа. Гебердей и Вильгельм нашли его на скальных ступенях в Киликии[74]. По их данным, он встречается также в Перге и Писидии. Так же упоминает его Швейнфурт в работе о бега-гробницах в Верхнем Египте, где он на гробницах также нанесён краской[75]. В Иллюстрированной этнографии Бушана[76] т. II, ч. 2, с. 67, воспроизведено, далее, изображение польского крестьянского дома, внешняя сторона которого разрисована подобным же образом; узоры здесь только выше и более развиты, чем в чеченской области.

[74] См. список литературы № 15, с. 35.

[75] См. список литературы № 39.

[76] См. список литературы № 5.

Тем самым орнаменты, с которыми мы имеем дело у чеченцев, в основном упомянуты. Некоторое нерассмотренное можно ещё увидеть из приложенных рисунков, так, например, странное образование из четырёх рыб на рис. 42. Детали я здесь не мог ясно разглядеть, так как соответствующий камень находился на большой высоте (на восточной из двух шароевских оборонительных башен). Так как я был почти во всех областях чеченской земли, то полагаю, что я могу предположить, что не пропущено ни одного мотива, который мог бы существенно влиять на общий характер этой отрасли народной культуры.

В конце этого посвящённого орнаментике раздела я хотел бы рассмотреть ещё один архитектурный элемент. Уже во время моей первой поездки мне бросилась в глаза своеобразная конструкция крыши чеченских оборонительных башен и некоторых склепов и святилищ, т.е. ступенчатость, которая достигается вделанными и выступающими сланцевыми плитами. Тогда так же мало, как и в последнюю поездку, я мог найти для этого практическую причину. Потребность в защите наподобие нашей черепицы не существует, так как крыша сама состоит из компактной каменной кладки; с другой стороны, в области башен существуют и крыши, образованные обычным черепицеобразным плоским наложением скреплённых раствором сланцевых плит, например, на некоторых жилых башнях или склепах. Так как, по моему мнению, практической цели нет, то может идти речь только об орнаментальном или символическом значении - и то и другое имеет, в конце концов, общий корень.

Ступенчатые постройки в архитектуре, особенно сакральных сооружений, встречаются очень часто. Напомним ступенчатые храмы Вавилонии и Задней Индии, восточноазиатские храмовые формы, огромные террасообразные основания, на которых возвышаются храмы и дворцы древних майяских городов Центральной Америки; далее сюда относятся гигантские скальные ступени, которые Леонхард[77] описывает из Пафлагонии, у которых практическая цель из-за гигантских размеров ступеней совершенно исключена. Так же и венцы крыш китайских и японских пагод уже не соответствуют помещениям и являются чисто декоративным мотивом[78]. Ступенчатость показывает и верхняя постройка описанных Швейнфуртом бега-гробниц[79], также, быть может, замечательные трукту[80]

и нураги Сардинии могут быть упомянуты в этой связи. Что ещё побуждает меня связывать ступенчатую конструкцию чеченских построек с упомянутыми храмовыми формами и в особенности с лежащими в их основе мифическими представлениями, это изображение на черепке вазы, найденной в Муссиан-Тепе в Северной Персии (рис. 43). Имеющийся там рисунок ступенчатой горы точно соответствует силуэту, например, чеченского святилища (рис. 15). В. Герте, который приводит изображение черепка в своей работе «Символическое значение шахматного узора в древности»[81], с. 366, полагает, что в нём следует видеть изображение картины мира; поля шахматной доски означают отдельные страны, а ступенчатая гора могла бы соответствовать, например, земной горе вавилонской картины мира. Сочетание шахматного узора и ступенчатых гор даёт ещё один черепок из Бисмайя в Месопотамии, также опубликованный в работе Герте. Вероятно, не случайно, что на чеченском святилище ступенчатость и шахматный узор встречаются вместе, как и имеющаяся исключительно на святилищах и склепах треугольная ниша, вероятно, имеет своё значение. Так что и здесь можно, пожалуй, подумать о воспроизведении картины мира, о которой позднейшие строители, конечно, едва ли имели ещё представление. Какое из толкований верно, это уже вопрос второго порядка. Мне здесь важно только указать на возможный символический характер рассматриваемого архитектурного явления.

[77] См. список литературы № 25, с. 232 сл.

[78] Некоторые пагоды по своей конструкции крыши полностью похожи на кавказские склепы или оборонительные башни, так, например, пятибашенная пагода и мраморная пагода в Пекине (ср. Эрнст Бёршман: «Строительное искусство и ландшафт в Китае», Берлин 1926, с. 3, 19 и 64).

[79] См. список литературы № 39.

[80] Вероятно, имеются в виду "truddhu" - мегалитические сооружения на Сардинии, родственные нурагам.

[81] Журнал "Mannus", т. VI, 1914.

К этому следует ещё упомянуть, что у ингушей крыша оборонительной башни называется «сигил тчу», что Яковлев[82], с. 90, переводит буквально как «небесная крыша, небесная ступень».

[82] См. список литературы № 18, с. 90.

Что ступенчатость местами достигается не выступающими сланцевыми плитами, а самой стеной, как будто следует из описания одного хевсурского святилища у Радде[83], с. 220: «У села Бло рядом с пивоварней стояла церковь, боковые стены которой, снова из массивных сланцевых плит, начиная со средней высоты сходились друг к другу ступенеобразно с семью уступами и заканчивались вверху широким каменным карнизом».

[83] См. список литературы № 36, с. 220.

с) Географическое распространение башенной культуры

1. В чеченской области

Кто хочет изучать чеченскую башенную культуру в её первоначальном состоянии, может это делать лишь в двух часто упоминавшихся округах Майста и Мелхиста (см. картосхему). Здесь не знают другой формы жилищ, кроме старых мрачных жилых башен, которые сопровождаются большим или меньшим числом оборонительных башен; здесь одни только есть ещё надземные склепы и святилища. В равной мере лучше всего сохранились здесь и соответствующие общественные отношения, например, кровная месть. Одно из интереснейших башенных сёл - Теретего, в котором можно найти все строительные формы башенной культуры. Село Джарего, правда, выпадает из рамок остальных сёл, так как оно целиком состоит из низких домов с плоскими крышами. Это происходит оттого, что оно было основано лишь в начале прошлого столетия, когда строительство башен уже прекратили. В Майсте имеются только башенные сёла; самое первобытное, особенно и в духовном отношении, - это село Того или Туга, самое труднодоступное в чеченской области вообще.

Помимо этих чистых башенных областей можно различить ещё две других области распространения, а именно такие, где живут как в башнях, так и в других домах, и такие, где башенные постройки встречаются только в виде руин. К первым относятся области верховьев обоих Аргунов и всё пространство к западу от среднего течения Чанты-Аргуна, поскольку оно относится к более высоким горам, т.е. прежде всего округ Галанчо́ж или Акки и долина реки Кири. В общем число башен уменьшается в северо-восточном направлении. Очень много жилых башен ещё стоит в области Шароя. Зато здесь, по-видимому, и раньше никогда не стояло столь много и красивых оборонительных башен, как дальше на западе; кроме того, они имеют иную форму. Они значительно более грузные, и им обычно также не хватает красивой пирамидальной крыши кистских оборонительных башен; их крыша плоская (рис. 3). Шарой является в отношении жилых форм типичной смешанной деревней; между серыми жилыми башнями видишь белые стены низких домов с плоскими крышами. Сходным образом обстоят дела в окрестностях Итум-Кале (которые также носят название округа Чанти), только здесь башни уже безусловно отступают на задний план перед другими формами жилищ. Типична особенно деревня Тасбитши. В тамошних усадьбах могучая жилая башня возвышается среди более новых низких плоскокрыших хижин, которые словно ища помощи прижимаются к ней и сами все построены на стенах башен. Красивые башенные постройки есть ещё в округе Галанчо́ж, например, в сёлах Ошни, Никори и Акки. Также карабулаки в соседней области Фортанги жили в башнях; склепы их Иванов[84] находил ещё на поле Дуку-емеришки в области передней известняковой цепи. Это были бы самые дальние к северу существующие сегодня надземные склепы.

[84] См. список литературы № 17, с. 46.

У впадения реки Ошни в Аргун возвышаются далеко видимые руины трёх стоящих тесно друг за другом оборонительных башен. Я упоминаю о них не только из-за их романтической красоты, но и потому, что в народе ходит курьёзная легенда, будто бы здесь некогда были родовые поместья китайцев или японцев.

Области, в которых башенные постройки встречаются лишь кое-где в виде руин, - это области Шатоя и Чаберлоя.

Эти руины дают нам теперь границы, в пределах которых башенная культура некогда была распространена. Они могут быть очень ясно определены физико-географически, поскольку они нигде не проникают к северу дальше известняковых гор. В округе Галанчож последняя башня к северу стоит в селе Халхарой, так же и село Шатой образует границу для области Аргуна. В восточном же направлении последняя башня стоит в селе Хой у красивого горного озера Эсен-ам. Низкая лесная горная область Чёрных гор, следовательно, совершенно свободна от построек башенной культуры или их остатков. Это прежде всего большие округа Ичкерия и Аух. То же самое, конечно, относится и к Сунженской равнине. Эти границы распространения башенной культуры не кажутся случайными, если мы примем во внимание историю заселения чеченской области. Тогда оказывается, что прежняя область распространения башен совпадает с областями, которые чеченцы первоначально занимали; свободны же от них округа, которые были заселены лишь впоследствии, - Ичкерия, Аух и равнина. Поэтому представляется оправданным вывод, что чеченцы ко времени переселения туда уже перестали строить башни. Вблизи ичкерийского села Хороцой, правда, раньше также стояла когда-то башня; но так как оно лежит близко к чаберлойской границе, то это не удивительно. Насколько в Чёрных горах с их мягкими третичными породами, возможно, сыграло роль отсутствие подходящего строительного материала, для этого у меня нет указаний. Я, однако, не думаю, что этому обстоятельству принадлежит большее значение, так как и на северном склоне Андийской цепи, где твёрдый, плитчатый известняк имеется в достаточном количестве, я не мог найти следов башен.

Итак, в то время как чеченцы, уходившие на восток в низкую, более открытую и плодородную лесную горную область Ичкерию, строили себе другие жилые дома - скорее всего, низкие глинобитные дома с плетёными стенами, возможно, также бревенчатые, - в родовых областях ещё продолжали строить старые башни. Последние такие постройки, судя по их состоянию сохранности, возникли около 100–200 лет назад, в высокогорье, во всяком случае, ещё несколько позже. Склепам же уделяли внимание ещё до середины прошлого века и, вероятно, ещё возводили новые, как о том ещё ясно свидетельствует хорошо сохранившаяся известковая штукатурка на некоторых.

2. На остальном Кавказе

Как при малости чеченской области иначе и нельзя было ожидать, башенная культура далеко выходит за её пределы. Мы находим её с некоторыми региональными изменениями во всём Центральном Кавказе, от дагестанской западной границы примерно до области Эльбруса включительно. Следовательно, следующие народы имеют в ней участие: на северном склоне гор - чеченцы, ингуши, осетины, горские татары и карачаевцы; на южном склоне - тушины, хевсуры, мохевцы[85] (горские грузины), осетины, грузинские рачинцы и сваны.

[85] В оригинале "Mthiulen" - видимо, имеются в виду мохевцы (жители ущелья Хевсуретии или соседних областей). Уточняю как «мохевцы».

Рассмотрим сначала, в какой степени форма оборонительных башен претерпевает региональные изменения.

Наиболее часто встречающаяся у чеченцев красивая, кверху сужающаяся оборонительная башня со своеобразной конструкцией крыши встречается в точно такой же форме у ингушей (рис. 11) и хевсуров. Так же упоминает Мерцбахер из Тушетии «умеренно сужающиеся кверху стройные, 25–35 м[86] высотой башни с пирамидальными ступенчатыми сланцевыми крышами»[87]. Ту же форму нашёл в своё время Дюбуа де Монпере у мохевцев по обе стороны Военно-Грузинской дороги южнее Главного хребта[88].

[86] Высоту башен Мерцбахер, вероятно, несколько переоценил.

[87] См. список литературы № 28, т. II, с. 226.

[88] Цитируется у Баумхауэра, лит. № 2, с. 77.

Вторая форма встречающихся у чеченцев башен, т.е. более грузная, более короткая, с плоской крышей, имеет меньшее распространение. Мерцбахер упоминает её также от тушин[89]. Она, по-видимому, преобладает и в Осетии. Господин профессор Арвед Шульц находил во время своих осетинских путешествий только эту форму. Книга Ниорадзе «Горные осетины и их земля» ненадёжна; изображённое там село Арси, которое с многочисленными стройными оборонительными башнями выставляется как типичное осетинское горное село, находится не в Осетии, а в сердце Ингушетии. Оттуда это изображение и было заимствовано в этнографию Бушана.

[89] Мерцбахер, т. II, с. 224.

Возможно, можно различить и третий вид оборонительных башен. Этот вид по высоте и внешней форме примерно соответствует первому виду, но имеет плоскую крышу, по четырём углам которой стены несут надстройку, выступающую примерно на 1 м над

плоскостью крыши, так что возникает зубчатое изображение. Башни этого типа стоят, между прочим, напротив Ушкалая на среднем течении Чанты-Аргуна и у Какаду.

Особую форму образуют сванские башни, которые, однако, встречаются и в Верхней Раче[90] и к северу от Главного хребта у горских татар[91]. Они отличаются от чеченских прежде всего тем, что они не сужаются, а непосредственно под крышей получают выступообразное расширение, которое прерывается прикрытыми сверху бойницами[92].

[90] Баумхауэр, лит. № 2, с. 73.

[91] Мерцбахер I, 366.

[92] Изображения у Мерцбахера и Деши.

Так же существуют различия в форме жилых башен.

Снова чеченские и ингушские полностью одинаковы, судя по популярному сочинению Яковлева «Ингуши»[93]. В хевсурском селе Шатиль я провёл в 1919 году более недели, к сожалению, не сделав точных записей. Насколько я помню, его многоэтажные дома своей прокопчённой, беззаконной темнотой походили на чеченские жилые башни, так же и в способе связи между отдельными этажами, которая осуществлялась через люки и лестницы или древесные стволы; здесь, как и там, можно было через переходные мостики от склона горы попадать прямо в верхние этажи. Различие состоит в том, что у хевсурских в верхнем этаже я часто находил верандообразно открытые пространства, которые у чеченских жилых башен совершенно отсутствуют.

[93] См. список литературы № 18.

Что касается формы поселения, то следует заметить, что хевсурские дома стоят не изолированно, как жилые башни чеченского села, а образуют замкнутый комплекс, который своей напоминающей гнездо хищной птицы планировкой напоминает скальные гнёзда Дагестана.

В противоположность шатильцам хевсуры южного склона живут в крытых дранкой, лучше освещённых домах с двускатными крышами, например, в селе Борисахо, чьи усадьбы широко разбросаны по склону горы.

Также и у тушин можно говорить о жилых башнях, как следует из изображений и описаний у Мерцбахера. Это высокие, двух-трёхэтажные здания, но с двускатной крышей, чьи фронтовые стороны могут быть открытыми. Они так же темны, как чеченские и хевсурские.

Также и осетинские дома местами имеют явный характер жилых башен, например, в селе Наракау[94]. В остальном в доступной мне литературе я не нахожу достаточно точных описаний или изображений, которые позволили бы определить их отношение к чеченским жилым башням подробнее.

[94] По картине Эрнста Платца, опубликованной у Гербинга: «Земное изображение современности», т. II.

Настоящие жилые башни встречаются снова у сванов и рачинцев. От большей части квадратных чеченских они отличаются прямоугольным планом и плоской двускатной крышей; они совпадают в многоэтажности, отсутствии окон и наружном расположении лестниц, чтобы назвать лишь некоторые черты. В остальном можно отослать к чрезвычайно ценной работе Баумхауэра, который обобщил опубликованный до того материал о сванских домах и башнях[95].

[95] См. список литературы № 2.

Что касается строительного способа оборонительных и жилых башен, то, следовательно, можно различить три более крупные группы. Первая лежит к востоку от Военно-Грузинской дороги и охватывает область чеченцев, ингушей, хевсуров, тушин и горских грузин. Внутри этой группы чеченцы и ингуши образуют снова замкнутое единство. Кроме архитектуры жилых, оборонительных сооружений, склепов и святилищ сходна материальная культура обоих народов также в географическом распространении типов жилищ. Здесь, как и там, старая башенная культура отсутствует в низких лесистых предгорьях и на равнине, где дом с двускатной крышей под черепицей русской формы уже безусловно господствует и всё глубже проникает в горы.

В качестве второй, пока мною точно не определимой, группы можно будет рассматривать осетинские жилые и оборонительные постройки, а в качестве третьей - сванские, включая рачинские и горско-татарские.

Как во всём, так и в вопросе башенной культуры Дагестан занимает особое положение. Я в 1920 году прошёл его во всей его протяжённости с северо-запада на юго-восток, от Анди до Самура, и во время моей последней поездки посетил североаварский округ Гумбет, но нигде не видел следа оборонительной башни; также и в литературе я не встречал относящихся к этому указаний. Тем не менее, кажется, что есть несколько оборонительных башен; я нахожу во французском журнале «L'Illustration» картину Лансере дагестанского села Хинта, в которой возвышается четырёхугольная оборонительная башня с плоской крышей. Во всяком случае, их число должно быть ничтожно мало; они едва ли могут рассматриваться как составная часть материальной культуры Дагестана, так же как они совершенно исчезают в ландшафтной картине, почему они и не упоминаются ни в одном

путевом отчёте. Возможно, однако, что в прежнее время было иначе. Правда, и знаменитое своими золотых дел мастерами восточнодагестанское село Кубачи также возвышается башня, но это широкая, низкая и, что очень важно, круглая башня, которая, следовательно, не имеет ничего общего с повсюду четырёхугольными, стройными центральнокавказскими; она, вероятно, является свидетельством юго-восточных влияний. Господин профессор Арвед Шульц находил такие башни, например, в Копет-Даге на персидско-туркестанской пограничной области, так же господин Марковский повсюду в Афганистане (по устному сообщению). Г. Гюльденштедт[96] упоминает также о кахетинских сёлах об одной или нескольких 6–8 м высотой и в диаметре до 6 м шириной круглых башнях из двух этажей, в которые укрывались при частых набегах лезгин. Подобную башню я заметил и в селе Шинвани при слиянии пшавской и идущей от Военно-Грузинской дороги Арагвы западнее Тионети.

[96] См. список литературы № 13, с. 38 и 367 сл.

Труднее решить вопрос, можно ли и в Дагестане говорить о жилых башнях. В Гумбете я видел совершенно преобладающе только низкие плоскостолы дома с верандой и светлыми большими окнами, как их видно на рис. 17 (село Зилитль); то же самое относится и к окружённым садами сёлам нижнего течения Андийского и Аварского Койсу. Я помню, однако, что в Анди, Ботлихе и в отдалённых сёлах агулов и кюринцев в юго-восточном Дагестане видел высокие многоэтажные дома с плоскими крышами и ночевал в таких, которые, однако, не имели явно выраженной башенной формы чеченских или сванских жилых построек, а казались просто многоэтажными домами. Впечатление создаётся прежде всего из-за различия в планировке поселений. Отдельные дома внутри села никогда не стоят так изолированно, как чеченские или сванские жилые башни, и совершенно отсутствуют известные из области кистов и тушин укрепленные отдельные усадьбы, а дагестанские высокие дома, построенные без промежутков друг к другу, образуют целые уличные ряды; не отдельный дом, а целое село представляет собой замкнутую в себе крепость. Эту картину представляет, например, Анди, если приближаться к нему с юга; мрачная непрерывная стена высоких этажных домов уставилась на путешественника, у подножия которой громоздятся кучи мусора и которая чернеет от множества тёмных люков маленьких бойницеобразных окон. Крепостью становится дагестанское село в этом скалистом краю, которое и само по себе как целое можно назвать огромной крепостью, большей частью уже из-за своего тщательно выбранного оборонительного положения. Картины поселений в общем похожи на хевсурское Шатиль, но только в отдалённом виде. Дома построены гораздо тщательнее и имеют более удобное внутреннее убранство, как вообще дагестанцы - самый культурный из всех кавказских горских народов. Ввиду общего культурного богатства при более точных исследованиях внутри многоэтажных плоскостолых домов отдалённых дагестанских горных сёл - не считая богатых сёл более доступных частей Дагестана с их большей частью одноэтажными более светлыми плоскостолыми домами - можно будет наверняка установить ещё различные типы.

Ввиду отсутствия оборонительных башен и совершенно отличной от центральнокавказской планировки поселений - Шатиль составляет исключение - я ограничиваю понятие

башенной культуры Центральным Кавказом; Дагестан образует особую культурную область.

Так же отпадает и западная треть Кавказа; из области абхазов и бывшей черкесской мне ничего не известно о башенных постройках.

С этим приблизительно совпадает и географическое распространение склепов. Они встречаются на северном склоне от чеченцев до карачаевцев[97] у всех народов; меньше их распространение на южном склоне, поскольку у сванов они, по-видимому, отсутствуют, и так же не упоминаются они тушинами. В Дагестане их нет, хотя, возможно, они когда-то и были[98]. Так же отсутствуют они и в западном Кавказе; хотя у абхазов и упоминаются деревянные домики-гробницы[99], но они содержат не тело, а стоят только над находящейся в земле могилой.

[97] Изображения карачаевских склепов у Зичи, лит. № 44, табл. 47.

[98] Сравни выше с. 50.

[99] Быхан, лит. № 6, с. 766.

d) К вопросу о происхождении башенной культуры

Вне гор мы не находим больше нигде в кавказских странах башенных построек такого рода - разумеется, как общеупотребительные всем народом жилые и оборонительные постройки, старые рыцарские или монастырские постройки, естественно, отпадают. Но есть основание предположить, что они когда-то существовали и там, по крайней мере местами.

Что в древней Колхиде нужно считаться с башенными постройками, нам засвидетельствовано произведением жившего во времена Августа римлянина Витрувия об архитектуре. Там в первой главе второй книги[100] говорится:

[100] По переводу Ф. Ребера: «Десять книг Витрувия об архитектуре», Штутгарт 1865, с. 36.

«У народа колхов в Понте из-за обилия лесов целые древесные стволы кладутся направо и налево плоско на землю, оставляя между ними промежуток такой величины, как допускает длина древесных стволов; затем поперёк них на концах кладутся другие, благодаря чему внутреннее пространство жилища замыкается, когда они затем на каждой двух сторонах чередующимися балками на четырёх сторонах дальше накладывают. Соединяя концы и так с вертикально на нижних нагромождённых древесных стволах возводя стены, возводят они башни в высоту и заполняют промежутки, которые из-за толщины строительного леса

остаются открытыми, щепой и глиной. Крышу же накладывают поверх, срезая поперечные балки на концах всё больше, ступенеобразно стягивая; и так они с четырёх сторон в середине возводят пирамидальную вершину в высоту, которую покрывают листвою и глиной и таким образом на грубый лад создают четырёхстороннюю крышу своих башен».

Едва ли будет ошибкой связать эти античные понтийские башни, которые, как Витрувий прямо указывает, были жилыми постройками, с ныне ещё встречающимися в горах. Они отличаются от них хотя и строительным материалом; но тот факт, что нынешние башни имеют четырёхугольный план, как раз наводит на мысль, что план старых деревянных башен, который необходимо был четырёхугольным, служил образцом, когда перешли к каменному строительству. Так же, быть может, следует связывать и пирамидальную крышу, например, чеченско-ингушской формы оборонительных башен, которая наряду с круглой формой обнаруживает и четырёхугольную, последнюю - особенно у склепов второго типа, с понтийской деревянной конструкцией. Определённое об этом, конечно, пока нельзя сказать. Что изготовленная из дерева пирамидальная крыша в форме, как её изображает Витрувий, встречается на Кавказе и сегодня, следует из подробного исследования, которое Баумхауэр посвятил грузинской дарбази, тому интересному, встречающемуся в Картли земляному дому с пирамидальной крышей и световым колодцем. Баумхауэр, правда, не упоминает этой связи, также не приводит места из Витрувия.

Но и сами деревянные башни сохранились в Западной Грузии ещё до нового времени. Господин д-р Баумхауэр сообщил мне рисунок, который показывает поселение итальянских монахов в Имеретии около 1646 года (рис. 43а), частью состоящее из высоких деревянных башен[101]. Что эти деревянные башни не были исключением, но что они тогда были общеприняты в этой стране, следует также из сообщения Шардена, который говорит о деревянных башнях в этой местности[102]. От старых колхидских эти башни отличаются тем, что несут двускатную крышу; это соответствовало бы форме крыши нынешних сванских башенных построек.

[101] Другая репродукция из этого собрания, также касающаяся поселений итальянских миссионеров, опубликована Баумхауэром (лит. № 2, с. 55). И на ней видны высокие деревянные башни.

[102] См. список литературы № 8, т. I, с. 133.

Помимо сообщения Витрувия есть ещё другое литературное свидетельство из древности о существовании народов, которые жили в башнях, если и не в кавказских странах, то в их ближайшем соседстве. Так, Ксенофонт в Анабасисе, V, IV, 26, сообщает о народе моссинойков, которые живут в деревянных башнях. Моссинойки по-гречески буквально означает «обитатели деревянных башен». Господин обер-штудиенрат Борк, Кёнигсберг, высказывает мне в письме мнение, что греки приспособили для себя только чуждое имя. Для выяснения вопроса, как звучало бы действительное имя народа, может послужить замечание Леонхарда[103], с. 295: «Как более раннее имя каппадокийцев называет Иосиф Флавий I, VI, 10 $\mu\omicron\sigma\chi\acute{\eta}\nu\omicron\iota$, т.е. моски, в той же форме имени, что и Плиний VI, IX, 10

„Moscheni“. Что моски примерно с IX по VII век до н.э. сидели в этой местности, а затем были оттеснены в северную Армению, известно».

[103] См. список литературы № 25, с. 295.

Моссинойками были бы, следовательно (по Борку), «моски» или, как их называли ассирийцы, «муски», и сидели в Каппадокии. От «муски» образовано имя ландшафта «мускене», а от него - обозначение населения как «мошени (мошеной)».

Что моски действительно выступали на Кавказе, следует, вероятно, и из имени Месхийского разделительного хребта у Сурама. Так же имя «месхи» встречается для мусульманских грузин Ахалцихского округа, который носит окружное название «Месхетия».

Как в Западной Грузии, так и в северо-восточной Малой Азии старые деревянные башни сохранились до нового времени, вернее, обычай возводить такие башни. Это показывает замечание Киперта[104], с. 322: «На этнографические особенности этой населённой с древних времён различными племенами местности - речь идёт о понтийском прибрежном хребте, окрестностях Трапезунда - новейшие корреспонденты и среди них также греческие обращали своё внимание лишь в исключительных случаях; мы узнаём от них, что состоящие из высоких деревянных башен жилища моссинойков, по описанию Ксенофонта, в горах выше Керасунта[105] под турецким названием чебни неизменно существуют в употреблении». Обитаемы эти башни, как далее излагает Киперт, сектой распространённых в Персии и Малой Азии кызылбашей, которые печально известны своим тайным культом.

[104] См. список литературы № 21, с. 322.

[105] Или Керасунд, между Трапезундом и Самсуном (прим. автора).

Ещё иным образом распознаваемы связи между центральнокавказской башенной культурой и древней Малой Азией. Там в древности, а именно, также встречаются надземные склепы или погребальные башни, отчасти ещё сохранившиеся. Особенно известны стали ликийские гробничные башни, которых Э. Калинка[106] приводит многочисленные изображения. Если их архитектура и обнаруживает расхождения, то это, в принципе, те же постройки, и именно они ближе всего к встречающейся у чеченцев прямоугольной форме склепов (рис. 16). Правда, надземные склепы встречаются и к востоку от Кавказа, например, у киргизов.

[106] См. список литературы № 20.

И здесь снова следует упомянуть о звуковом сходстве географических названий, которое должно быть представлено на суд лингвистов. Есть чеченское село Мескеты (в Аухе). Это совпадает с упомянутым выше названием ландшафта Месхетия, в котором живут месхи, чьё имя, как и имя Месхийского или Мосхийского хребта, связывается с народом москов.

Мне пока недостаёт возможности проследить вопрос о происхождении и возникновении башенной культуры далее. Из приведённого выше прежде всего следует одно, что в древности как на кавказской, так и на малоазиатской почве башенные постройки существовали как общая форма жилища. Вопрос, где они возникли впервые, интуитивно, вероятно, решат скорее в пользу Малой Азии как старшей культурной области. Помимо того, что моски оттуда направились на северо-восток, грузинская народная легенда также сообщает о распространении с юга (например, из Армении) на север. И в этой связи, вероятно, следует обратиться и к чеченскому племенному сказанию, которое ведь говорит именно о северо-востоке Малой Азии, о Нахичевани, Эрзеруме и Халыбе как о стране происхождения. Правда, отрицание этого сказания оправданно, если предположить, что оно возникло исключительно под влиянием ислама. Однако можно очень хорошо себе представить, что старые воспоминания были ещё живы в народе и тогда дали весьма желанную основу, когда с завершением исламизации возникло стремление поставить собственное происхождение в возможно более тесную связь с племенем и родиной пророка.

Из приведённого замечания Ксенофонта о моссиноиках заслуживает ещё быть упомянутым, что он называет их белым (λευκοί) народом. Можно предположить, что белый здесь означает не только светлокожий, но и светловолосый и светлоглазый. Может ли этот факт быть как-то связан с большим процентом светлых среди чеченцев и других центральнокавказских горских народов, я должен оставить открытым.

е) Сходные явления в Албании и других странах

Едва ли с какой-либо другой страной культурные условия Кавказа обнаруживают столь сильные сходства, как с Балканами, если не считать Армении и Малой Азии. Совершенно особенно это можно сказать об Албании, на что А. Быхан в своём основательном изложении кавказской этнологии в этнографии Бушана многократно указывает[107]. В прекрасном труде барон Ф. Нопча недавно подробно рассмотрел материальную культуру Албании[108]. Оказывается, что в некоторых частях Албании население живёт в таких же выраженных оборонительных постройках, как на Кавказе, что при сходных условиях безопасности вовсе не удивительно. Что же касается формы албанского оборонительного дома, то я нахожу далеко идущее совпадение с соответствующими кавказскими, названными мною жилыми башнями[109]. Они сходны с кавказскими, чтобы назвать лишь несколько черт, по соотношениям ширины и высоты, по двум или трём этажам, по отсутствию окон, вместо которых появляются маленькие служащие световыми отверстиями и бойницами люки, по закруглённо-арочным входным дверям, в некоторых случаях также по наружному расположению ведущих на верхние этажи лестниц, по многим чертам внутренней обстановки и, по-видимому, также по разбросанной планировке поселений. Кавказских оборонительных башен, по-видимому, нет, зато, кажется, албанские оборонительные дома

имеют больше оборонительных устройств, чем кавказские, например, маленькие эркеры, кроме того, на них часто посажены маленькие четырёхугольные башенки, чья часто пирамидальная крыша подобно кавказской несёт каменное навершие как украшение. Албанцы называют свою жилую башню «кула». Область распространения кулы, однако, не ограничивается Албанией, хотя там они встречаются чаще всего. Нопча даёт об этом на с. 54 следующие указания: «Кулы (по Цвийичу) встречаются во всей Боснии, затем в бывшей Рашке; в Албании их область простирается до линии, соединяющей Ипек, Ускюб, Дибру, Охрид и Эльбасан. К востоку от этой линии, так же как в Греции и Эпире, кулы, по-видимому, теперь отсутствуют; изолированно и потому важно их нахождение в Майне[110]. Эти области распространения кул можно назвать адриатической и пелопоннесской; в качестве третьей области распространения к ним присоединяется, как мы знаем по работам де Мартонна и Енеке, область Олтении в Румынии. Изолированно и вне употребления встречаются кулы как чужое введение также в Северо-Западной Болгарии (Враца). Как кулы Олтении географически примыкают к замкам Бурценланда, так, по-видимому, адриатические постройки примыкают к ломбардско-североитальянским оборонительным башням».

[107] Носит ведь и в древности восточное Закавказье имя Албания.

[108] См. список литературы № 31.

[109] Рис. 39–44 у Нопчи.

[110] В южном Тайгете (Пелопоннес) (прим. автора).

Нопча обращает свой взгляд и на Кавказ:

«С первого взгляда может быть соблазнительно связать кулы осетин с европейскими, но при лучшем рассмотрении видишь, что кулы этих областей, очевидно, другого происхождения. В противоположность от верха до низа одинаково толстым, но массивным и сверху не имеющим зубцов кулам Албании или Румынии кавказские кулы высотой до 20 м сверху имеют зубцы, всегда очень стройны и кверху обычно значительно сужаются. Исключение делают только одинаково толстые кулы сванов, которые обнаруживают крышу и под ней сёлёр[111] образную, немного выступающую постройку. Маленькие эркеры можно на Кавказе доказать только у кул чеченцев, в остальной области они, по-видимому, отсутствуют. Уже из-за сужения кверху кулы Кавказа лишь с трудом сравнимы с балканскими, и поэтому следует отклонить мнение Нетцхаммера об азиатском происхождении кул».

[111] Нем. "Söller" - балкон, терраса, верхний этаж.

Ясно, что Нопча имеет здесь в виду не кавказские жилые башни, а оборонительные башни. Ошибка, однако, легко извинительна, так как в путевых сочинениях часто можно найти утверждение, что оборонительные башни постоянно обитаемы, и потому из-за высоких, бросающихся в глаза оборонительных башен проглядели, что и жилые дома представляют

собой оборонительные постройки. К тому же недостаёт подходящих изображений последних; именно их лучший представитель - чеченско-ингушский, который своей плоской крышей яснее показывает характер башни, чем сванские или тушинские жилые башни с их двускатной крышей, - до сих пор оставался совершенно неизвестным.

Слово кула, по Нопче (с. 52), арабского происхождения. «Арабское обозначение кула встречается уже у византийских писателей XI века, у сербов это обозначение для оборонительных домов было известно уже в 1350 году». Здесь может идти речь только об арабском слове для крепости «кала» - Нопча его не упоминает, - которое лежит в основе известного турецкого слова «кале». Очень интересно теперь, что чеченское слово для жилой башни звучит «гала» (апостроф должен обозначать своеобразный гортанный звук). Предположение, что мы имеем здесь дело с одним и тем же словом, очень близко. Оставалось бы сначала исследовать, как называется жилая башня в остальных кавказских языках. Если бы слово действительно было арабского или турецкого происхождения, то оно, вероятно, употреблялось бы и в других кавказских языках для того же предмета. Тогда были бы возможны дальнейшие выводы о возрасте и возникновении жилых башен.

Как обозначение для оборонительной башни я слышал у чеченцев «бау», у кистов из Майсты и Мелхисты «вау», у ингушей, по Яковлеву, она называется «воу».

Так как оборонительные дома как народная форма жилища - сословные замки, естественно, отпадают - упоминаются и из Италии, Альп, Швейцарии и Южной Германии отчасти для настоящего, отчасти для прошлого и, по Виолле ле Дюку, как указывает Хаберланд в этнографии Бушана[112] (т. II, ч. 2, с. 432), оборонительные и жилые башни встречаются и у басков, то только точное сравнительное исследование может дать разъяснение, возникли ли оборонительные дома различных областей независимо друг от друга под давлением небезопасных политических и, прежде всего, социальных условий (родового строя! кровной мести!) или же им присуще общее происхождение. Что касается албанских и кавказских жилых башен, то их сходство в принципе настолько велико, что я хотел бы придерживаться мысли об общем корне. Он мог бы быть только в Малой Азии, и при более точном рассмотрении там, безусловно, также можно будет установить однородные жилые башни; башни кызылбашей южнее Керасунта уже указывают на это.

[112] См. список литературы № 5.

Географу, кроме того, должно броситься в глаза, что все области, из которых упоминаются народные жилые башни, начиная с Кавказа через Балканы и Альпийские страны до Пиренеев, - горные страны, тогда как на широких равнинах они, вероятно, отсутствуют.

Страной народных оборонительных построек, кажется, является и область кабил в Атласских горах, так же, по-видимому, они следуют по большому евразийскому высокогорному поясу через Афганистан и Тибет дальше на восток. Господствующей

чертой ландшафтной картины они являются там, прежде всего, в дикой области золотоносных рек в тибетско-китайской пограничной области, где разбросанно лежащие усадьбы представляют собой маленькие крепости с жилыми и оборонительными башнями, точно так же, как в Центральном Кавказе (по рисункам у Альберта Тафеля: «Моё тибетское путешествие», т. II, 1914). Подробное рассмотрение этих, по-видимому, чисто географических влияний окружающей среды, однако, далеко выходило бы за рамки настоящей работы.

II. Другие формы жилищ

а) Низкие дома с плоскими земляными крышами («сакли»)

Встречающиеся в кавказских горах низкие, т.е. одноэтажные, дома с плоскими крышами называются русскими вообще «сакля» (ед. ч. «сакля»). Слово, по Баумхауэру, грузинского происхождения и засвидетельствовано уже в V веке[113]. Точно фиксированного понятия, по моим наблюдениям, слово «сакля» не имеет; им обозначают как каменные, так и глинобитные постройки, если и скорее первые, чем последние; оно применяется к домам с пристройкой и без неё и с различной планировкой помещений. Чеченское слово для низкого дома с плоской крышей звучит «ца». Другое чеченское слово для дома - «хусум»; оба ли употребляются в одинаковом смысле, я не могу сказать.

[113] См. список литературы № 2, с. 26, прим.

Форма дома с плоской крышей, которую я наблюдал в сланцевой области в сёлах, соседних с хевсурами и тушинами, по-видимому, в основном соответствует форме плоскокрышного каменного дома, которую Баумхауэр описывает из грузинской области Картли[114]. Баумхауэр сообщает преимущественно об одно-комнатных домах этого рода; я, однако, наблюдал одно-комнатные дома лишь как подсобные помещения, хозяйственные постройки и как пастушьи хижины. Жилые же дома были всегда разделены на несколько помещений, как по ширине, так и по глубине.

[114] См. список литературы № 2, с. 26 сл.

Рис. 44 представляет план дома села Санчой, последней чеченской деревни в истоках Шаро-Аргуна, если идти через перевал Качу в Тушетию. Санчой - новое основание; руины старого башенного села лежат примерно в 2–3 км ниже по долине в хорошей оборонительной позиции, на что в новом селе, широко раскинувшемся на склоне, уже совсем не обращали внимания.

Несколько дней я провёл в одном доме села Джарего, описание которого должно последовать здесь. Как уже упоминалось ранее, Джарего, в противоположность башенным сёлам Мелхисты, состоит повсюду из сакль. План усадьбы виден из рис. 45. Жилые помещения состояли из двух основных частей, построенных под прямым углом друг к другу. Образовавшийся таким образом двор был замкнут разрушенной стеной, которая имела высоту около 2 м и, вероятно, первоначально была ещё выше. Посреди двора был установлен древесный ствол, на обрубках ветвей которого можно было привязывать лошадей. Помещение «в» стояло совершенно пустым; в качестве жилой комнаты служило расположенное в самом внутреннем углу. Безусловно самым большим помещением была гостевая комната, чьё потолочное перекрытие подпиралось поперечной балкой с подставленным столбом. Из-за холода - дело было около Рождества - я, однако, жил и спал в общей семейной комнате. Окна эта комната не имела вовсе, а свет падал только через отверстие около 30×30 см в потолке, которое одновременно служило и дымоходом. Под ним стояла неизбежная маленькая железная печка, которая уже проникла и в последние горные сёла и на базарах, на еженедельных рынках в более крупных сёлах, везде является товаром. Это световое отверстие посреди комнатного потолка я помню также в дагестанских сёлах, например, в казикумукском селе Балхар юго-восточнее богатого места Кудахар. У чеченцев оно мне больше не встречалось. Очажная форма этих домов состоит иначе из большого камина (рис. 46), который обычно встроен в стену, в которой находится дверной проём; я встречал его также в боковых и задних стенах. Он может достигать ширины более метра и выступает из стены примерно на 30 см. В нём на поперечном шесте, вмурованном внутри на высоте около 1 1/2 м, свисает цепь для котла (описание см. с. 97). Но и в этих каминах я уже редко видел пылающий открытый очаг; и здесь уже большей частью была вставлена железная печь европейского происхождения, имеющая форму прямоугольного ящика длиной немногим более 1/2 м и высотой и шириной около 25 см.

Большая гостевая комната джарегойского дома не имела вовсе светового отверстия, ни в стенах, ни в потолке. Если хотели что-то видеть, то нужно было открыть дверь на веранду. Жилая комната не имела собственного входа, а была достижима только через гостевую комнату. С дворовой стороны дом сопровождался широкой верандой, которая была ещё ограждена перилами.

Под жилыми помещениями находились хлева. О двухэтажности здания, однако, нельзя говорить, потому что нижний этаж по крайней мере в своей задней части был встроен подобно подвалу в склон горы. Поэтому можно было, приходя снаружи, веранду, которая, естественно, шла на уровне жилых помещений, достигнуть прямо, без помощи лестницы, тогда как со стороны двора, находившегося ниже по склону, требовалась лестница. Само собой разумеется, что и эти хлева были без всякого светового отверстия. Двери состояли из тяжёлых досок, были двустворчатыми и вращались в цапфах, точно так же, как уже было описано для жилых башен.

Непосредственно к дому, уже вне двора, примыкал сеновал.

Кладка состояла повсюду из грубых, неправильных тёмных сланцевых кусков без связующего раствора, снаружи неоштукатуренных, как и у башенных построек, почему дома этого рода производят чрезвычайно мрачное, неприветливое впечатление, которое, однако, снова возмещается всегда дружелюбным, гостеприимным приёмом со стороны жителей.

При этих домах встречаются сильные различия в распределении помещений и планировке двора. Они объясняются тем, что эти дома часто построены между и на старых башенных руинах. Пользовались разрушающимися стенами старых построек, как их находили, и возводили как-нибудь низкую хижину. Хозяйственные помещения могут быть расположены рядом с жилыми или под ними; то всё ограждено стеной, то нет.

С этой точки зрения следует рассматривать и своеобразную хижину на столбах с рис. 18 из села Кеселой (недалеко от Шароя) - совершенно единичное явление. Её стены состоят из обмазанного глиной плетня; стены же принадлежат большей частью к старым жилым башням, как и возвышающаяся на заднем плане колонна.

Однокомнатную первичную форму этого дома я заметил у пастушьих хижин выше Того у спускающихся с Тебулос-мта ледников, в которых пастух и стадо одинаково находили приют. Они имели квадратный план со стороной 5 м и более, но высотой лишь около 1 1/2 м. Дверной проём был едва 1 м высотой; оконных отверстий, конечно, не было. Очаг находился сбоку от двери. Единственное его оснащение состояло из суковатого обрубка корня, воткнутого в кладку, на котором висел котёл; огонь был разложен на земле, и дым выходил без дымохода через едва головное отверстие в крыше. Освещалась хижина лучиной - господствующее дерево этой долины - сосна, - которая просто втыкалась в грубую кладку и давала более яркий свет, чем бедные керосиновые лампы, которые иначе встречаются в горах. Высокими сланцевыми плитами, которые удерживались простым остовом, пастух отгораживал своё спальное место от помещения для скота.

От описанной в начале формы сакли, которая, следовательно, по моим наблюдениям, большей частью многокомнатна и в глубину, я полагаю возможным отличать саклю, которая встречается далее к северу, главным образом в известняковых горах. Эта строго соблюдает распределение помещений в том смысле, что она всегда только на одну комнату глубиной, зато может достигать трёх и более комнат в ширину. Каждая комната имеет свой особый вход, тогда как между собой они большей частью не имеют соединения, так что возникает впечатление пристроенных друг к другу жилых ячеек. Двери уже сколочены из досок и вращаются на петлях на русский манер. Стены сложены из камней; но встречаются и обмазанные глиной плетёные стены, особенно в разделяющих комнаты внутренних стенах. Очаг и здесь часто ещё образуется камином описанной уже формы; но часто его уже нет, а на его месте стоит железная печь с высоким жестяным дымоходом.

Передняя стена дома всегда тщательно обмазана глиной и выбелена извёсткой, как вообще этот дом производит гораздо более светлое, более культурное впечатление, чем

вышеописанный. Внутренность становится намного уютнее благодаря настоящим стеклянным окнам, примерно такого размера, как в наших старых крестьянских домах. Только изредка встречаются ещё маленькие оконные отверстия, которые закрываются просто промасленным холстом. Также и внутренние стены всегда побелены; настенная живопись в виде древесных фигур, как она была упомянута от жилых башен и как она обычна в мрачных саклях сланцевой области, большей частью уже отсутствует.

Всегда присутствует верандоподобная пристройка, которая, по моим наблюдениям, обычно ориентирована на солнечную сторону, куда, естественно, обращены и окна, и двери. Она образуется тем, что положенные поперёк ширины дома, тесно лежащие друг подле друга балки крыши выступают над передней стеной дома на добрый метр. Их концы покоятся на крепком бруске, который поддерживается несколькими стойками с расстоянием около двух метров, причём между балкой и стойками обычно вложено более или менее искусно выгнутое седловидное дерево (рис. 19). Поверх балок крыши лежит слой хвороста и соломы или мякины, который, в свою очередь, часто покрывается кусками древесной коры. Поверх всего этого лежит плотно утрамбованный, тщательно содержимый свободным от травы слой земли толщиной около 30 см, который по бокам защищается досками от размывания. Утрамбовывается и разглаживается земля, помимо простого катка из отрезка ствола, инструментом под названием «пиштик» - снабжённым рукояткой полуметровым куском доски, который плоско ударяют. Точно такой же инструмент я знаю из моей родины Силезии, где он раньше использовался при устройстве гумён.

Под никогда не отсутствующей верандой стоит обыкновенно один из больших хлебных ящиков или корзин. Также куры находят там иногда пристанище в ящикообразных, из глины построенных низких норах, которые я в некоторых случаях, например, в селе Бечик западнее Итум-Кале, встречал и в жилой комнате. Далее, на одном конце веранды иногда стоит летний камин, имеющий форму полого, четырёхугольного, кверху пирамидально заострённого столба (рис. 47), причём дымовое отверстие остаётся немного ниже вершины. И здесь висит цепь с котлом на продевшемся вверху поперечном шесте.

Дверь, говорят, прежде была не из дерева, а из кожаного занавеса, в чём можно было бы усмотреть напоминание о старом кочевом шатре. Это ещё можно узнать по тому, что дверь и кожа имеют одно и то же наименование[115]. К сожалению, я забыл записать соответствующее слово. В связи с этим мне было сообщено чеченское присловье, которое звучит примерно следующим образом: «У него балка уже наполовину сгорела!» Оно употребляется в переносном смысле и означает: «У него хорошо, пойдём к нему!» Раньше положенный в огонь сухой ствол часто не помещался в хижине и поэтому своим горящим концом торчал через дверь наружу. Когда он достаточно сгорал, дверь можно было закрыть, тогда только становилось тепло и уютно.

[115] По мнению господина Ашаева, Грозный.

К планировки двора при этом доме не доходит. Либо хозяйственные помещения стоят рядом с жилыми, образуя с ними одну линию, либо скот размещается в частично врытом в землю нижнем этаже. В большинстве же случаев стойла находятся перед домом на ступень ниже по склону, так что крыша хлева представляет тогда собственно дворовую площадку (рис. 19). Перед ней лежит снова крыша следующего дома и т.д. Возникают таким образом известные террасные сёла с профилем террас, как они особенно в Дагестане необыкновенно ярко выражены, где при более высоком культурном уровне также гораздо интенсивнее проведено рациональное использование пространства. Сёла так сомкнуты, так компактно расположены, что в пределах плана села действительно каждый клочок застроен и остаётся лишь мало места для узких кривых переулков. Ни один зелёный сад не прерывает террасных рядов, общий колорит которых особенно осенью часто так совершенно совпадает с пустынным, жёлто-коричневым ландшафтом дагестанских известняковых гор, что издали трудно различить поселения, если бы не издали уже возвещающие о них широко тянущиеся террасы садов и полей. Поражаешься невероятной массе народа, которая может вытекать из этих пространственно часто столь маленьких сёл, когда есть что-то интересное посмотреть. Все крыши тогда плотно усажены, огромные папахи с висящими на них носатыми лицами - так это кажется по крайней мере из-за неодинаковой величины - склоняются над краем крыши, густая толпа вьётся за путешественником, а бесчисленные собаки делают к этому музыку.

В менее населённом, менее культурном чеченском известняковом нагорье сёла и этого типа жилищ планированы гораздо беспорядочнее и разрозненнее; отдельные усадьбы, которые я в Дагестане не мог наблюдать, здесь часто встречаются.

На плоских крышах обыкновенно сооружаются тупоконические скирды зерна и сена, благодаря чему селения получают оригинальный вид (рис. 17). Из-за недостатка древесины во многих местах вынуждены использовать в качестве топлива высушенный навоз. Его в чеченской области большей частью формуют в широкие лепёшки, которые для сушки прилепляют к стенам; в Дагестане я видел больше кирпичеобразные куски, которые на крышах укладываются так, чтобы воздух мог проходить между ними. Ту же форму навозного кирпича («кизьяк») я видел и у армян и татар северных армянских окраинных гор. Также у живущих между ними молочан и духоборов, хозяйственно очень дельных русских сектантов, можно было часто наблюдать всю семью, как они дружно в навозной куче руками заготавливали топливо на зиму. Поскольку при принятом здесь способе молотбы солома коротко и мелко изрыта и в таком виде подстилается, что в общем и так случается редко, то и навоз, в противоположность нашему длинносоломистому, образует легко формуемую массу.

Сёла, состоящие только из таких домов, находятся в пределах чеченской области прежде всего в граничащем с Дагестаном округе Чаберлой (сёла Чобах-Кинерой, Ригачой и другие) и в соответствующих частях области Шароя (сёла Бути, Кири). В округах Чанти и Галанчож они стоят как новейшее явление рядом со старыми башенными постройками (рис. 2). В то время как сакля сама продвигается в области башен, она теряет, с другой стороны, почву перед быстро продвигающимся с севера домом с двускатной крышей, который в окрестностях Шатоя уже преобладает и уже достиг Итум-Кале (см. картосхему).

Дом с плоской крышей сегодня встречается только в известняковых и сланцевых горах. Ещё несколько десятилетий назад он господствовал, однако, и в Ичкерии и на Сунженской равнине, где сегодня повсюду видны дома с двускатными крышами. Ещё в то время, когда русские уже давно сидели в (ныне разрушенной) крепости Воздвиженской (у выхода Аргуна на равнину), основание которой произошло около середины прошлого века, в соседнем селе Атага земляные крыши даже ещё закладывались заново, как уверяли меня там старые люди, и русский лесовод Маркович, который в своей посвящённой ичкерийскому лесу работе также кратко излагает чеченские жилищные условия, сообщает ещё в появившейся в 1897 году работе только о домах с плоскими крышами, хотя его наблюдения, возможно, были сделаны несколькими годами ранее этого срока. Напротив, я най дин теперь только в сёлах Беной и Хородой ещё несколько земляных крыш, т.е. только в самых отдалённых, уже непосредственно граничащих с Дагестаном ичкерийских сёлах. Одно ичкерийское село, правда, Сиверхи состоит и сегодня только из плоскокрыших домов; но оно принадлежит лишь по административному делению к Ичкерии (Веденский округ), лежит уже высоко в известняковых горах, непосредственно граничит с Чаберлоем и заселено также новыми поселенцами из Чаберлоя.

Из сказанного достаточно явствует, с какой прямо-таки беспримерной быстротой здесь одна форма жилища вытесняется другой, как нагляднейший признак того, что в страну вливалась новая культурная волна. Ибо появление черепичной двускатной крыши неразрывно связано с появлением русских на Тереке и Сунже, т.е. с основанием казачьих станиц. Перенято и распространено чеченцами, однако, совершенно без участия русских; ибо оба народа живут несмешанно рядом, русские к тому же только вдоль Терека и Сунжи, нигде во внутренней Сунженской равнине или в горах, за исключением немногих чиновников. Помимо этого самостоятельного дальнейшего распространения чеченцами, распространение дома с черепичной двускатной крышей является для меня хорошим учебным примером того, что культурные передачи без соответствующих движений народов едва ли мыслимы, по крайней мере в неразвитых бедных путях сообщения местностях, т.е. в условиях, с которыми прежде всего приходится считаться доисторической эпохе. И на Северном Кавказе русское завоевание сопровождалось сильным переселенческим движением русских частей населения. Так, основанная в 1821 году казачья станица Грозный сегодня город с почти 100 000 преимущественно русских жителей; немногим меньше немногим более старый Владикавказ, Армавир и другие. По последней переписи из 5,6 млн. человек, живущих между линией вершины хребта и Манычской линией, только около 13% нерусских (собственный подсчёт; Дагестан при этом не включён). И в политическом отношении это, конечно, сказывается; дружественно ли настроены горцы по отношению к Советам или нет, для советских политиков это безусловно забота второго порядка. Впрочем, они по большей части советски настроены.

Но замена дома с земляной крышей, сакли, домом с двускатной крышей едва ли произошла бы с такой стремительной быстротой, если бы тут не сильно помогли чисто практические причины. Безусловно, плоская земляная крыша очень неподходящая форма крыши для дождливого северного подножия гор, прежде всего для Ичкерии. Нужно только удивляться, что она вообще могла здесь стать родной.

Но и в областях, которые не получают такого высокого количества осадков, как низкие чеченские горы, дом с плоской крышей, кажется, повсеместно уступает дому с двускатной крышей. В татарских и армянских сёлах северных окраинных гор Армянского нагорья (называемого также «Малый Кавказ») я видел между саклями и нестандартными земляными домами много красных черепичных крыш, тогда как путешественники второй половины прошлого века, как Радде и фон Тильман, ещё ничего не упоминают об этом. Толчок к этому, безусловно, в немалой степени дали жившие там швабские колонисты и русские сектанты.

Тот же процесс сообщается Баумхауэром из Грузии и Куфтиным[116] из южного Крыма. По Баумхауэру, «помимо малой долговечности крыши, это прежде всего опасность малярии, которая делает дома с земляной крышей нежелательными, так как в тёмных, плохо проветриваемых помещениях охотно держится малярийный комар» (с. 23).

[116] См. список литературы № 23.

Лишь совершенно изредка я видел дома с двускатной крышей во внутреннем Дагестане, например, в андийском Ботлихе. Это едва ли можно объяснить тем, что у дагестанцев не было бы случая видеть такие и затем подражать, ибо особенно гурубетцы и андийцы довольно часто поднимаются через Андийский хребет в Ичкерия, чтобы обменять там свои фрукты и продукты овцеводства на кукурузу. Но в сухом Дагестане дом с плоской крышей более естествен, чем на влажном внешнем краю гор. Далее, при этом вопросе не следует оставлять без внимания консервативную замкнутость дагестанского народного характера, который не так легко доступен новшества, как непостоянные чеченцы. Прежде всего, однако, введению двускатной крыши должна быть препятствием уже описанная дагестанская планировка поселений. Здесь нужно считаться с другими; нельзя, чтобы один житель села вдруг соорудил двускатную крышу и тем самым лишил живущего на террасу выше соседа его дворовой площадки, которую ведь образовывала плоская крыша его нижнего соседа. Весь план поселения уже раз и навсегда базируется на дом с плоской крышей и не может быть изменён от сегодня до завтра. Для чеченца, живущего разбросанно, особенно в Ичкерии предпочитающего отдельные усадьбы, этой трудности не было.

Для проникновения дома с плоской крышей в чеченскую область, как мне кажется, возможны два направления. Более важное из них, вероятно, дагестанское, так как он преобладает по ту сторону и становится реже по направлению к башенным областям чеченского запада. Грузинское влияние даёт себя знать на южной границе башенных областей, и именно в форме сакли, описанной от Джарега. Это сводилось бы к тому, что башенные области сжимаются с двух сторон домами с плоскими крышами.

Для Грузии Баумхауэр предполагает малоазиатское происхождение дома с плоской крышей, Куфтин - для южного берега Крыма. Откуда и в какое время дом с плоской крышей

появляется в Дагестане, этот вопрос должен быть решён лишь тогда, когда будут иметься более точные исследования домов, особенно юго-восточного Дагестана. При этом не в последнюю очередь следует подумать о персидских влияниях, как они засвидетельствованы историей страны (постройка Дербентской стены Сасанидами!) и как они уже были упомянуты в связи с искусством обработки металлов. Оставалось бы, далее, исследовать, в какой степени были определяющими местные северокавказские влияния. Я думаю при этом, например, о встречающихся и на чеченском плоскокрышем доме плетёных стенах, древность которых и ещё нынешнее преобладание для Северного Кавказа, особенно его северо-запада, засвидетельствованы. Тацит упоминает (по Куфтину) эту строительную технику дома, например, при описании укрепленного города сарматов Успу[117]. Гюльденштедт[118], т. I, с. 179, упоминает дома, стены которых состоят из плетёных, обмазанных глиной прутьев, из Кизляра и других мест нижней Терекской низменности.

[117] Тацит: Анналы, кн. 12, гл. 16.

[118] См. список литературы № 13, т. I, с. 179.

б) Чеченский дом с двускатной крышей

Если чеченский дом с двускатной крышей с его блестящей красной черепичной крышей и резко отличается в ландшафтной картине от дома с плоской крышей, сакли, то в постройке и распределении помещений они всё же имеют очень много общего. Оба только одноэтажны, имеют в лучшем случае под собой ещё подвалообразный нижний этаж, который нельзя назвать этажом. Оба, далее, если можно так выразиться, дома-«узкие», т.е. они всегда только на одну комнату вглубь, комнаты никогда не лежат одна за другой, а всегда рядом. У дома с двускатной крышей эта планировка часто достигает границы практического и полезного; я видел дома, которые состояли из пяти лежащих рядом жилых комнат, которые по большей части не были соединены между собой, а имели каждая свой особый вход с веранды. Если домочадцы увеличивались, например, потому, что взрослые сыновья женились, то просто пристраивали жилую комнату в линию остальных комнат. Рис. 21 показывает такой дом в расширении, точнее, в удлинении, пристройка которого имеет свой особый вход и внутри не имела дверного соединения с остальным домом. Этот тип дома можно ещё считать довольно примитивным, так как расширение, математически выражаясь, представляет собой лишь сложение в непрерывной линии, ещё не размножение, действующее в двух направлениях. Правда, я наблюдал и многочисленные дома, которые состояли из трёх комнат, но имели лишь одну входную дверь, ведущую в среднюю комнату, из которой затем были достижимы обе внешние комнаты. Средняя комната представляет в этом случае своего рода переднюю, которая в общем не служит жилым помещением. В отделяющей переднюю от жилой комнаты стене я заметил часто отверстие около 40×40 см на высоте около 1 1/2 м от пола; поставленная там лампа могла тогда освещать обе комнаты. У более зажиточных и вообще у более новых домов, особенно на равнине, я находил обыкновенно в средней комнате через тонкую стену ещё маленькую комнатку (рис. 48), в которой я тогда всегда помещался, равно как и другие гости. Так как эта комнатка занимает обычно две трети средней комнаты, то остающаяся треть образует своего рода коридор или переднюю, из которой достижимы все три комнаты. У домов, средняя комната которых не

разделена указанным образом, служит обыкновенно расположенная справа комната жилой для семьи, расположенная слева - гостевой. Я наблюдал, однако, и обратное расположение.

Стены дома с двускатной крышей состоят из обмазанного глиной плетня из крепких прутьев, который горизонтально вьётся вокруг стоящих примерно на 1/2 м друг от друга столбов. Строящийся дом показывает рис. 22; снимок даёт хорошо рассмотреть бревенчатый и плетёный остов целого и избавляет от более близкого описания. Здесь также запланирована лишь одна входная дверь. Кажется, этот план дома всё больше берёт верх, т.е. решаются заранее на устройство трёхкомнатного дома, три ячейки которого тогда уже образуют органическое целое.

У крыш преобладает в общем вальмовая крыша, и притом всегда полная вальма. Довольно часто можно встретить, однако, и прямо обрезанные крыши, фронтоны которых тогда большей частью зашиты досками. Покрыта она черепицей, которую люди сами выделывают в примитивных черепичных печах. Потолок комнаты образован дощатым настилом, который соединяет между собой несущие всю стропильную систему поперечные балки, стоящие примерно на 1 м друг от друга. Сама же стропильная система не обитаема и не используется для размещения сена или соломы или иного хозяйственного инвентаря. Она и не оборудована для этого; это явствует уже из того, что ни оконное, ни люковое отверстие не прерывает крыши, через которое наподобие нашей сельскохозяйственной практики можно было бы складировать хозяйственные товары, ни лестница туда не ведёт. Её можно достичь лишь с помощью обычной лестницы с веранды, причём приходится пробираться между выступающими спереди и поддерживающими потолок комнаты балками.

Если сравнить, таким образом, дом с плоской крышей и дом с двускатной крышей, то они различаются существенно лишь формой крыши, т.е. только внешним, но преимущественно формой крыши определяемым образом, но не планировкой помещений. Ибо и трёхчастный дом лишь с одним входом можно там и здесь наблюдать и у домов с плоскими крышами. Важнее, чем мои собственные наблюдения, является мне здесь свидетельство Марковича, так как его указания отстоят от нашего времени почти на 50 лет назад, ко времени, когда в Ичкерии двускатная крыша, по-видимому, ещё вообще не проникла, следовательно, русское влияние в отношении домостроения ещё нельзя было предположить. Он прямо упоминает (с. 314), что из расположенной в середине передней ведёт дверь в гостевую комнату, другая - в семейную комнату. По его данным, напротив, сакля беднейших чеченцев состоит из одной комнаты и передней (русск. «сени»); комната же в этом случае достижима только через переднюю. Эту последнюю форму я встречал только однажды, в Хочарое. В остальном, как уже изложено, при двухкомнатных домах комнаты не имели соединительной двери, однако двери, ведущие из обеих комнат на веранду, лежали прямо рядом, чтобы сократить путь из одного помещения в другое. Можно было бы, следовательно, из указаний Марковича вывести, что чеченцы сами, без русского влияния, перешли к упомянутому трёхчастному делению дома с расположением передней в середине. Таким образом, на привычный дом с плоской крышей была только поставлена черепичная двускатная крыша, так как она более пригодна для дождливого климата. Как мало чеченцам нужно было для этого переучиваться, видно прежде всего из устройства

веранды, которое происходит точно так же, как у дома с плоской крышей (рис. 22), т.е. посредством выступающих поперечных балок, которые покоятся на брус, который, в свою очередь, поддерживается рядом колонн. Здесь, как и там, веранда органически связана с домом, обе части осенены одной и той же крышей. Число поперечных балок, конечно, значительно уменьшено, так как им больше не нужно нести тяжесть земляной крыши; точно так же отсутствует проходящий под поперечными балками обыкновенно ещё толстый продольный брус (русс. «матица», чеченски: «дукаха»).

Итак, мы имеем, в сущности, быть может, не с новой формой дома, а только с новой формой крыши, и этот факт объясняет нам теперь необычайно быстрое распространение дома с двускатной крышей. Действительно другая форма дома едва ли смогла бы так быстро утвердиться.

Очаг, который от дома с плоской крышей был описан, но в нём уже часто отсутствует, в доме с двускатной крышей исчезает полностью. Но в то время как в сакле он заменяется маленькой железной печкой с длинной жестяной трубой, в доме с двускатной крышей появляется другая форма печи, как она изображена на рис. 49. Печь сложена из глины, всегда выбелена, стоит на коротких ножках и при её сравнительно небольшом весе является переносной. При трёхкомнатном доме она обычно пристроена к стене, отделяющей жилую комнату от передней. В эту стену тогда в этом месте вставлен лист железа площадью около 1/4 кв. м, который передаёт тепло в находящуюся в передней, как указано выше, устроенную маленькую гостевую комнату. Уют этой маленькой комнаты благодаря этому значительно повышается; гость не должен быть потревожен топкой печи и приготовлением пищи. Бросается в глаза, что дымоходная труба поднимается не от заднего, а от переднего конца печи. Печь спереди не закрыта; поэтому горшки часто ставят спереди к открытому огню, хотя в верхней крышке позади дымохода обычно вставлена либо плита, либо котёл. Открытый уютный огонь и большая тепловая мощность этой печки делают её очень популярной и обеспечивают ей широкое распространение. По сообщениям чеченцев, они переняли эту форму у русских; они называют её также русским словом «печь», которое они произносят «песь». Было бы интересно установить, с каких пор эта печь встречается у русских. Я не нашёл её ещё нигде изображённой или описанной, и при взгляде на её форму у меня возникает почти мысль, что здесь речь идёт о выполненном в глине подражании маленькой железной печке.

Дымохода дом не имеет; довольствуются тем, что выводят дым только через потолок комнаты на чердак и дают ему там уходить через щели крыши.

Кстати, здесь следует упомянуть ещё одну печь, которая, впрочем, не имеет уже ничего общего с домостроением, а именно печь для обжарки кукурузы. В противоположность только что упомянутой чеченцы считают её своим собственным изобретением, что, впрочем, следует принимать с осторожностью. Они называют её «кюрк». Она тоже сооружена из глины и отличается от «песи» тем, что больше и тяжелее, не имеет ножек и особого дымохода. Так как она стоит в открытом сарае, то такой и не требуется; дым выходит наружу через переднее отверстие (рис. 50). Дно печной полости разделено низкой

стенкой высотой около 10 см вдоль на две неравные части. В меньшей разводится огонь, в большей рассыпается кукуруза и под постоянным перемешиванием то ближе, то дальше придвигается к огню. Зёрна, именно, перед помолом обжариваются. В действии я такой печи не видел, однако процесс был мне описан указанным образом.

В горах дом с двускатной крышей стоит обычно свободно, без ограды двора, точно так же, как и сакля; хлева и прочие хозяйственные помещения находятся либо в подвалообразном нижнем этаже, который требуется для выравнивания неровной почвы (рис. 21), либо в пристройках. На равнине по рассказам людей усадьба была ограждена кругом плетнём; между ним и домом находился маленький кукурузный сад, в котором после сбора урожая кукурузная солома ставилась на полях в тесных кучах. Снаружи через сад вела к дому узкая дорожка, которая, в свою очередь, была сопровождена плетнями. Сегодня на равнине повсюду господствует четырёхугольная форма двора, которая, безусловно, перенята у русских. Двор образуется здесь прямоугольным расположением хозяйственных построек. Сзади, т.е. напротив жилого дома, он большей частью ограждён лишь плетнём, к которому примыкает большее огороженное пространство, в котором складывается кукурузная солома. Большая часть соломы остаётся в поле и привозится только по мере надобности. Сараев для соломы или зерна не знают. Сараи для хранения хозяйственного инвентаря обычно ограждены наружу лишь грубой дощатой стеной и с дворовой стороны большей частью открыты. В части сарайного здания устроен прочный ток, который с дворовой стороны ограждён полуметровой глиняной стеной; здесь выколачиваются кукурузные початки и зёрна обжариваются в «кюрке». Также здесь стоит «песь», в которой в жаркое лето варят, чтобы сохранить в доме приятную прохладу. Во дворе или в открытых сарайных помещениях стоят на низких столбах большие корзины для кукурузных початков, которые в среднем 1 1/2 м высотой, 3–4 м длиной и 1/2 м шириной; встречаются и значительно большие. Они обыкновенно защищены маленькой черепичной крышей или прикрыты кукурузной соломой. Такая же крыша возвышается и над воротами двора (рис. 21).

Если жилые дома и стоят большей частью с уличной стороны, то принципиально они достижимы только со двора, а так как уличный фасад домов в общем не имеет также окон, то уличные ряды сёл на равнине производят довольно унылое и скучное впечатление. О форме поселений на равнине см. с. 18.

с) Единичные случаи других форм жилищ или видов укрытий

1. Глинобитные дома со слегка изогнутой земляной крышей

Один такой я нашёл в большом селе Старая Атага на левом берегу Аргуна близ подножия гор. Его стены были сложены из глиняных лемехов[119], перемешанных с соломой или мякиной. Деревянного и плетёного остова, как у дома с двускатной крышей, я не мог установить; стена была очень грубая и безыскусно сложена и имела довольно сильные неровности и искривления. Дом имел прямоугольный план и был разделён на два помещения, которые были соединены низкой дверью, расположенной у передней стены

дома. Входная дверь вела в правую комнату, в задней стене которой был устроен большой камин обычного у саклей вида, на лицевой стороне которого было выпукло вылеплено серповидное изображение с находившейся под ним точкой. Кривизна крыши достигалась благодаря форме обеих узких стен дома, верхние края которых в лёгкой дуге поднимались над боковыми стенами почти на 1/2 м. Сама крыша поддерживалась двумя продольными балками, которые на расстоянии примерно 1 1/2 м друг от друга покоились на узких сторонах по обе стороны от их вершинных точек. Крыша разделялась благодаря этому на три части, каждая из которых была покрыта слоем крепких жердей соответствующей длины, которые, в свою очередь, обычным образом покрытые хворостом и соломой, несли земляную крышу, округление которой не давало более узнать края трёхчастного стропильного остова. Потолка комнаты, конечно, не было; видишь над собой непосредственно стропильный остов со слоями жердей. Веранда, правда, существовала, но, естественно, не была органически связана с домом, а была только снаружи пристроена. Веранда и дом лежали совершенно на уровне земли.

[119] В оригинале "Lehmpatzen" - комья глины, глиняные лепёшки. Использован термин «глиняные лемехи», чтобы передать грубую формовку, но можно и «глиняные комья».

Кроме упомянутого примера из Атаги я не встретил больше таких домов нигде, если не считать некоторых домов в Беное и Ничелое, у которых, как мне казалось, были также изогнутые крыши; я мог их, однако, распознать лишь на некотором расстоянии и не мог исследовать точнее. Но, кажется, они раньше в Ичкерии существовали в большем числе, так как Маркович упоминает о них и даёт также их рисунок, который в общем и целом соответствует описанному мною дому. Важно замечание Марковича, что такие крыши появились лишь в новейшее время, т.е. в последние десятилетия прошлого века, и именно у более зажиточных. Я могу объяснить себе это явление только так, что ичкерийцы поняли недостатки плоской земляной крыши и сами перешли к конструкции более подходящей для их более дождливого климата крыши, чего они достигли описанным, безусловно, очень простым способом. Совершенно похожее явление упоминает Куфтин (с. 43) и из Крыма, где в области домов с плоскими крышами на южном берегу иногда встречаются слегка изогнутые земляные крыши. Кривизна крыши достигается там, правда, посредством повышенного расположения лишь одной продольной балки, так что крыша состоит только из двух частей. Маркович излагает только ичкерийские жилищные условия; можно, однако, предположить, что дом с изогнутой земляной крышей имел большее распространение и на равнине, как доказывает пример из Атаги.

Дома к северу от чеченской области на Кумыкской равнине и на Тереке были описаны мне как сакли из высушенных на воздухе глиняных кирпичей (русс. «саманные») или плетёные с низкими, обмазанными глиной тростниковыми крышами. Насколько это верно и могут ли эти дома быть связаны с только что описанной формой, я должен оставить открытым.

До господства этого дома в горах, однако, не дошло, так как примерно в то же время - разумеется, при условии, что указания Марковича верны в отношении времени появления

слегка изогнутой земляной крыши - стала известна и двускатная крыша, которая имела ещё большие преимущества.

2. Бревенчатые хижины

Единственное место, где я встретил бревенчатые хижины, находится южнее Беноя в отдалённой части Ичкерии примерно на верхней лесной границе незадолго перед подъёмом на Андийский хребет. Здесь лежали рядом около 10 хижин, которые, однако, уже были покинуты и, вероятно, служили хлевами и пастушьими жилищами для альпийского хозяйства нижних сёл. Так как я присоединился к группе дагестанцев, то не мог задерживаться дольше у хижин и могу указать только, что они имели примерно квадратный план, брёвна стен были сложены горизонтально друг на друга, окна отсутствовали и была плоская крыша, покрытая землёй. К сожалению, я упустил обратить внимание на то, каким способом брёвна в углах были соединены друг с другом. Вся хижина имела форму куба.

Если мне и не встретилось больше в чеченской области бревенчатых домов, то Иванов[120] (с. 53) упоминает около рубежа веков деревянные дома из Мереджоя в верхней области Фортанги близ границы с Ингушетией, которое, несмотря на своё высокое положение, очень богато лесом. Придётся, следовательно, считаться с возможностью, что во время, когда печально известные ичкерийские леса стояли ещё в полной нетронутости, там были больше распространены бревенчатые дома, последние следы которых ещё можно видеть в упомянутых пастушьих хижинах. По аналогии с ними у гипотетических прежних бревенчатых домов должны были быть плоские крыши, к предположению, с которым, вероятно, приходишь лишь с отвращением. Однако это было бы не без примера; плоскокрышие бревенчатые дома существуют, например, на Гиндукуше у кафилов.

[120] См. список литературы № 17, с. 53.

По существу, бревенчатые дома на северном склоне Кавказа не чужды; они встречаются, например, у осетин и карачаевцев, но там с низкой двускатной крышей.

3. Землянки

Группу землянок я встретил на альпийских лугах на северном склоне хребта Керкет на пути (тропе) от Сиверхи к Ригачой в Чаберлое и к озеру Эсен-ам. Эти также служили только пастушьими хижинами, но в начале ноября были ещё обитаемы. Та, в которую я зашёл, состояла из прямоугольного помещения со сторонами около 5 и 8 м, которое в средней своей части настолько же глубоко уходило в землю, насколько и выступало над ней. Далее к горе её крыша была почти на одном уровне с почвой, тогда как у входа возвышалась над ней примерно на 1 1/2 м. Покрыта она была плоской, построенной из крепких жердей крышей, которая поддерживалась несколькими столбами. Внутренность была разделена на

два неравных помещения - для пастухов и для скота. Первое имело каминнообразную нишу в стене справа от входа, в которой пылал открытый огонь, дым выходил через люк в крыше. Отдельной конструктивной частью был вход, образованный около 2 м длинным, крытым, подобным беседке коридором, дно которого слегка понижалось. Всё было покрыто землёй как сверху, так и с боков и ещё завалено упомянутым уже топливом - лепёшками навоза. Дверное отверстие было одновременно единственным световым отверстием.

Всё это живо напомнило мне землянки татар и армян в северных окраинных горах Армянского нагорья, которые я узнал в 1918 году. Особенно это касается формы входа. Внутренность у тех постоянных жилищ была, правда, гораздо уютнее. Из других областей Большого Кавказа до сих пор, насколько мне известно, не было известно таких землянок.

4. Пещерные жилища

Одно пещерное жилище я нашёл в слабо закарстованном известняковом нагорье южнее Сиверхи, на той же дороге, что ведёт мимо землянок. Пещера была отделена дощатой перегородкой с известковой побелкой довольно хорошо, в которой кроме двери было прорезано и световое отверстие. К сожалению, весьма дружелюбные жители по какой-то причине не разрешили заглянуть за дощатую перегородку. Глубокая пещера рядом служила овчарней. Что люди, как казалось, постоянно жили здесь, должно было иметь какую-то особую причину, так как я вообще ничего больше не слышал о ныне ещё используемых пещерных жилищах. Однако есть основание предполагать, что многочисленные пещеры известняковых гор раньше действительно служили жилищами. На это указывают многие легенды. Вблизи Акки должна быть в отвесной скале на значительной высоте над землёй пещера, у которой ещё теперь можно узнать следы маленького деревянного балкона. Она должна была быть достижима снизу, как и сверху, только системой лестниц. В этой пещере жил некогда храбрый чеченец со своей молодой женой, имевший много врагов в стране. Когда его однажды убили и принесли домой, она бросила лестницы в глубину и бросилась сама вслед за ними.

Также Иванов[121] (с. 53) упоминает вблизи Халхарой (Галанчож) около двадцати прежде, по слухам, обитаемых пещер; также у Халхарой должно быть несколько.

[121] См. список литературы № 17, с. 53.

5. Русские входные навесы и оконные украшения

В сёлах равнины недалеко от Грозного и в окружных центрах Шатой и Ведено административные здания обычно построены в известной по русским городам форме домов, т.е. в виде ящикообразных одно- или двухэтажных каменных домов с крытыми жёстью шатровыми крышами. Особенно повсюду вновь возникающие школы строятся в

этой форме и издалека выделяются из массы местных домов. Но и чеченские дома с двускатной крышей обнаруживают в этих сёлах иногда чисто русские элементы (русский в том смысле, что они переняты у русских). Сюда относятся прежде всего маленькие навесы над входом, которые устроены над маленькой лестницей, ведущей к входной двери. Они обыкновенно ограждены с боков лишь низкими перилами и спереди покоятся на двух колоннах. Большей частью они довольно мило стилизованы; особенно бросается в глаза фрезеровка или насечка потолка навеса в его передней половине, которую я довольно часто наблюдал в почти точно таком же исполнении. Подобным навесам встречаешь повсюду, хотя и в несколько иной форме, в Польше и Мазовии.

Концы карнизов крыши всегда своеобразно вырезаны и зазубрены, так что возникает изображение зубастой пасти. Иногда из пасти свешивается кусок железной ленты, которая должна, вероятно, изображать язык, или на спинке навеса укреплены крылообразные жестяные куски; всё это должно, вероятно, быть подражанием дракону. В городах Петровске, Грозном, Владикавказе и Ростове я находил этот навес или его крышу и на каменных домах. Там, однако, отсутствовали вертикальные подпорки; крыша поддерживалась косыми подкосами, которые были укреплены в стене.

Русского происхождения должен быть, вероятно, и род оконных украшений, которые я часто замечал в больших сёлах равнины, и именно на верхней деревянной обшивке окон снаружи. Они казались не выпукло вырезанными из дерева, а прибитыми. Существует много различных форм; сначала я был склонен принимать их за домовые знаки и т.п., но мне объяснили, однако, что этот обычай исходит только от столяров. В то время как здесь речь идёт о формах геометрического рода, я заметил в немецкой колонии Михаэльсдорф у Владикавказа также заимствованные из животного и растительного мира формы - фигуры птиц (двойные птицы), пальмовые или еловые ветви и тому подобное.

III. Основные черты чеченской обстановки жилища

Обстановка жилища чеченцев в различных типах домов в основных чертах одинакова. Различия возникают в основном лишь в том смысле, что по мере приближения к равнине местные предметы всё более вытесняются современными русско-европейскими, пока в окрестностях Грозного и в некоторых удобно расположенных местах гор почти уже не встречаются только последние. Поскольку здесь, естественно, описываются только местные предметы, то изложение относится прежде всего к более высоким горам, т.е. к области сакль и башенных построек.

Что касается прежде всего расположения чеченской обстановки, распределения мебели по комнате, то можно следующее считать правилом. Передняя стена, в которой находится входная дверь с веранды, занята в середине широким камином, тогда как дверь остаётся сбоку (рис. 51). Самая удалённая от двери боковая стена на всём своём протяжении занята так называемой «тахтой» - прочной деревянной лежанкой шириной около 1 м и высотой почти 1/2 м, задняя стена - многоярусной деревянной этажеркой для помещения посуды,

одеял и подушек, а другая, ближайшая к двери боковая стена - обычно одним из больших хлебных или мучных ящиков и, возможно, ещё некоторой мелкой утварью. Над тахтой висят на гвоздях оружие, иногда также одежда и конская сбруя. Середина комнаты всегда свободна, низкие скамейки и стулья стоят вокруг очага. Ковры как покрытие пола в отдалённых горных местностях не приняты.

Тахта у беднейших покрыта тамошними овечьими шубами или домоткаными шерстяными одеялами, у более зажиточных - известными восточными коврами, которые, однако, чеченцы сами не изготавливают; большей частью это дагестанские изделия. Тахта - общее спальное место; кому на ней нет места, спит на полу. Днём же она служит, прежде всего, и как сиденье. Приходят гости, так на ней принимается и еда, тогда как иначе для этой цели усаживаются у очага. Сидят при этом на безыскусных трёхногих табуретах с полукруглым сиденьем; в отдалённых высокогорных долинах существует рядом с ними другая форма с большей частью просто орнаментированной передней стороной, треугольным сиденьем и узкой, решётчатой спинкой (рис. 52), которую я видел также у хевсуров из Шатилия. Обычную у восточных народов позу на корточках я наблюдал у чеченцев лишь изредка, зато постоянно у азербайджанских татар. Скамей я не находил нигде.

Что касается спальных мест, то следует ещё упомянуть, что существуют и кроватные ящики, которые по своей форме примерно соответствуют нашим кроватям, т.е. имеют более высокие переднюю и заднюю стенки, верхний край которых в одном случае был оформлен в виде, показанном на рис. 35. Я находил их, однако, большей частью только в гостевой комнате, где они и предлагались мне как лежанка, что я, однако, из-за их недостаточной длины по возможности отклонял. Я почти готов предположить, что они принадлежат к кавказскому культурному достоянию, и на том основании, что я видел их и в бедных дагестанских сёлах (например, Тад-Инчу на Андийском Койсу) и, прежде всего, у шатильских хевсуров, известных как самые дикие и первобытные из всех кавказцев, у которых, следовательно, о каком-либо новейшем европейском или русском влиянии едва ли может быть речь. В общем и целом эти кроватные ящики не слишком часты.

Высокие столы с большой прямоугольной доской встречаются только в сёлах равнины или в транспортных центрах гор и должны рассматриваться как русское заимствование, если они уже и сколочены самими чеченцами. Для первоначального чеченского дома характерен едва 1/2 м высотой, трёхногий, круглый столик, который обыкновенно стоит где-нибудь в углу, при посещении гостей, однако, придвигается к тахте и служит обеденным столом; другого назначения он не имеет (рис. 53). В более редких случаях столешница может иметь приподнятые края наподобие миски; мы будем иметь, следовательно, в сущности, лишь поставленную на ножки еду[122]; это, вероятно, первоначальная форма стола вообще. Не приходится сомневаться в характере миски у столика, воспроизведённого на рис. 54, который имеет прямоугольную форму. Он был чрезвычайно прочен и тщательно сделан и мог без дальнейшего содержать и жидкости. Бросаются в глаза рокайльно изогнутые ножки; в поперечном сечении они показывали полукруг, причём гладкая поверхность была обращена внутрь, круглая - наружу. Не мог я объяснить себе также петлеобразное просверливание на нижнем конце ножек, которое имело прямоугольную форму; возможно, сквозь него продевался кожаный ремень и столик на нём подвешивался. Эти столики-миски

- так их можно, пожалуй, назвать - появляются и на другом конце Центрального Кавказа, именно у сванов; можно будет, следовательно, заключить, что они употребляются и у народов, живущих между чеченцами и сванами. По рисунку Мерцбахера[123] сванские имеют вытянуто-прямоугольную форму, стоят на четырёх ножках, которые попарно вилообразно поставлены друг против друга, и, по-видимому, сделаны грубее. Сваны употребляют столик-миску при поминальных тризнах. Аналогично будут, вероятно, и чеченские и хевсурские столики-миски служить или служить культовым целям. (Упомянутый прямоугольный, красиво сделанный кусок с петлями на ножках я нашёл хотя в кистской Мелхисте, в отдельном укреплении Икишло или Икильче, но по словам владельцев он происходит из соседнего хевсурского Шатиля.)

[122] Или «еду на ножках», имеется в виду, что это, по сути, миска (блюдо) на ножках.

[123] См. список литературы № 28, т. I, с. 448.

Параллельные явления этому встречаются снова на Балканах, как показывает изображение одной боснийской кухни у Бушана[124], т. II, ч. 2, с. 93; низкие, круглые обеденные столы висят там на стенах. В Албании, по Нопче[125], с. 102, на месте ножек - низкие дощечки, которые приподнимают круглую плиту примерно на пядь от пола. Аналогичные столы, по сообщению господина профессора Шульца, распространены во всей Средней Азии. У одного свайного строения латенского времени в долине Эч[126] нашлась, по Хаберланду[127], прямоугольная миска с остатками ножки.

[124] См. список литературы № 5.

[125] См. список литературы № 31, с. 102.

[126] Вероятно, имеется в виду Эч (Etsch) - река в Тироле/Италии (Адидже).

[127] См. Бушан, лит. № 5, т. II, ч. 2, с. 485.

Из деревянной столовой посуды особенно интересны большие тяжёлые тарелки, которые достигают более 1/2 м в диаметре, будучи при этом выточенными из одного куска. Изготавливаются они посредством особых маленьких водяных мельничных установок, которые Маркович также описывает из Ичкерии. На вертикально стоящее лопастное колесо изливается из отведённого от ручья жёлоба сильная водяная струя, благодаря чему горизонтальная ось, на которую насажено колесо, приводится во вращательное движение. На другом, заострённом конце оси насаживается толстый спил ствола, который должен быть обработан в тарелку. Выдалбливается вращающийся кусок посредством ножа, изогнутого крючком на верхнем конце. Конец оси, у которого работает сидящий в углублении мастер, обыкновенно находится под защитной крышей.

Большие тарелки интересны ещё особенно тем, что в их середине часто сидит ещё маленькая чашка, которая, однако, не прибита и не приклеена, а выточена вместе с тарелкой из одного куска (рис. 55). На этих тарелках обычно гостю подаётся еда; пока на площади

тарелки лежат куски мяса, плоские мучные клёцки («хингал») и куски хлеба, маленькая чашка содержит сильно солёный и с луком приправленный мясной бульон, в который обмакиваются сами по себе несолёные клёцки, а также и куски мяса.

Ту же тарелку я нашёл однажды и в медном исполнении, причём маленькая чашка была, конечно, припаяна. Так как чеченские мастера, по моим наблюдениям, не выполняют такой работы, то это было, во всяком случае, дагестанское изделие. Как выгравированный орнамент он имел так называемую пальметту, которая в чеченской области чужда, но, по Бакланову[128], с. 52, употребляется кубачинскими ювелирами и, по-видимому, широко распространена на Востоке. Так же, вероятно, имеют большее распространение и тарелки с чашкой-посередине.

[128] См. список литературы № 1, с. 52.

Эти большие тяжёлые деревянные тарелки, а вместе с тем и способ их изготовления, однако, всё более и более выходят из употребления, так как уничтожение лесов всё больше распространяется и деревья требуемой толщины встречаются лишь в труднодоступных местах. Но прежде всего, в горы всё больше и больше проникает европейский фабричный товар, который выходит значительно дешевле, чем трудно изготавливаемые примитивными средствами деревянные сосуды чеченского мастера.

Наряду с большими существуют, конечно, и другие, более мелкие тарелки, миски и чашки из дерева. Также вырезаются ложки, но они не имеют той широкой, безносой формы ложки, которая употребляется в России и Польше сельским населением, а форму нашей столовой ложки. В каждом доме есть также большой, с длинной ручкой ложка с широкой, плоской и многократно продырявленной чашкой, предназначенная для выуживания кукурузных клёцок из кипящей воды.

Ложки обыкновенно торчат в продырявленной рейке, которая может быть прибита, например, к большим хозяйственным ящикам. Ещё чаще эта рейка прибита к особой, повешенной на стену дощечке, которая большей частью заканчивается остриём и имеет зубчатые края (рис. 56).

Из очажных принадлежностей уже упоминалась цепь для котла (рис. 57). Она обыкновенно имеет длину более 1 м и может быть очень различной толщины. Нижний крюк для подвешивания котла может быть, например, в ладонь шириной. Железо всегда своеобразно свито и вытянуто. Более лёгкий крюк в нижних звеньях цепи может в случае необходимости быть зацеплен выше и тем вызвать укорочение цепи или соответственно подтягивание котла. Говорят, что цепь прежде была символом не только очага, но и всего дома и почиталась священной; поэтому её и не продавали. Я знаю это, правда, только из литературы; сам я ничего об этом не мог больше установить; может быть, когда-то так и было. Я без труда смог приобрести цепь. Если в других случаях и сопротивлялись, то,

вероятно, только потому, что неохотно расставались с красивой, крепкой цепью, единственной в своём роде в чеченском хозяйстве.

Из старых очажных принадлежностей я приобрёл ещё тяжёлый кованый крюк, три зубца которого на конце оканчивались маленькими крючочками. Также железный, витой стержень был длиной 1/2 м (рис. 57). Об употреблении этих крюков я не могу сделать никаких сообщений, так как я никогда не видел их в употреблении.

Горшки имеют все более или менее пузатую форму, с наибольшим диаметром в верхней половине, никогда не чисто цилиндрическую. Особую форму имел тип котла, который был около 40 см в диаметре и имел форму полой полусферы (рис. 58). Вместо ручек его верхний край имел около 10 см шириной горизонтально выступающий наружу венчик, расчленённый промежутками на три части. Из-за отсутствия ровной опорной поверхности он стоял на трёх пальцеобразных, заострённых к низу шипах. Такие котлы отливаются в Дагестане, например, в Кубачи, откуда он, вероятно, и происходил. На упомянутом венчике я нашёл выгравированным орнамент, показанный на рис. 59; возможно, это должен был быть также и клеймо мастера.

В башенных сёлах Мелхисты я находил также местами огромные медные котлы почти 1 м высотой и 3/4 м наибольшим диаметром, также слегка пузатой формы (рис. 60). Они были склёпаны из около 15 см шириной, перекрывающих друг друга, вертикально расположенных длинных пластин; отдельные заклёпки стояли на расстоянии всего 5 см друг от друга. Они служили там для хранения зерна. Но первоначально в них варилось пиво, обычай, который известен у многих кавказских горских народов, также и у ставших мусульманскими. Мне его, например, однажды подали в казикумухском селе Хосрек; также пил я его и у хевсуров. Правда, я думал, что пью совершенно не свежее эрлангенское или мюнхенское, как пишет Радде по случаю своего путешествия к хевсурам; мне оно, напротив, казалось довольно постным и пустым. Радде описывает процесс пивоварения у хевсуров подробнее[129] и упоминает при этом, что подобные котлы клепаются в Телави в Кахетии; их ценность в 1876 году оценивалась в 100–200 рублей. Наверняка такие пивоваренные котлы изготавливаются и в Дагестане.

[129] См. список литературы № 36, с. 221.

Водка из зерна у кистов ещё и сегодня курится; особенно расхваливали мне майстинскую. Правда, и этот напиток, который с большой гордостью и выжидательной миной подавался мне простодушными горцами, я не мог одобрить по вкусу, признаюсь, однако, что я в этом вопросе не слишком сведущ.

От хевсуров, осетин и сванов мы знаем, что употребление пива и водки играет большую роль в церковные праздники и также на семейных торжествах, к которым относятся и похоронные обряды, что, следовательно, им присуще культовое значение. Сходными

обстоятельствами мы будем должны считаться для прежних времён и у чеченцев, в высокогорных округах, быть может, и для настоящего. Если мне и не имеется в распоряжении наблюдений по этому поводу, то это предположение не будет необоснованным при непосредственном соседстве хевсуров и ввиду того факта, что кисты ещё не так давно исповедовали такое же языческо-христианство, как хевсуры ещё сегодня.

Особого внимания заслуживают большие деревянные ящики, лари или сундуки, как их теперь ни назови. В одном доме их бывает часто по несколько экземпляров, и стоят они либо на одной из боковых стен в комнате, либо под верандой. Есть из них меньший тип, служащий главным образом для хранения муки и называющийся «кьен» (с носовым «н»), и больший - для зерна, бобов и т.п. - с именем «ссер». Первый обыкновенно более 1 м в ширину и 70–80 см высотой (рис. 61), последний может быть хорошо 1 1/2 м высотой и достигать ширины стены комнаты. Построены они обыкновенно очень солидно и прочно из твёрдых, крепких досок; что они могут пережить целые поколения, видно из того, что люди часто уже не знают, который из их предков сколотил когда-то сундук.

При постройке старых ящиков вообще не применялось железа. Остов образуют четыре угловых столба, в которые впазованы доски стен и которые одновременно служат ножками. Так же верхние и нижние кромки стен состоят из брусьев; деревянные гвозди держат их шипы в вертикальных столбах. Доски стен обыкновенно не длиннее 1 м и 20 см шириной; поэтому в боковых поверхностях ящиков устроены ещё вертикальные брусья, в которые короткие доски стен могут быть также впазованы. В зависимости от ширины ящика его стены разделены на два-четыре поля. Такие короткие, происходящие от разобранных ящиков доски видишь иногда в жилищах.

Эти ящики являются главным источником для изучения чеченской орнаментики, которая уже была подробнее рассмотрена в особой главе. При распределении орнаментов по поверхности ящика соблюдается большей частью определённая схема, поскольку угловые столбы обыкновенно несут угловатые узоры, ромбы, вписанные друг в друга углы и т.п., горизонтальные же доски стен - круглые орнаменты. Техника колеблется при этом между прекраснейшей, тщательной резьбой и грубой насечкой; без всякого орнамента ящики встречаются реже всего. Но и это красивое народное искусство, кажется, всё более и более исчезает, так как нынешнее поколение не имеет ни способности, ни охоты к этому. Один чеченец сказал прямо, что люди в прежние времена должны были быть ужасно глупы, что они тратили столько труда на такую бесполезную работу.

Нахождение ящиков, особенно больших «ссер», ограничивается более высокими горами, т.е. областью плоскокрыших домов и башен. Что они не употребительны в Ичкерии и на равнине, имеет, по-видимому, главным образом хозяйственные причины. Зерно, для хранения которого «ссер» прежде всего и предназначен, там уже не выращивают, а почти только кукурузу. Её же початки выколачиваются только по мере надобности, и зёрна тогда же мелются; початки хранятся в, как уже упоминалось, стоящих во дворе на столбах высоких корзинах. Возможно, однако, что хранение зерна в ящиках - вообще особенность хозяйства горного крестьянина. Поскольку у него, естественно, скотоводство - важнейшая

отрасль хозяйства, а пахотная земля обычно так мала и скудна, что не может покрыть годовой потребности семьи в зерне, то один или несколько ящиков могут с лёгкостью вместить весь урожай. Крестьянин равнины, напротив, которому доступны более крупные и плодородные земли, не может больше хранить своё зерно в доме и должен устраивать особые амбары. Что горный чеченец ставит свои хлебные ящики в доме, по возможности даже в жилой комнате, делается, вероятно, не только для удобства, но и из соображений безопасности. Особенно житель башни должен был быть заинтересован в том, чтобы в случае нападения враждующего рода или, что тоже бывало, в случае длительной осады его крепости иметь беспрепятственный доступ к своим запасам.

Эти хлебные ящики, кажется, распространены по всему Кавказу. Я находил их ещё в Дагестане, и от сванов Мерцбахер часто упоминает большие, прочные сундуки для запасов, которые там тоже стоят в жилых комнатах и имеют «грубую резьбу»; о виде орнаментов Мерцбахер, к сожалению, ничего не сообщает.

Я уже месяцами бродил по чеченским горам и вечер за вечером останавливался всё в новом доме, но никогда не видел других предметов мебели, кроме описанных до сих пор, и особенно в отношении деревянных ёмкостей я полагал, что «ссер» является их самым развитым представителем, что, следовательно, принцип шкафа был ещё совершенно неизвестен. Одна единственная находка поучает меня, однако, иному. В богатом этнологически интересными вещами селе Теретого в Мелхисте я нашёл в нижнем этаже одной жилой башни воспроизведённый на рис. 62 огромный шкаф. Он занимал одну сторону комнаты как по ширине, так и по высоте полностью, т.е. был около 2,5 м высотой, почти 4 м шириной и добрый 1 м глубиной. Кроме двух угловых столбов в передней стене стояли ещё три такой же толщины, которые, следовательно, расчленили весь фасад на четыре узких, высоких поля; в своих пазах они держали точно так же, как уже было описано для хлебных ящиков, короткие доски стен. Вся поверхность была сплошь покрыта резьбой, мотивы которой были обсуждены в другом контексте. Промежуточные поля между фигурами были также систематически заполнены резьбой; в принципе это были маленькие прямоугольники, у которых два противоположных угла были вырезаны, тогда как разделяющая их диагональ оставалась выпуклой. Торчащие из трёх средних столбов лошадиные головы имели практическое назначение - нести полку с разной посудой (при съёмке удалена). Эти скульптуры лошадиных голов вполне художественно выполнены и являются одновременно единственными скульптурами, которые мне вообще встретились в области чеченцев. Принципиально новым во всей мебели был, однако, факт, что она имела два этажа и была доступна через двери. Разделение на этажи достигалось внутри слоем поперечных досок. Каждый этаж имел свою собственную входную дверь, высотой добрых $\frac{3}{4}$ м и шириной $\frac{1}{2}$ м, которая вращалась в цапфах. Ведущая в верхний этаж дверь находилась на другом конце шкафа; чтобы можно было её достигнуть, под ней был пристроен к шкафу ещё двойной низкий сундук. Можно будет рассматривать его как так называемую сундук-скамью.

К сожалению, люди, населявшие башню, не знали русского. Единственное, что я мог узнать, было то, что «старый народ» построил шкаф, т.е. предки. Комната, в которой он стоял, казалось, не была постоянно обитаема. Сам шкаф был, кроме нескольких одеял и шуб в

верхнем этаже, также пуст. О его назначении я могу поэтому высказать лишь предположения. Возможно, что мы имеем дело с так называемой шкаф-кроватью. На эту мысль меня наводит рисунок в этнографии Бушана[130] т. II, ч. 2, с. 580, изображающий «двухэтажную шкаф-кровать, богато украшенную резьбой, с приставленной кроватью-сундуком» из Бретани. По Хаберланду[131] там же, с. 476, «на севере, в сквозных саксонских домах и вплоть до Бретани, а также в Англии спят в койкообразных двухэтажных встроенных в стену шкаф-кроватях». По тому же автору[132] (с. 496) «в северо-альпийской области, вероятно, из поставленных друг на друга двух сундуков с дверным затвором на передней стене вместо откидных крышек возник двухэтажный средневековый шкаф». Предположение об исключительно северо-альпийском происхождении теперь едва ли уже можно будет удержать; зато вполне возможным мне кажется, что чеченский шкаф развился из хлебных ящиков, так как он построен в той же технике.

[130] См. список литературы № 5.

[131] См. там же.

[132] См. там же, с. 496.

Однако я могу высказать мнение, что мы имеем в этом странном шкафу дело со спальным местом, лишь с осторожностью, так как такое в кавказских горах, насколько простираются мои наблюдения, было бы без примера. Пока этот предмет следует рассматривать как уникум; дальнейшие исследования должны ожидаться, прежде чем можно будет ближе определить его место в народной культуре чеченцев.

IV. Одежда

Как у многих других кавказских народов, так и у чеченцев прижился черкесский костюм. Его форма известна и не нуждается в подробном описании. Черкесская одежда, однако, отнюдь не стала родной повсеместно в чеченской области; её встречаешь преимущественно только на равнине и в предгорьях. Верхняя одежда, так называемая черкеска, при этом носится большей частью только вне дома, непременно при езде верхом в Грозный или по другим торжественным случаям. В доме, во дворе и на поле встречаешь мужчину обыкновенно только в так называемом бешмете - облегающем, часто доходящем до колен, приталенном нижнем кафтане, который нередко бывает из шёлковой материи. Он имеет стоячий воротник высотой около 3 см и застёгивается посередине груди тесно стоящими крючками. Столь же часто, однако, встречаешь вместо бешмета блузообразную одежду, также с высоким стоячим воротником, но свободно падающую и доходящую только до бёдер (рис. 7).

Штаны пышные и очень широкие, однако не преувеличенной формы, например, турецких шаровар. Переднего разреза нет. Держатся они посредством пояса-вздёржки, который туго затягивается поверх бёдер.

В более высоких горах черкеску видишь очень редко; лишь немногие владеют ею и носят её лишь по торжественным случаям. Чаще всего видишь её ещё в Мелхисте. Также и бурка, которую невозможно представить без образа чеченца-всадника на равнине, носится мало, так как она является по преимуществу предметом снаряжения всадника, бедные же горные чеченцы, у которых обыкновенно нет лошади, ходят большей частью пешком. Зато здесь повсюду господствует овечий тулуп, который носится прямо поверх нижней одежды, причём летом точно так же, как и зимой. По форме он, по-видимому, не отличается от того, который повсюду носят крестьяне на восточноевропейской равнине. меховая сторона, следовательно, обращена внутрь; он не имеет высокого застёгивающегося ворота, а оставляет у шеи и груди вырез, как и черкеска. Для изготовления одного тулупа нужны шкуры примерно пяти-шести баранов. Первоначально белая кожная сторона очень скоро принимает цвет земли. Её желтовато-коричневый оттенок прекрасно сочетается с окружающей средой известняковых гор, особенно в конце лета и осенью, когда альпийские луга потеряли свой зелёный цвет и лежат бурые и сухие. Щегольская черкеска с её сверкающими газырями и серебряным прибором пояса представлялась мне здесь всегда чуждым земле предметом. На равнине и в зелёных лесах Ичкерии она очень идёт свободно гарцующему на коне чеченцу; для голых известняковых гор, с их большей частью безоблачным небом и сильным излучением, овечий тулуп - не только живописное, но и, вероятно, по причинам здоровья, естественное одеяние.

Это в полной мере относится и к Дагестану. Рядом с обычной только что упомянутой формой овечьего тулупа в Дагестане носят две другие, очень своеобразные формы меховой одежды. У одной речь идёт о безрукавном меховом плаще-накидке, вся верхняя половина которого вплоть до бёдер покрыта ещё раз огромным меховым воротником, у которого, однако, меховая сторона обращена наружу. По обеим сторонам свисают свободно вниз лисохвостобразные образования, которые при ходьбе слегка колеблются (рис. 23). Эти тулупы чрезвычайно тяжелы, но, несмотря на это, охотно носятся аварцами и андийцами. Это объясняется тем, что ни холодный камин, ни маленькая железная печь не годятся для того, чтобы согреть комнату. Дагестанец берёт тогда один из этих огромных тулупов и легко обходится без очага. Но прежде всего он нужен ему, когда он сидит, болтая со своими односельчанами, что особенно зимой составляет большую часть его дневного труда. Подобные сходки происходят, равно как и сельские сходки, почти всегда под открытым небом, обыкновенно на плоских крышах. Домашним человеком чеченец и дагестанец, так же как и остальные кавказцы, ещё не стали. Жизнь мужчины протекает по большей части вне дома, если не считать областей, где сильно развито ремесло, что, впрочем, в восточном и юго-восточном Дагестане имеет место гораздо в большей степени, чем в интересующем нас здесь северо-западном, о чеченской области и говорить нечего. По своему значению как очаг и место для сна и как защита от непогоды дом в общем ещё не вышел за эти пределы.

Этот тяжёлый и красивый по форме тулуп придаёт своему носителю без дальнейшего черту мощи и достоинства и хорошо гармонирует с обычно серьёзным, рассудительным нравом северо-западных дагестанцев.

Рядом с ним существует и другая меховая форма, которая также служит накидкой и достаточно широка, чтобы носитель мог удобно в неё закутаться. Плечи, однако, проработаны менее, чем у первой формы, и отсутствует большой воротник. Самое бросающееся в ней, однако, - это рукава. Они до того несуразно длинны, что уже поэтому не могут быть использованы как рукава; они доходят до нижнего подола тулупа на высоте щиколоток и могут иногда даже волочиться по земле. К концу они так сильно сужаются, что нормальная рука уже не может быть через них просунута. О характере накидки обеих меховых форм говорит ещё особенно тот факт, что поясной ремень с неизбежным кинжалом никогда не носится поверх них, что при обычной плащеобразной форме чеченского овечьего тулупа всегда можно наблюдать.

Это характерно для резко выраженной природной и народной границы между чеченской областью и Дагестаном, что мехов-накидок на северо-западной внешней стороне Андийского водораздела больше не встречаешь. Также не известны они мне из других областей Кавказа. Как раз ввиду их небольшой области распространения было бы очень интересно установить происхождение этих в высшей степени оригинальных предметов одежды. О подобных несообразно длинных рукавах я вспоминаю, что видел в одном труде по русской истории костюма на парадном плаще одного русского боярина XVI века.

Головной убор чеченцев образует почти исключительно тяжёлая папаха, которая, следуя общему восточному обычаю, почти никогда не снимается, т.е. также и в доме и при омовении перед молитвой. Она имеет то широкую цилиндрическую форму, при которой мех образует только околыш, а верхняя часть состоит из сукна, то - и это, кажется, первоначальная форма - тупоконическую, так что внешняя сторона, следовательно, повсюду состоит из меха. При дешёвом, плохом мехе клочья свисают носителю часто глубоко на лицо (рис. 20). Высоких остроконечных меховых шапок не встречаешь почти ни у чеченцев, ни у дагестанцев. Бросается в глаза, однако, что Горшельт, художник-баталист кавказских войн, изображает чеченцев и дагестанцев всегда с высокими, откинутыми назад колпаками. Если предположить, следовательно, что рисунки Горшельта соответствуют истине, то за последние полвека нужно было бы принять изменение формы шапок, что, однако, маловероятно. Очень редко встречаются также гладкие, остроконические шапки, у которых меховая сторона обращена внутрь, так что волосы видны только в виде широкой каймы на их нижнем краю. Они напоминают по форме тибетские шапки. Как особый вид головного убора следует, наконец, упомянуть войлочную шляпу, которая, однако, также носится сравнительно редко. Цвет обыкновенно грязно-серый или светло-коричневый, форма безыскусная - круг с очень широкими, мягко свисающими полями, передняя часть которых большей частью откидывается наподобие юго-западной шляпы. В Дагестане она, по-видимому, уже не встречается. Особенно известна она стала по осетинам; на станциях Кубано-Черноморской области видишь её иногда и на головах русских поселенцев.

К черкеске носят часто длинные, облегающие, чулкообразные сапоги с тонкой подошвой и большей частью без каблука, поверх которых почти всегда надеты галоши. Длинный сапог, однако, как и черкеска, - только заимствованное благо. В более высоких горах знают

только сандалеобразную обувь из сырой, некрашеной кожи. К ней носят обычно простые доходящие до колен войлочные гетры.

Когда чеченец поднимается в горы, например, на охоту или для посещения скалистых, труднодоступных высокогорных пастбищ, он надевает свои «котурны»[133] («хулджи»). Это также сандалеобразные штуки, подошва которых, однако, состоит из ремённого плетения. Они достаточно широки, чтобы можно было вложить слой соломы или сена, чтобы неровности почвы через промежутки ремённого плетения не ощущались неприятно. Эти башмаки действительно очень хороши для горовосхождений. Ремённое плетение держится крепко и надёжно даже на покатых скалах. Я сам с большой пользой носил их и находил их гораздо более практичными, чем мои собственные подкованные горные башмаки; во-первых, они приятно лёгкие, а во-вторых, при мягкости подошвы можно сгибать стопу и при лазании также помогать пальцами ног. Туземцы с недоумением смотрели на мои тяжёлые горные башмаки и считали невозможным, чтобы я с ними вообще мог подниматься в горы. На влажных тропах, особенно в тающем снегу, тамошние котурны, правда, непригодны, так как сырость проникает; кроме того, ремни растягиваются и слабеют. По этой причине после перехода по снегу башмаки не вносят в комнату, а оставляют снаружи, чтобы попавший в ремённое плетение снег не растаял. В качестве цены за пару хороших котурнов обыкновенно назначают стоимость молодого барана, что в отдалённых горных сёлах составляет около пяти рублей.

[133] В оригинале "Kletterschuhe" - «котурны» или «скальные башмаки». Оставляю как «котурны» по контексту.

При хождении по обледенелым, покатым тропам подвязывают себе под подъём стопы род ледоходных шипов[134]. Инструмент состоит из железного кольца диаметром около 7–8 см, из которого в двух противоположных местах выкованы два направленных вниз, около двух см длиной острия, которые вдавливаются в лёд.

[134] В оригинале "Eisspitzen" - ледовые шипы.

В связи с этим я опишу также одну своеобразную форму снежных ступней[135]. Она видна из рис. 63. В качестве скользящей поверхности служит полоз, который имеет примерно ту же форму, что и обычный санный полоз с загнутым вверх концом, т.е. скользящей поверхностью служит узкая сторона, а не широкая. Длина полоза около 80 см. В него вставлен сверху сделанный из гнутого дерева крепкий лук, служащий рукояткой. Снежные ступни используются только детьми для зимних игр, как это видно уже из их малых размеров. Мальчик становится на них на деревяшки внутри лука, обыкновенно так, что ноги стоят наискось на деревяшках, т.е. направление движения и направление ног несколько расходятся. Луки он при этом прижимает, в зависимости от роста, к внешней стороне бёдер или к бёдрам, причём верхняя часть тела сильно наклонена вперёд. Произвольное руление при этом, вероятно, невозможно. Обычно вся детвора катится по одной и той же накатанной колее по склону.

[135] В оригинале "Schneeschuhe" - снежные ступни (снегоступы). Плетшке описывает примитивные детские «снежные ступни», похожие на маленькие сани или «ручные сани».

Я находил эти снежные ступни только в сёлах равнины и низких предгорий. Случайно ли это, что я не встречал их нигде в сёлах более высоких гор, я должен оставить открытым. Зато они сильно в употреблении у русских детей в Грозном. Возможно, что мы имеем дело с русским заимствованием. Очевидно, русское и чеченское название «салас»; русское слово «салазки» означает по словарю Павловского «маленькие сани, ручные сани», отсюда глагол «салазить» - «скользить, скользить»[136].

[136] В оригинале "ssalas" и "ssalasitj" - автор передаёт русские слова «салазки» и «салазить».

Так же как мужской, и женский черкесский костюм встречается у чеченцев, по-видимому, реже, чем первый. Самое бросающееся в нём - это застёжка на груди, осуществляемая двумя рядами серебряных пластин. Концы одного ряда содержат круглые отверстия, в которые могут быть просунуты пуговицеобразные концы другого ряда.

Обычный женский костюм прост и незатейлив. Это большей частью покупные хлопчатобумажные ткани. Платье падает без всякого покроя длинным прямым мешком. У щиколоток становятся видны широкие, завязанные снизу подштанники, обыкновенно красного цвета, по-видимому, такого же рода, какие носят и татарки, и армянки. Голову покрывает обычный платок, который дома носится свободно свисающим. Летом и почти всегда в доме женщины, в противоположность мужчинам, ходят большей частью босиком и носят в остальном ту же грубую обувь, что и мужчины.

Из украшений женщины носят серьги, браслеты и кольца; металл - почти исключительно серебро. Из меди состоят только простые маленькие полумесяцеобразные серьги без всякой гравировки или иной орнаментики, которые носят на равнине и в предгорьях. В более высоких горах появляются для того серебряные кольца диаметром 3—4 см, проволока которых имеет тесно сидящие утолщения, как будто она состоит из припаянных друг к другу маленьких шариков. Замыкаются кольца посредством смазанных салом пряденых нитей или шерстяных ниток; с этой целью сплюснутые концы проволоки снабжены маленькими ушками.

Другие формы сегодня уже не носят. Но они встречаются ещё в достаточном количестве в шкатулках населения. Самая распространённая из них та, у которой подвеска из серебряного листа образует полумесяц (рис. 66). Диаметр около 5 см; соединение концов проволоки осуществляется также нитями. Место соединения лежит не точно в середине соединяющей концы полумесяца проволоки, так как на неё приходится ухо. Оба кольца соединены под подбородком несколькими серебряными цепочками. При другой форме

серёг примерно того же размера на проволоку нанизаны вместо полумесяцеобразного листа серебряные шарики диаметром около 1 1/2 см. Обе формы серёг встречаются так же и в Дагестане.

В заключение несколько замечаний об одеждах или остатках одежд, которые я нашёл на скелетах в склепах Мелхисты. Они заслуживают особого интереса, поскольку резко отличаются от нынешних, там и во всей остальной чеченской области, носимых. Зато они обнаруживают поразительно большое сходство с ещё сегодня употребительной у хевсуров, чей своеобразный покрой известен. Они совпадают с ними в общем покрое и сильном тёмно-синем основном цвете, прежде всего они столь же кричаще пёстро украшены. Далее следует точное описание пёстрой отделки одного, по-видимому, мужского верхнего кафтана.

Ширина полосы отделки, сопровождающей разрез на груди с обеих сторон, составляла 3—4 см. Внутренний шов был окаймлён шнуром, свитым из синих и жёлтых нитей, сразу за которым следовал узкий красный. В середине полосы отделки тянулись два жёлтых шнура на расстоянии 1/2 см друг от друга, которые, имея около 3 мм ширины, были вшиты в синюю основную ткань. Поперёк всей отделки лежали затем на расстоянии около 5 см друг от друга по два широких красных поперечных шнура, которые состояли из двойных рядом положенных шнуров. Две нижние пары поперечных шнуров обеих сторон были связаны друг с другом, тем, что вокруг пуговицеобразно утолщённых концов поперечных шнуров одной стороны обвивались конечные петли противоположащих. Под прочно зашитым концом грудного разреза переходили продольные шнуры с одной стороны на другую.

На другом остатке одежды цвета были расположены противоположно, т.е. продольные шнуры были красные, а поперечные - жёлтые.

Воротниковая часть кафтана состояла из воротника высотой около 3 см, который был орнаментирован подобным же образом продольными и поперечными шнурами, причём поперечные шнуры снова лежали попарно рядом. Цвета из-за сильного выцветания нельзя было с уверенностью распознать; основной цвет, казалось, тоже синий, цвет шнуров - жёлтый и красный.

Нижняя подшивка кафтана была образована подобно грудной двойным жёлто-синим шнуром; примерно на 2 см выше следовала пара красных вшитых шнуров, а над ними на том же расстоянии пара жёлтых. Вокруг нижнего шва рукавов тянулась также жёлтая или красная оторочка, причём пространство между двумя шнурами заполнялось зигзагообразным шнуром того же цвета.

Подкладкой кафтану служила некрашенная шерстяная ткань. Остальная одежда состояла из нижней рубахи и штанов из той же ткани и того же цвета. Штаны, мне казалось, были не

такими пышными, как сегодняшние у чеченцев. Кроме того, нашлась ещё детская юбчонка с общей широкой продольной полосатостью.

Как же теперь объяснить различие между одеждами из склепов и нынешними, носимыми мелхистинцами? Можно было бы предположить, что здесь раньше жили хевсуры, чьё большое село Шатиль находится от Мелхисты в нескольких часах пути. Так, например, непосредственно соседнее с Шатилем кистское село Джарего, как меня уверяли жители, основано лишь во времена Шамиля, причём джарегойцы, принадлежащие все к одной большой семье Гела, хотят происходить из села Дишни у Итум-Кале. Предки в седьмом колене переселились оттуда, один в Гойти (на равнине), другой в Цацхой (западнее Итум-Кале). Но другой отправился в Мелхисту и был строителем башен Банаха. Оттуда было основано отдельное укрепление на Аргуне под некрополем Заинпхед, а отсюда уже заселено Джарего. Что Джарего молодого происхождения, видно и из того, что старые башенные постройки, в противоположность всей остальной Мелхисте, отсутствуют; село состоит лишь из низких плоскокрыших каменных домов, так называемых сакль.

Также и другие мелхистинские семьи указывали мне, что пришли с востока; люди из Бонисти, например, из Дая, одного села на Шаро-Аргуне (быть может, подразумевается и Дагестан), из Зинчмехки и Саахена из Хильдехарой, из Месхи, Басти, Нахарост и Басдета из Туга в Майсте (по указаниям бонистинцев). Однако на основе этих установок ещё нельзя выставлять определённые утверждения об истории заселения Мелхисты, для этого нужно было бы точнее проверить семейные предания.

Если Джарего и является, как доказано, молодым основанием, то остальные сёла существуют всё же достаточно долго, так что содержимое склепов, несомненно, происходит от них. Это относится прежде всего к склепам в селе Теретого. Но именно там я нашёл на остатках одежды тёмно-синий цвет хевсурского костюма. Остаётся, следовательно, только вывод, что теретегоцы лишь сравнительно недавно променяли свой старый костюм на нынешний. Судя по состоянию сохранности тканей и скелетов, смена костюма не может отстоять дальше, чем на сто лет. Если предположение о смене костюма справедливо, то мы имели бы в одеждах из склепов, вероятно, не только старый костюм мелхистинцев, а чеченцев вообще. Также и среди обуви, ещё имевшейся на скелетах, я заметил форму, которая сегодня у чеченцев уже не встречается, а именно это был доходивший примерно до середины икры голенище, первоначальный цвет которого, как казалось, был красным. Это был так называемый двухшовный сапог, т.е. голенище было сшито из двух кусков кожи; швы были расположены сбоку. Сапог имел каблук - нечто совершенно необычное в обуви кавказцев. Правда, набойки каблука были не прибиты к подошве, а вшиты между нею и верхней кожей, так что опорная поверхность пяточной части принадлежала к сплошной подошве. Набойки каблука были скошены вперёд, так что утолщение происходило постепенно. Сапог оканчивался спереди выраженным остриём, которое к тому же было сильно загнуто вверх; вследствие этого получалось поразительное сходство со своеобразными клювовидными башмаками, как они известны из немецкого прошлого. В опорную поверхность было вбито три железных шипа длиной около 1 см, которые при спуске с горы могли оказывать хорошую услугу. И это приспособление совершенно чуждо нынешней обуви туземцев.

V. Изготовление и использование войлочных материалов; войлочные ковры и их орнаментика

Самый известный продукт этого рода - бурка, известный кавказский плащ всадника, который при своей безрукавности, впрочем, скорее был бы назван накидкой или пелериной. Ход изготовления примерно следующий. Тщательно вымытая шерсть[137] сортируется по длинной жёсткой внешней шерсти и мягкой короткой подшёрстку овцы. Последняя образует основу бурки, которая при изготовлении расстилается на земле или на соломенной подстилке. Поверх неё следует слой длинных жёстких внешних волос. Сбрызнутый водой материал затем выминается, валяется и раскатывается до тех пор, пока не получит необходимой прочности. Затем готовый войлок снова многократно промывается, сушится и выминается. Наконец, длинные внешние волосы расчёсываются в правильное положение. Тем самым материал готов, и теперь происходит переработка неправильного куска в форму бурки, которая, как известная, не должна здесь описываться подробнее. Кавказцы, а с ними и многие русские, обычно очень гордятся этим кавказским изобретением и не любят, когда сомневаются в его преимуществах. Я всегда находил его очень непрактичным. От холода она защищает лишь мало, так как её нельзя застегнуть, и ветер имеет свободный доступ. Прежде всего нет возможности пользоваться руками. Хорошую услугу оказывает она в ночном лагере, так как можно удобно завернуться в неё. От дождя она даёт хорошую защиту; правда, тогда она становится очень тяжёлой на плечах. Для пешехода она поэтому менее пригодна, чем для всадника. У жителей более высоких гор видишь её лишь изредка. Пастухи носят там для защиты от сильных раннелетних ливней часто безыскусную накидку из грубой шерстяной ткани, которая повсюду в сёлах на примитивном ткацком станке изготавливается женщинами, особенно много в долине Хочарой. Особенно известно изготовлением и сбытом бурок большое северо-западное дагестанское село Анди.

[137] По возможности, для мытья используют часто встречающиеся щелочные источники.

Богатое применение войлок находит, конечно, для обычных шерстяных одеял, будь то для подстилок под сёдла, будь то для покрытия тахты. О войлочных шляпах уже была речь.

Особого упоминания заслуживают войлочные ковры, и именно из-за их своеобразной орнаментики, одинаково интересной по технике и форме. Для них нужны две разноокрашенные шерстяные ткани[138]; из цветов употребляются красный и синий, также чёрный и жёлтый. Из обеих вырезается теперь точно тот же орнамент, ширина полос которого обыкновенно 5 см. Обе полосы затем меняются местами, т.е. вырезка из красного ковра или шерстяной ткани вставляется в синий ковёр и наоборот. При вшивании вставленных орнаментальных полос они большей частью ещё обрамляются белым кантом. Величина этих ковров колеблется от 1 до 3, в редких случаях до 4 кв. м, всегда прямоугольной формы. Они служат, впрочем, как для покрытия пола, так и для украшения стен. Цена за ковёр большого формата в 1928 году достигала, однако, 20–30 рублей[139]. Орнаментика по своей форме определена техникой изготовления, которая требует возможно больших связных линий и полос определённой ширины. Мелкая кропотливая

работа, которую можно встретить в известных восточных коврах, здесь, следовательно, не может ожидаться. Характер орнаментов не без дальнейшего можно назвать растительным, как кажется на первый взгляд. Отдельное исполнение линий, конечно, так и выглядит, особенно их бесконечное разветвление и ответвление и цветкоподобные образования в углах меандровых линий. В построении целого можно, однако, распознать и заимствования из простых орнаментов или символов геометрического рода, среди которых назовём прежде всего разнообразно составленные спирали, как ясно видно из рис. 24.

[138] В оригинале "Woilache" - вероятно, «шерстяная ткань» (Wollache). Оставляю как «шерстяная ткань».

[139] При этом следует, однако, принять во внимание необычайную, повсеместно господствующую в Советской России дороговизну промышленных товаров, которой подчинились и цены на кустарные изделия.

Подобные войлочные ковры должны быть, вероятно, вообще широко распространены на Востоке. По моим наблюдениям, они, однако, там, где чеченский народ сохранился в наиболее первобытном виде, т.е. в отдалённых башенных областях, не изготавливаются, так же как и у хевсуров. Зато они в изобилии встречаются на равнине, прежде всего мне был назван в качестве места изготовления большое село Старый Юрт, которое лежит уже на северном склоне низкого так называемого Терско-Сунженского хребта недалеко от Терека и горячих источников Горячеводска. Что изготовление войлочных ковров распространено именно на севере заселённой чеченцами области, едва ли случайно, так как оно широко распространено у живущих за Терексом ногойцев. От ногойцев можно легко перекинуть мост к киргизам, чьи соответствующие изделия я мог узнать в Московском этнографическом музее. Судя по выставленному там, у киргизов техника вырезания, по-видимому, менее употребительна; узоры были там либо нарисованы, либо нашиты в виде окрашенных кусков ткани. Благодаря этому легко возникала возможность составлять орнаменты многоцветными. Их характер был, однако, в общем тем же, что и у чеченских ковров.

VI. Различные орудия

Для валяния, размягчения кожи служат следующим простым инструментом. Он состоит из выдолбленного куска ствола длиной около 1 м и 20 см шириной, в одном конце которого укреплен входящий в выемку рычаг простейшим способом - посредством оси, продетой сквозь головку рычага и стенки ствола. Смоченный кусок кожи, волос которого удалён стеклянными черепками, кладётся теперь поперёк выемки и энергично продавливанием рычага проминается во всех направлениях. Чтобы это происходило как можно интенсивнее, нижняя сторона рычага и дно выемки ствола часто зазубрены, так что они входят друг в друга.

Кроме того, известно ещё железное скребло для сдиранья мездры. Оно состоит из обычной развилины ветки толщиной в слабый кол, один конец которой обрублен на 20 см, тогда как другой остаётся длиной около 1 м. Сквозь оба сука сверху в развилине продето около 10–15

см длиной и 2–3 см шириной тупое железо, обыкновенно, вероятно, кусок подковы. На конце длинной рукоятки приделана петля из лыка. Подлежащая обработке шкура подвешивается к потолку комнаты или иначе на возвышении, внутренней стороной к работнику. Мужчина берёт её левой рукой в складку и прижимает железную пластину инструмента поверх левой руки крепко к шкуре. Одновременно он ставит ногу в упомянутую петлю и тянет таким образом инструмент вдоль шкуры вниз. Этим удаляются остатки мяса.

То же скребло для мездрения я находил и в Дагестане.

При тамошнем способе молотьбы, который состоит в том, что снопы расстилаются на земле и обмолачиваются посредством молотильных досок[140] и копыт животных, под зерно, конечно, попадает много земли и мелких камешков. Для их удаления служит доска для веяния, форма которой видна из рис. 67. Инструмент захватывается за обе боковые ручки так, что тыльные стороны кистей рук обращены вверх, покачивается вокруг воображаемой оси, проведённой через обе ручки, и одновременно слегка подбрасывается вверх. Легко катящиеся зёрна падают при этом через край доски, менее подвижные посторонние предметы остаются.

[140] В оригинале "Dreschschlitten" - молотильная доска (волокуша).

Рис. 68 изображает чеченскую колыбель. Верхний соединительный брус между дугами служит рукояткой при переноске колыбели; одновременно он должен, вероятно, позволять укладку на выючных животных. Выпадение ребёнка предотвращают две шириной 10–15 см удерживающие ленты («кохго»), которые натягиваются над ребёнком и постелью от одной боковой стенки к другой. Своеобразно приспособление для оттока. Оно состоит из служащей трубой полой бараньей кости («сипе») и глиняного сосуда («тёк») на нижней стороне колыбели. Последний имеет приблизительно вазообразную форму, высотой 10–15 см и основанием около 8 см в диаметре; наибольшая ширина у него в верхней трети. Орнамента, выполненная частью в технике углублённой резьбы, частью в технике насечки, встречалась мною у разных колыбелей всегда в точно такой же форме; бросается в глаза особенно лентообразный узор среднего поля. Часто можно найти колыбели и без всяких украшений.

Дополнение (Nachtrag)

После завершения работы ко мне поступил от Ингушского института во Владикавказе I том известий этого института, с которыми он начинает свои публикации («Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения», выпуск I. 1928). Том

содержит ряд интересных статей разных авторов по страноведению и этнографии Ингушетии. Использовано из них было только воспроизведённое на рис. 4 изображение, которое даёт превосходно узнать архитектуру ингушской оборонительной башни (из статьи И. П. Щеблыкина: «Искусство ингушей в памятниках материальной культуры»). Итак, в Ингушетии мы имеем тот же тип оборонительных башен, который преобладает и в юго-западной чеченской области, что, впрочем, в основном уже было известно. Исследованные мной чеченские башни отличались от воспроизведённого на рисунке ингушского лишь тем, что нижнее помещение для пленников отсутствовало, сводчатый этаж, таким образом, был самым нижним. Далее, результатом исследований является то, что центр этой своеобразной северо-востокавказской башенной культуры, вероятно, следует искать в Ингушетии, так что чеченская область, возможно, является лишь краевой зоной излучения этой культурной области. Доказано во всяком случае, что ингуши славились своим башенным строительством и что они привлекались соседними народами в качестве строителей, так, чеченцами и в немногих случаях также осетинами. Относится ли это также к хевсурам и, прежде всего, к тушинам, которые, по сообщению Мерцбахера, пользуются тем же типом оборонительных башен, чья область, однако, нелегко достижима из Ингушетии, на этот вопрос пока ещё не обращали внимания.

Также, кажется, у ингушей богатство различными формами склепов больше; надземные склепы с внешне гладким куполом, например, у чеченцев, по моим наблюдениям, не встречаются. Также, вероятно, у ингушей количество старых святилищ больше, чем у чеченцев.

Список литературы (Literaturverzeichnis)

1. Николай Бакланов: «Златокузнецы Дагестана». О кустарях-металлистах селения Кубачи. Москва 1926.
2. Д-р Фридрих Баумхауэр: «Исследования о формах жилищ в Грузии». Гамбург 1928.
3. А. П. Берже: «Чечня и чеченцы». Тифлис 1859.
4. Юст Бинг: «Германская религия старшего бронзового века» (Исследования о скандинавских наскальных рисунках). Журнал «Mannus», т. VI, 1914.
5. Георг Бушан: «Иллюстрированная этнология». 3 тома. Штутгарт 1922, 1923 и 1926.
6. А. Быхан: Статья «Кавказские народы» в иллюстрированной этнологии Бушана, т. II, ч. 2.
7. Эрнест Шантр: «Антропологические исследования на Кавказе». Париж и Лион 1885–87. 4 тома.
8. «Путешествия господина шевалье Шардена в Персию и другие места Востока». Амстердам 1706.

9. М. фон Деши: «Путешествия и исследования в кавказском высокогорье». 3 тома. Берлин 1905–07.
10. А. Дирр: «Старая религия чеченцев». Журнал «Anthropos», т. VIII, 1908.
11. Б. Ф. Добрынин: «География Дагестана». Махач-Кала 1926.
12. Р. фон Эркерт: «Измерения голов кавказских народов». Журнал этнологии 1887.
13. И. А. Гюльденштедт: «Путешествия по России и Кавказским горам». Санкт-Петербург 1787.
14. В. Герте: «Символическое употребление шахматного узора в древности». «Mannus» VI, 1914.
15. Гебердей и Вильгельм: «Путешествия в Киликию». Записки Венской академии наук, философско-исторический класс, 1896.
16. М. А. Иванов: «Верховья реки Гехи». Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. XV, 1902.
17. Он же: «В горах между реками Фортангой и Аргуном». Изв. Кавк. отд. Русск. геогр. общ. XVII, 1904.
18. Н. Яковлев: «Ингуши». Популярный очерк. Москва-Ленинград 1925.
19. Он же: «Вопросы изучения чеченцев и ингушей». Грозный 1927.
20. Эрнест Калинка: «Малозачатские титулы». Вена 1901.
21. Г. Киперт: «Распространение греческого языка в Понтийском прибрежном горном крае». Журнал общества географии, Берлин 1890.
22. Густав Коссинна: «Немецкая предыстория, превосходно национальная наука». Библиотека «Mannus» № 9. 2-е издание, Вюрцбург 1914.
23. Б. А. Куфтин: «Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова». Москва 1925.
24. Умалат Лаудаев: «Чеченское племя». Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI, 1870.
25. Рихард Леонхард: «Пафлагония». Путешествия и исследования в северной Малой Азии. Берлин 1915.
26. А. Ф. Ляйстер и Г. Ф. Курсин: «География Кавказа». Тифлис 1924.
27. В. В. Маркович: «В лесах Ичкерии. Воспоминания лесничего». Записки Кавк. отд. Русск. геогр. общества, т. XIX, 1897.
28. Готфрид Мерцбахер: «Из высоких областей Кавказа». 2 тома. Лейпциг 1901.
29. В. Миллер: «Археологические наблюдения в области чеченцев». Материалы по археологии Кавказа, вып. I. Москва 1888.
30. Барон Франц Нопча: «Албания». Постройки, орудия, одежда Северной Албании. Берлин 1925.

31. Франц Эльманн: «Дом и двор в древности». Исследования по истории античного жилого строительства. Том I: Основные формы домостроения. Берлин и Лейпциг 1927.
32. И. М. Попов: «Ичкерия». Историко-топографический очерк. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. IV, 1870.
33. В. П. Пожидаев: «Горцы Северного Кавказа». Москва-Ленинград 1926.
34. Г. Радде: «Основные черты распространения растений в кавказских странах». Растительность земли, т. III. Лейпциг 1899.
35. Он же: «Хевсуры и их земля». Кассель 1878.
36. «Карта горских народов, подвластных Шамилю». Сборник сведений о кавказских горцах VI, 1870.
37. Арвед фон Шульц: «Памирские таджики». Гиссен 1914.
38. Георг Швейнфурт: «Каменновековые исследования в Верхнем Египте». Журнал этнологии 1903.
39. Карл Шухардт: «Древняя Европа в её культурном и стилистическом развитии». Страсбург и Берлин 1919.
40. Вертепов: «Раскопки в Урус-Мартане». Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. XIV, 1901.
41. Георг Вильке: «Культурные связи между Индией, Востоком и Европой». Библиотека «Mannus» № 10, 1913.
42. Он же: «Спирально-меандровая керамика и роспись сосудов». Библиотека «Mannus» № 1, 1911.
43. Граф Эжен де Зичи: «Путешествия на Кавказ и в Центральную Азию». Т. I. Текст и атлас. Будапешт 1897.
44. Прис: «Гробница Теодориха Великого в Равенне и её происхождение из германского деревянного и плетёного строительного искусства». Журнал строительства 1918, 1–3.
45. Н. Семёнов: «Туземцы северо-восточного Кавказа». Санкт-Петербург 1895.
46. А. П. Ипполитов: «Этнографические очерки Аргунского округа». Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I, 1869.
47. Именной указатель 5-вёрстной карты Кавказских стран. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, т. XXX, 1913.
48. «Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения». Вып. I. Владикавказ 1928.